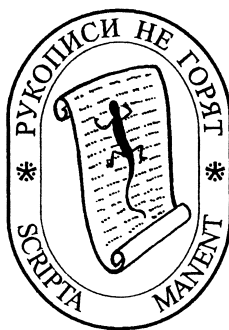

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

*Экспертный совет
Научно-образовательного форума по международным отношениям*

д.ф.н. Т.А. Алексеева, д.пол.н. А.Д. Богатуров,
член-корреспондент РАН О.Н. Быков, д.пол.н. А.Д. Воскресенский,
д.и.н. Л.М. Дробижева, к.и.н. Н.А. Косолапов, д.и.н. В.А. Кременюк,
к.и.н. М.П. Павлова-Сильванская,
член-корреспондент РАН В.А. Тишков,
д-р философии М. фон Хаген (США), д.и.н. А.С. Ходнев,
д.ф.н. П.А. Цыганков, д.пол.н. Т.А. Шаклеина

М.А. Чешков

Глобалистика как научное знание
Очерки теории и категориального аппарата

Academic Educational Forum on International Relations
«International Trends» Journal
Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences

Regional Scholar's Library Series

M.A. Cheshkov

GLOBALITY AS SCIENCE
ESSAYS ON THEORY AND CATEGORIE

Moscow
2005

Научно-образовательный форум
по международным отношениям
Журнал «Международные процессы»
Институт мировой экономики
и международных отношений РАН

Региональная библиотека международника

М.А. Чешков

ГЛОБАЛИСТИКА КАК НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Очерки теории и категориального аппарата

Москва
2005

ББК 60
Ч57

Чешков М.А.
Ч57 Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. 224 с.

ISBN 5-901981-13-8

В работе видного отечественного методолога международных отношений д.и.н. М.А. Чешкова прослеживается становление глобалистики как особого направления научной мысли, характеризуются объект, метод и предмет глобалистики. Таковой раскрывается через базовое понятие «глобальность», покрывающее процессы соединения и разъединения, универсализации и различения, охватывающие различные компоненты человеческого сообщества. Намечена структура глобалистики, которая включает наддисциплинарное (методологическое) ядро и ряд частнонаучных дисциплин.

Книга носит междисциплинарный характер и адресована как научным работникам, преподавателям, аспирантам, так и широкому кругу читателей. Она, несомненно, будет полезна тем, кто интересуется науковедением и методологией научного познания применительно к изучению мировых и глобальных феноменов современности. Монография М.А. Чешкова стимулирует поиск оптимального баланса мировых сил, способствует выработке взвешенной позиции России в «эпоху сильной неравновесности» (И. Пригожин) и преодолению чисто негативного восприятия глобализационных процессов значительной частью российского общественного сознания.

ББК 60

Книга опубликована при поддержке Фонда МакАртуров

ISBN 5-901981-13-8

© М.А. Чешков, 2005
© Научно-образовательный форум
по международным отношениям, 2005
© С.И. Дудин, эмблема, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Узловые пункты понимания глобалистики
на рубеже XX и XXI веков 6

Раздел I.
МЕЖДУ ГЛОБАЛИСТИКОЙ «УЗКОЙ» И «БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ»

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы 12
Глобалистика как отрасль научного знания 27
Различия и разнообразие в процессе глобализации 43
Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики 68

Раздел II.
ИЕРАРХИЯ КАТЕГОРИЙ

Предмет и статус глобалистики 108
Прорыв в категориальном анализе 120
Категории как средство познания 129
«Акупунктура» для отечественной глобалистики 140
Не альтернатива, но варибельность 149
Глобалистика как критика антиглобалистского знания 162
Постэнциклопедическая глобалистика 176
Глобалистика на пути к возможному прорыву 194
Глобальный мир в работах зарубежных ученых 203

Послесловие. Подведение итогов или продолжение дискуссии? 219

*Памяти любимой –
Геле*

Предисловие

Условные пункты понимания глобалистики на рубеже XX и XXI веков

После длительных дебатов, начавшихся с рубежа 60-70-х годов прошлого века, научное знание о мировых и глобальных феноменах (*World/Global Studies*) кристаллизовалось¹ к концу 90-х в особую разновидность научного знания, обозначаемого термином «глобалистика». Все прежние дискуссии относительно предмета, метода, предпосылок и оснований этого вида знания сфокусировались в проблеме статуса глобалистики².

Не вдаваясь в науковедческие дефиниции статуса (дисциплина, область, направление, «сфера»), заметим, что эта проблема порождена не только интегративной тенденцией в наукогенезе, но и актуализацией другой тенденции, гораздо менее акцентируемой в специальной литературе – дифференциации науки. Иначе и не возникла бы и проблема статуса. В нынешней ситуации, особенно на рубеже веков, именно эта, вторая тенденция активизируется и, накладываясь на первую, по меньшей мере умеряет стремление сделать из глобалистики некую «паннауку» (об основных закономерностях или о «любом целом»). Пафос настоящих очерков – обратен этой тотализирующей тенденции, несущей глобалистике «смерть до рождения».

В такой ситуации важно проследить (и фундировать!) преемственность различных направлений в исследованиях мировых и глобальных проблем. Наш коллега А.И. Чумаков последил прямую преемственность между изучением глобальных проблем и проблем глобализации (интеграции и дезинтеграции). Мы также ранее пытались обосновать подобную преемственность³, но ныне склонны скорее в этом сомневаться, видя разную предметность этих двух направлений и тем более не видя причинно-следственной связи ни между ними, ни между их реальными референтами⁴. Эти сомнения заводят нас так далеко, что заставляют искать «разные глобалистики», объединяемые общим термином-названием и воздействием вненаучных дискурсов.

Сложилась ситуация, когда глобалистика, с одной стороны, явно конституируется, а с другой – ее бытие выглядит проблематичным. Для этого новообразования наступает «час истины» (см. ни-

Понимание глобалистики на рубеже XX и XXI веков

же), и поэтому необходимо представить ход дискуссии вокруг узловых проблем этого вида научного знания⁵.

Можно выделить пять «узлов»: понимание объекта и предмета, понимание предметности и проблемности, соотношение глобалистики и философии, понятийный аппарат глобалистики, специфика глобальных отношений (теория и практика). Наши попытки развязать эти «узлы» в предлагаемом тексте, имеют общий «выход». *Речь идет о конструировании особого идеального объекта – теоретико-познавательной (гносеологической) модели глобалистского научного знания.* Зачастую противоречивые попытки автора на этом пути надо оценивать по тому, насколько обоснована и продуктивна намеченная модель. Если эта задача и не будет решена удовлетворительно, то, по крайней мере, ее решения позволят существенно «свернуть» поток информации, имеющей марку «глобализация». При этом надо иметь в виду, что основное внимание уделялось не глобалистике в целом как междисциплинарной области науки, а особому – философско-методологическому – ядру этой наддисциплинарной⁶ конструкции. Охарактеризуем вкратце узлы, над «развязкой» которых бился автор.

Первый узел в становлении статуса глобалистики есть понимание ее предмета и объекта. В очерках нет достаточно четкого разделения этих двух параметров научного знания⁷. У автора упрочилось стремление уточнить представления об объекте. Если ранее он мыслился как широкое целое (точнее: человечество как целое), то ныне возникла потребность *различить целое и целостность*, представляя второе как один из предметов целого, то есть его связанность, когерентность. Такое суженное видение объекта возникло как реакция на смешение этих двух параметров (и понятий), что делало объект глобализации поистине тотальным, а глобалистику – знанием обо всем. Стремление детотализировать глобалистику, понять ее объект (пусть и важный, но все же как частичный) означало и сдвиг к сужению и ее предмета. Если на первых порах предмет включал (у автора) и представление о человечестве как целом (глобальная общность человечества⁸), то затем он был сужен, покрывая и процессы (к соединению и разделению), и параметры (всеобщие и особые свойства) различных компонент человечества и его отношения с природной средой (см. ниже 4-й узел). Представляется, что лишь сужив – так или иначе – объект, мы получаем основание и для его взвешенного толкования, и для определения сферы применения глобалистских терминов. Признаем, что сила номинации противодействует всякому ограничению понятий глобализация, глобальность и др., превращая их из *понятий в термины*, мало отличные, скажем, от термина «мировое».

Предисловие

Второй узел тесно связан с первым: речь идет о соотношении предметности и проблемности в глобалистике. В представленных очерках оба параметра обсуждаются. Но поскольку авторское представление о предмете меняется, то четко размежевать предметность и проблемность этой области знания не удастся. Сделать же это необходимо, ибо без различения этих параметров (а они зачастую подменяются) невозможно определить сферу компетенции глобалистики, особенно то, чем *она не должна заниматься*. Тем самым трудно добиться самоопределения глобалистики, так сказать, вовне.

Подобное самоопределение равным образом невозможно и без соотнесения глобалистики – с философским (и особо-методологическим – знанием), где и возникает третий узловой пункт. Позиция автора в этом вопросе изменилась за последнее время: если ранее принималось представление о философии как знании предпосылочном или как основания глобалистики, то ныне автор склоняется – не без воздействия философов – к иной позиции, представляя глобалистику как «продукт» философско-методологического и научного знаний, стремясь реализовать это представление в идее сквозного понятия («оси»), проходящего через слои философского, общенаучного и частнонаучного знания и их скрепляющего⁹.

Самоопределение глобалистики – по существу центральная тема всех представленных работ, она фокусируется (четвертый узел) в разработке набора *понятий и категорий*, раскрывающих предметность глобалистики. Намечены и базовое понятие («глобальность»), и ряд конкретизирующих его категорий, и их иерархия. В ней ключевое значение имеет категория, выражающая единство противоположных по вектору процессов (соединение – разъединение) и полярных качеств, свойственных их субъектам и структурам (всеобщность или универсальность; особенность или партикулярность). Мы условно обозначили ее термином «со $\Leftrightarrow$ раз» (то есть «соединение-разъединение»). Отметим, что эта категория не заменяет собою базовое понятие глобальность, но раскрывает его сущность наряду с другими категориями, иерархически соподчиненными (архетип, исторические и пространственно-временные конфигурации). Не менее важно и то, что категория «со $\Leftrightarrow$ раз» разбивает отождествление феномена глобализации с одной стороной этой диады, а именно – со связанностью и всеобщностью, что было свойственно и самому автору, и прочно сохраняется поныне в *mainstream*-овской глобалистике. Данная категория позволяет видеть, что логика *научного познания* феномена глобализации *обратна исторической логике* этого феномена: если таковой разворачивается в порядке от «со» (1970-1980-е гг.) к «раз» (1990-е гг.), то на-

Понимание глобалистики на рубеже XX и XXI веков

учное познание постигает сущность глобализации, лишь *перевертывая* эту реальную логику, и тем самым осуществляет сборку целостного видения понятия глобальность¹⁰. Поэтому вряд ли обосновано видеть прогресс глобализации в том, что сначала осваивается одна сторона («со»), а затем – другая («раз»). Короче говоря, «перевертывание» теоретической мысли наряду с категориальной иерархией и введением категорий архетип глобальности и связки «со <=> раз» и есть основные операции по конституированию идеальной модели глобальности (ее «ядра»¹¹), которые намечены автором в работах конца XX – начала XXI века.

Все они пока достаточно гипотетичны и эскизны: необходима дальнейшая проработка как логической соподчиненности, так и их исторического измерения. Независимо от уровня разработанности категориальной иерархии само ее обоснование есть важнейший симптом уже не *зарождения, но и становления* глобалистики, ибо тем самым выражается сущность глобализации как таковой, без чего невозможно ни ее детотализация (в плане гносеологическом), ни ее деконтекстуализация (в плане онтологическом).

Попытки детотализации понятия глобальность неизбежно приводят автора к проблеме природы глобальных отношений (пятый узел), лежащей на стыке теории и практической политики. Трудно, во-первых, их вычленив из «контекста» (как бы таковой не понимался, и в частности из т.н. международных отношений); во-вторых, остается (в том числе и в данных работах) неясность в понимании глобальных отношений под углом отношений неравенства и/или различий, неравенства, задаваемого то ли «контекстами», то ли собственно природой глобальности (или глобализации). Автор, ставя эти вопросы, склоняется к признанию глобальных отношений как *отношений по поводу различий*, считая, что неравенство (в первую очередь мировое) порождается не глобальными отношениями, но то ли природой современной цивилизации, то ли ее современной постиндустриальной и посткапиталистической организацией. Наконец, сквозной проблемой в понимании глобальных отношений предстает соотношение в них логики субъектов (и межсубъектных отношений) и структурной логики. Обращая внимание на эти узловые пункты, читатель увидит, надеемся, те проблемы глобалистики, которые зачастую остаются в тени, когда речь заходит о глобализации (феномене, идеологеме, процессе).

Выходя за рамки наших разработок, зададимся вопросом: не порождает ли наукогенез в данном случае некое новое формирование – знание не собственно научное, но совокупное¹², соединяющее органически науку, «не» и «вне» науку. В таком предельном выражении проблема статуса глобалистики резко обостряется: пробле-

Предисловие

матичным выглядит не «число» глобалистик, но само ее бытие как вида научного знания. Впрочем, даже в предельной постановке вопроса не исключается и собственно научное существование глобалистики, а проблематичным выглядит ее соотношение с другими видами знания¹³.

Не отбрасывая эту «предельную» перспективу, подчеркнем, что в нынешней глобалистике четко видны три тенденции. Одна, как говорилось выше, ведет глобалистику за пределы науки. Две другие, разворачиваясь в русле наукогенеза, формируют глобалистику или через накопление исторического опыта, или через теоретическую систематизацию¹⁴, то есть конструирование. Наши очерки, надеемся, будут стимулировать движение по траектории «конструирования», что может если не устранить, то умерить «тотализацию» глобалистики. Увы, не более чем умерить, ибо «*Nomen est Omen*» («Имя – Знамение»), сила номинации («глобальное») почти не уступает силе гравитации. Только ход реальных событий (а не логика познания, тем более – научного) может преодолеть силу номинации. Этому есть и прецедент: протестные (антиглобалистские) движения и реакции на глобализацию, лишив понятие «глобальность» его односторонности, буквально навязали научному сообществу представление о глобальности как едином по существу и дуальном по природе понятию.

Изложенные выше соображения в значительной мере стимулированы дискуссиями, проходившими в 2000-2005 годах в рамках междисциплинарного семинара по проблемам глобализации (Клуб ученых «Глобальный мир» – КУГМ) под эгидой Института микроэкономики и Института мировой экономики и международных отношений РАН. Особенно плодотворными для автора были соображения (и возражения), выдвинутые Э. Азроянцем, К. Акопяном, А. Вебером, Н. Косолаповым, Э. Кочетовым, Е. Рашковским, И. Следзевским, Ю. Шишковым, А. Чумаковым.

Данная работа, рожденная в этих дискуссиях, содержит немало повторов, спорных, гипотетических и противоречивых положений. Однако именно в таком виде она хорошо представляет «кухню» новой отрасли науки. Поскольку большая часть очерков уже опубликована в разных изданиях, то в наших текстах сохраняется аппарат сносок, написание имен авторов в таком виде, как это сделано в оригиналах.

Примечания

¹ И суммировалось в специальном издании – «Глобалистика. Энциклопедия» / Глав. ред. и составители И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003.

² Что и зафиксировано в обобщающей работе А.Н. Чумакова «Глобализация. Контуры целостного мира» (М., 2005. С. 92).

Понимание глобалистики на рубеже XX и XXI веков

- ³ Чешков М.А. Глобалистика: поиск предмета. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 71.
- ⁴ А.Н. Чумаков считает, что глобализация порождает глобальные проблемы. См.: Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры современного мира. С. 53-54, 87.
- ⁵ В целом заметно отличных от тех, что приняты в глобалистском *mainstream* (как отечественном, так и зарубежном).
- ⁶ Не вдаваясь здесь в различие меж- и наддисциплинарного знания.
- ⁷ Разве что полагая объектом то, что дается наблюдателю извне, а предметом — его представление об объекте.
- ⁸ Было бы точнее говорить о планетарной родовой общности человечества, если мы хотим избежать тотализации нашего ключевого понятия-термина (глобальность).
- ⁹ Эта идея разрабатывается не только применительно к глобалистике, но и к исследованию международных отношений (Международные процессы. 2004. № 3. С. 121-136) и к проблематике развития (Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5). Остается открытым вопрос о том, можно ли это образование считать неким гибридом трех видов знания.
- ¹⁰ См.: Чешков М.А. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. Pro et Contra. 1999. Том 4. № 4. С. 114-127. В свою очередь, такая гносеологическая сборка задана сборкой онтологического порядка, причем как нет первой без второй, так и второй без первой (хотя они противоречивы и зачастую ассиметричны).
- ¹¹ Без такого «ядра» невозможно формирование глобалистики как междисциплинарного комплекса: обратный путь — от частных дисциплин к «ядру» — не будет продуктивным до тех пор, пока не станет само «ядро».
- ¹² Навейным особенно работами Э. Азроянца.
- ¹³ Такое представление о будущем глобалистики вполне соответствует идее Новой науки.
- ¹⁴ По опыту других наук, например, биологии.

Раздел I.

МЕЖДУ ГЛОБАЛИСТИКОЙ «УЗКОЙ» И «БЕСПРЕДЕЛЬНОЙ»

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

Понятия:

Глобализация – процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества.

Глобальная общность человечества – бытие и сознание человечества как продукта антропосоциогенеза, принимающие различные исторические формы.

Глобализация как процесс нарастающей (по всем азимутам) взаимосвязанности человечества за последние примерно два десятилетия прошла (особенно в ее экономическом измерении) половину кондратьевского цикла: фаза повышения, начавшаяся в 1980-е годы, сменилась с середины 1990-х фазой понижения, а весь цикл (или так называемая длинная волна) должен завершиться в 20-е годы XXI века. На стыке двух фаз, или на переломе «длинной волны», и возникает ощущение того, что глобализация заканчивается, исчерпывает себя. Кое-кто уже заговорил о постглобализации. Представление о закате глобализации основано на отождествлении этого процесса лишь с его одним, хотя и, безусловно, важным измерением – экономическим, а также на непонимании его циклической природы. Иначе говоря, видеть в глобализации исчерпавший или исчерпывающий себя процесс можно лишь при одномерном, редукционистском к ней подходе как разновидности «трендового» движения, при отказе анализировать ее долгосрочную логику. Тем самым идея финальности глобализации обнаруживает, на мой взгляд, искаженное или даже ложное представление об этом явлении. Широко распространившийся образ умирающей глобализации следует отнести на счет не столько научного, сколько массового сознания. Действительно, глобалистское сознание как особая форма мирового общественного сознания выработало за последние

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

20 лет устойчивые стереотипы, образующие в совокупности то, что можно назвать *глобалистской мифологией*.

Глобалистская мифология

Это – совокупность противоречивых и даже взаимоисключающих стереотипов, созданных как господствующими (*mainstream*), так и различными оппозиционными и альтернативными формами сознания и общественными движениями, которые заявили о себе к началу 1990-х годов. Кстати, российское общественное сознание, хотя и весьма неоднородное, явно тяготеет к оппозиционному полюсу, тем более что в нынешней России, отмечает Григорий Померанц, все ощутимее «дует ветер обособления»¹. Столкновение двух полюсов глобалистской мифологии вылилось в острую международную дискуссию (так называемый *Global Talk*), в ходе которой на поверхность всплыли все основные постулаты господствующей мифологии. Согласно им, глобализация есть это процесс:

- неизбежный, фатально предопределенный;
- универсализирующий или нивелирующий все различия – от экономических до культурных;
- тождественный вестернизации или американизации;
- односторонний, то есть безальтернативный;
- стирающий не только различия, но и неравенства, а также устраняющий суверенное территориальное государство.

В оппозиционных построениях все эти стереотипы глобалистского *мейнстрима* выступают как бы в перевернутом виде. Глобализация предстает в них процессом:

- не предопределенным или неизбежным, а обратимым;
- имеющим альтернативу в виде национальных и почвеннических идентичностей, противопоставляемых вестернизации и американизации;
- углубляющим неравенства и расчленения в сложившемся мироустройстве, которое трансформируется в систему, где господствует глобальный корпоративный капитализм.

Как видим, глобалистская мифология с ее дуальной структурой вновь возрождает поляризованное, дихотомическое видение мира, в результате чего теряет позиции идея относительности, релятивизации бинарных оппозиций (Жак Деррида), которая преобладала в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Тем самым глобалистское мирознание способно реанимировать мышление времен «холодной войны», чреватое пришествием нового «ледникового периода». Такая опасность исходит как от господствующих стереоти-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

пов с их установкой на единый универсальный мир, так и в не меньшей мере от оппозиционных мифов, которые ищут опору в «почве» и в доглобализационном мироощущении. Сходные угрозы характерны и для нынешнего российского сознания, в котором бум радикальных тьермондистских представлений сочетается с романтизацией-идеализацией советского тоталитарного прошлого. Чтобы преодолеть эти опасности или хотя бы их блокировать, необходимы заметные усилия научного сознания, и в первую очередь в той новой отрасли, которую условно именуют глобалистикой.

Глобалистика как отрасль научного знания

Эта научная область обязана своим рождением тому великому сдвигу в мире, который дал о себе знать на рубеже 60-70-х годов прошлого века. Он повлек за собой возросший интерес научной мысли к проблемам мироцелостности, которую все чаще рассматривают сквозь призму идей взаимозависимости (*interdependence*) и взаимосвязанности (*interconnectedness*). Именно это дало толчок так называемым мировым (*world*) и глобальным (*global*) исследованиям, которые вкупе с цивилизационными и экологическими разработками, а также проблематикой развития послужили основой для идей Римского клуба. В его работах впервые, на мой взгляд, был определен предмет глобалистики – **Человечество в процессе эволюции Вселенной** (концепция универсальной эволюции Эриха Янча). Правда, такое определение вначале было довольно аморфным и продолжало уточняться в течение 10-15 лет по мере того, как глобалистика отделяла свой предмет от смежных направлений и дисциплин (международные отношения, экономические, культурологические и прочие отрасли знания). Становление предмета глобалистики в чисто логическом плане можно представить как движение от «общества», этой базовой единицы анализа, к явлениям, выходящим за пределы национальных организмов («транс»-феномены в их различных видах); далее, к представлению о мире как системе и, наконец, к Человечеству.

Историческая же логика глобалистики была иной: тему глобализации за прошедшие 20 лет разрабатывали не только в ее обобщенном, наддисциплинарном виде, но и параллельно в русле отдельных дисциплин. Первое из этих двух направлений отмечено поисками более четкого определения предмета глобалистики, понимаемого как некое глобальное «условие человеческого существования» с особой структурой, отличной от всех частичных типов социальных отношений (работы Роланда Робертсона и других). Такое представление

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

опиралось в основном на культурологическую методологию и знаменовало собой выход глобалистики из «внутриутробного» состояния².

Преобладало, однако, не обобщающее направление, а разработка темы отдельными дисциплинами, что и породило множество частнонаучных «образов» глобализации. Судя по тому, что предмет глобалистики все еще далек от четкого определения, и она пока обходится без конкурирующих (или альтернативных) парадигм, множественность образов выглядит признаком не столько *дифференциации*, сколько *фрагментации* данной отрасли знания. Эту оценку можно подтвердить кратким обзором частнодисциплинарных видений глобализации, имеющих хождение в зарубежной и отечественной литературе.

В разработку темы внесли свой вклад несколько групп дисциплин:

- *культурологические и экономические*; они наиболее продвинуты в разработке как своих узкодисциплинарных, так и общих «образов» глобализации;

- *политологические и социологические*; различные направления антропологии (социальная, культурная, экономическая), успехи которых за последнее время, пожалуй, особенно заметны;

- *«геодисциплины» (экономические, политические, исторические)*; в их рамках анализ глобализации выходит к проблемам пространства и времени, то есть на уровень философского знания.

Хотя эти группы дисциплин и различаются уровнем активности «подведомственных» им процессов глобализации, вряд ли можно говорить о прямой связи между данным фактором и достижениями той или иной отрасли знания в разработке проблемы. Ошибочно, например, расхожее мнение, будто глобализация до сих пор развивалась преимущественно в ее экономическом срезе, не менее интенсивна она была и в информационно-культурной области. К тому же именно культурология, более других причастная к постмодернизму, вырабатывала методологический инструментарий, адекватный новому предмету.

Начнем с *культурологии*, в рамках которой глобализацию понимают весьма по-разному: и как тенденцию к созданию некой единой мировой культуры/цивилизации; и как растущую взаимосотнесенность различных культур, не порождающую новую культуру, а построенную либо на господстве одной из них, либо на их «концерте»; и как более сложные схемы, например, как общность сознания, которое включает в себя проекции глобального мира, продуцируемые локальными цивилизациями³. Налицо полярно противоположные трактовки. Преодоление такой полярности намечено, пожалуй, в постановке проблемы о возрождении идентичности в условиях информационной революции (Манюэль Кастелле)⁴.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Различно понимание этой темы и в экономических дисциплинах. В них «образы» глобализации тоже многообразны, но построены на других основаниях – на идеях постиндустриализма и информационного общества. При этом представление об *информационной экономике*, становление которой как бы венчает процесс глобализации, остается крайне неопределенным. Этот тип экономической организации предстает своего рода дематериализованной, или виртуальной, экономикой, воплощающей отрыв финансовой сферы от реального производства, притом в различных трактовках: либо как преодоление стоимостных отношений (Владислав Иноземцев)⁵, либо как их модификация, порожденная сочетанием экономических и неэкономических отношений (Эрнест Кочетов). В обоих случаях упущена из виду связь подобной модели экономических отношений с мировым разделением труда и мировым рынком. Поэтому постстоимостная экономика, с одной стороны, выглядит скорее идеальной моделью, лишенной своего пространственного измерения (особенно у В. Иноземцева), а с другой – предстает как изображение, где на место идеальных или логических качеств поставлены конкретно-исторические⁶.

Ближе других к идеальной модели информационной экономики/общества подходит схема мирового города (Юрий Васильчук)⁷, которая, будучи построена на идеях Питера Дракера о решающей роли знания, не снимает противоречий, присущих этой модели в мировом контексте. Противоречия информационной экономики/общества наиболее полно представлены у отечественных «неомарксистов» (Александр Бузгалин, Андрей Колганов)⁸, схема которых⁸, кстати, не имеет ничего общего, на мой взгляд, с марксистским представлением о капитализме. В их концепции глобализация означает становление отношений отчуждения не материального, овеществленного богатства, а интеллектуально-духовного, что коренным образом отличает глобальный вид отчуждения от отчуждения капиталистического типа. По существу, в схеме этих авторов речь идет об исторически новом способе производства, в рамках которого функционирует денежный или финансовый капитал, то есть *капитал за пределами капиталистического способа производства*. В этом изображении глобализация как бы симметрична процессу превращения капитала в капиталистический способ производства, но, так сказать, с обратным знаком. Независимо от различий в трактовке глобализации и информационной экономики/общества авторы наиболее значительных концептуальных схем приходят к единому выводу об ограниченности узкодисциплинарных средств познания и говорят о необходимости анализировать становящиеся экономические отношения в широком контексте общества, культуры и человека.

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

Такой же прорыв, хотя с гораздо меньшим багажом аргументации, заметен и в других дисциплинах, например, в *теории международных отношений*, в рамках которой все чаще говорят о необходимости анализировать не только «транс»- и «кросс»-феномены, но и мировой социум⁹. В этом же ряду стоят представления о мировом, или глобальном, гражданском обществе. Между тем в собственно социологических дисциплинах выход к идее мирового социума обозначен более скромно¹⁰. В них глобализацию трактуют скорее как многосторонний процесс взаимосвязывания структур, культур и субъектов в мировом масштабе (Маргарет Эрчер) или же как процесс, размывающий географические границы социокультурных нормативов и сопровождаемый растущим осознанием этого (Малком Уотерс). Наконец, этот же процесс определяют как интенсификацию социальных отношений в мировом масштабе, так что события в тех или иных отдаленных друг от друга местах оказываются взаимосвязанными (Энтони Гидденс). В итоге глобализация предстает как сжатие мира в одно целое, чуть ли не в одну точку, с одновременным осознанием этого целого локальными частями (Роланд Робертсон).

Пространственный и даже пространственно-временной аспект глобализации находит отражение в географических дисциплинах, особенно в их исторических ответвлениях. Во франкоязычной литературе «мондиализацию» (эквивалент «глобализации») понимают как транзакционный процесс, порождаемый всевозможными обменами между разными частями земного шара, или как своего рода *всеобщий обмен в масштабах человечества*. Этот процесс, берущий начало с XV столетия, обретает современные формы к концу XIX века, создавая метапространство – одновременно и особую систему, и среду – для различных географических пространств (Оливье Дольфюс)¹¹. Такое изображение глобализации не ограничено рамками одной дисциплины – географии, коль скоро речь идет о метапространстве и процессе, вовлекающем в себя человечество и всю нашу планету. В геодисциплинах не достигнуто согласие относительно начала глобализации, которое, как правило, относят к XV-XVI векам, но порой отодвигают во второе, а то и в пятое тысячелетие до нашей эры (Андре Гундер Франк)¹².

Как бы ни были многообразны представления о глобализации, сложившиеся в разных отраслях научного знания, они содержат нечто общее, позволяющее наметить новые пути для выработки *обобщенного представления об этом процессе и его формах*. Очевидно, что все дисциплины, имеющие отношение к нашей теме, выходят к мировому, планетарному уровню исследования независимо от того, идет ли речь о глобальной экономике, культуре, пространстве или социуме. Столь же очевидна и ограниченность специально-дисципли-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

линарных средств познания, вынуждающая их обращаться, хотя и в разной степени, к самому широкому контексту, который предстает в виде то ли мирового социума/культуры, то ли человечества. Менее ясно выражено, но все же достаточно заметно движение или, точнее, потребность движения частнонаучного знания к знанию философскому (проблема пространства и времени, обобщаемая специальной категорией, которая воплощает единство этих двух измерений, как, например, у Имманюэля Валлерстайна)¹³. Однако динамика научного знания о глобализации неравномерна в его разных отраслях и дисциплинах. Это дает о себе знать, когда постулируют единство экономических и неэкономических отношений в глобализирующейся или постиндустриальной экономике, либо когда пытаются координировать и даже интегрировать усилия разных дисциплин, например, в виде единого «куста» геодисциплин, либо когда стараются соединить социологическое, экономическое и экологическое знания (в работах Игнация Сакса)¹⁴, экономическую науку и культурологию (в концепции культур-экономики Арджуна Аппадурай с ее различными «потоками»)¹⁵, географию и экономику в различных версиях геоэкономики (Александр Неклесса)¹⁶. Выход к междисциплинарному видению весьма затруднен тем, что глобализацию приходится описывать, обращаясь к симбиотическим или синтетическим понятиям типа «этноэкономика» или к общепринятым терминам вроде «стратегические эффекты» (Эрнест Кочетов).

Такого рода инструментарий только еще начинает вырисовываться, но уже ясно, что метод *простого добавления* к одному виду знания другого не может дать *совокупный образ* глобализации. Не может его дать и такое направление исследований, когда та или иная дисциплина претендует на главенствующую роль, будь то претензии экономистов или культурологов, а в последнее время также психологов и историков.

Выработке *обобщенного видения* глобализации препятствуют и некоторые стереотипы социального познания, в первую очередь такие, как социоцентризм и абсолютизация системного подхода. Социоцентризм уходит корнями в классическую социологию XIX–XX веков как в либеральной, так и марксистской ее версиях. Абсолютизация же системного видения восходит ко времени зарождения идей Римского клуба, которые стали ядром своего рода системной философии. Социоцентризм, однако, ныне поколеблен постановкой экзистенциальных (выживание) и антропологических («антропологизация труда») проблем. Правда, и здесь возможны ложные пути, например, когда признают, по Мишелю Бо, равноположенными две логики воспроизводства – человечества и капитализма¹⁷. Менее заметно, но расшатывается и принцип системоцент-

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

ризма по мере того как в синергетике, диатропике и связанных с ними областях математики предметом исследования все больше становятся объекты несистемного класса (мозаичные образования, неопределенные множества).

Сдвиги внутри отдельных дисциплин, развитие междисциплинарного подхода, постепенное размывание научных стереотипов – все это, вместе взятое, образует *предпосылки*, необходимые для выработки обобщенного, или наддисциплинарного, образа глобализации. Для этого есть и достаточно прочные *основания*: идеи и концепции самоорганизующейся эволюции (от Эриха Янча до Никиты Моисеева), классические историко-цивилизационные построения (Карл Ясперс, Арнольд Тойнби) и, конечно, инструментарий различных направлений общенаучного знания (систематика, синергетика, диатропика). Эти основания и предпосылки, взятые в их совокупности, сами по себе еще не создают наддисциплинарного образа глобализации. Для его конструирования требуются мыслительные усилия и (вспомним призыв Чарлза Райта Миллса) сила социологического воображения. Прежде всего необходимо отдавать себе отчет: предмет такого изображения – не социальное или культурное бытие человечества, а человечество как *родовое образование*, что предполагает интегральный взгляд на него. Этому способствует растущее внимание философской (особенно этической) мысли к проблеме глобализации (Валентина Федотова), хотя порой реальность такого предмета отрицают (Федор Гиренок)¹⁸. Трудность, однако, состоит в том, что надо представить человечество как целое вопреки тому, что его реальное бытие противоположно: оно дифференцировано и фрагментировано всем ходом эволюции. Иначе говоря, необходима «сборка» предмета, находящегося в *разобранном состоянии*. Тем самым теоретическое мышление должно идти в направлении, обратном движению реальности, что, впрочем, свойственно научному познанию (как это заметил еще Маркс). Правда, это противодвижение не абсолютно, поскольку дифференциация сопровождалась и сопровождается контрпроцессом – нарастанием взаимосвязанности¹⁹.

Человечество как глобальная общность

Итак, человечество может предстать в виде глобальной общности. Термин «общность» предпочтительнее термина «система», так как он шире и включает в себя последний, оставляя простор для осмысления человечества в качестве несистемного объекта или же объекта, которому в принципе свойственны разные типы организации (и системный, и несистемный). Во всяком случае, введение термина

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

«общность» позволяет избежать абсолютизации системного подхода, и это напоминает ситуацию начала 1930-х годов, когда Николай Кондратьев обратился к понятию «совокупность», полемизируя с системной позицией Николая Бухарина²⁰. Понятие «глобальность» следует четко развести с понятием «эволюция человечества», не допустить растворения первого во втором, ибо глобальность характеризует *лишь один из аспектов* эволюции человечества – взаимосвязанность, взаимосоотнесенность. Наряду с этим действуют и другие механизмы, такие, как членения-дифференциации или – несколько в ином ракурсе – *диверсификации*. Оба этих механизма, в свою очередь, вписаны в две ветви самоорганизующейся эволюции – упорядочивания и беспорядка, и хаос тем самым является собой особо сложную форму порядка. Итак, я сужаю понятие глобализации, отчленяя его от целостного предмета нашего исследования – человечества, и это *первый шаг* в разворачивании концепции глобальной общности человечества.

Второй шаг состоит в определении структуры глобальной общности, или глобальности (*globalité, globality*) как структуры. Последняя может быть описана через взаимосоотнесенность трех начал человеческого бытия: природного (биологического и небιологического), социального и субъектного (или деятельностного). Структура (или ядро) воплощает, если так можно сказать, абсолютное бытие глобальной общности – в том виде, в каком она создана процессами антропосоциогенеза²¹.

Мотором исторической динамики выступает противоречие между глобальной общностью как родовым образованием и как ее индивидуальным воплощением. Иначе говоря, основное противоречие реализуется в двух формах бытия человечества – родовой и индивидуальной – через опосредующие их различного рода совокупности (социальные, этнические, конфессиональные) и разворачивается в смене доминант – природного и социального начал. Историю глобальной общности можно разделить (оставляя в стороне переходы) соответственно на эпохи доминирующего природного начала и доминирующего социального начала. А ныне, в начале XXI века, мы вступаем в период, когда меняется сам принцип ее структурирования – от доминирования того или иного начала к их равноположенности.

Что касается субъектного начала, то оно играет решающую роль в периоды смены эпох глобальной общности, выполняя роль своего рода переключателя, который или переводит доминанту одного начала в доминанту другого, или – на нынешнем этапе – призван перевести стрелку эволюции с принципа доминирования на принцип равноположенности. Смена принципов структурирования знаменует критический момент в эволюции глобальной общности.

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

сти: с одной стороны, исчерпана доминантная роль социального начала, а с другой – открывается необходимость сбалансировать все три начала. Такая ситуация может означать исчерпание одной – социальной – ветви эволюции человечества и деформацию другой – природной, а также необходимость продолжения эволюции через перестройку всех трех ее ветвей: социальной, биологической и небиологической. Исчерпание и последующая реконструкция социальной ветви, ее баланс с другими ветвями отражены в феномене исторического полиморфизма (возрождение культурных, этнических, религиозных общностей), который, не будучи ни архаизацией, ни демодернизацией²², включает в себя эти возрожденные формы как моменты обретения историей ее подлинной полноты, как процесс восполнения и наполнения истории.

Третий шаг в разворачивании нашей концепции – это описание уже не ядра, а отдельных, частичных параметров глобальной общности: ее организации (строение), состава, отношений, типа развития. По совокупности общих и частичных параметров эволюцию глобальной общности можно подразделить на три этапа:

- протогобализация – от неолитической революции до Осеевого времени;
- зарождение глобальной общности – от Осеевого времени до эпохи Просвещения и индустриальной революции;
- формирование глобальной общности – последние 200 лет.

Ныне, с началом третьего тысячелетия, завершается первая большая эпоха (включающая в себя все три упомянутых этапа) в истории глобальной общности и возникает возможность ее качественной трансформации в условиях, когда становится проблематичным само бытие *homo sapiens*. Переход к этой, второй эпохе глобальной общности может сопровождаться кризисом такого масштаба, с которым несопоставимы кризисы всех остальных времен: неолитической революции, Осеевого времени, индустриализма. Чтобы представить себе сложность ситуации смены эпох, охарактеризуем вкратце тот аспект эволюции глобальной общности, который отражен в ее исторических типах.

Исторические типы в их динамике

Понятие «исторические типы» характеризует особые формы, которые принимает глобальная общность в зависимости от того, какое начало доминирует в ее ядре и как меняется сам принцип доминирования. Добавив к этой характеристике, определяющей исторические типы, другие параметры – пространство, множественность

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

форм и степень сложности, можно выделить три больших исторических типа.

Первому, сложившемуся в период от Осевого времени до приблизительно конца XVIII века, свойственны: доминирование природного начала над социальным; множество локальных пространств и, соответственно, множественность формообразований, особенно в виде «мироимперий» (в терминах Фернана Броделя), простота этих локальных форм. *Второй* исторический тип зарождается в конце XVIII – начале XIX века; для него характерны: безусловное доминирование социального начала, единая форма организации и ее относительная, «простая» сложность. Этот тип в последние два десятилетия XX века сменяется новым, *третьим*, когда возвышение субъектного начала открывает возможность преодолеть принцип доминанты; ему присущи: планетарное (или общечеловеческое) пространство, множественность оргформ, сложность и даже сверхсложность организации глобальной общности как целого.

Оставив в стороне первый, обратимся ко второму и третьему, или – условно – *индустриально-модернистскому* и *информационно-глобалистскому* типам, акцентируя внимание на сдвиге от второго к третьему, который происходил в последние два десятилетия XX века. Я рассматриваю этот сдвиг примерно по десятку параметров (структура ядра, состав, отношения и пр.), что дает возможность достаточно полно судить о его векторе и глубине.

В *ядре* исчерпание доминирующей роли социального начала, чье абсолютное преобладание было присуще индустриально-модернистскому типу, привело к его реконструкции, а на уровне теоретического сознания нашло отражение в тяге к «несоциологической теории общества» (Ален Турен)²³. Стали искать баланс начал социального и природного (идея и концепции устойчивого развития). Резко возросшая роль субъектного начала проявилась в стремлении мирознания выйти за пределы идеологии модернизма, в активизации поисков трансцендентности и новых морально-этических норм («духовная революция»). Возникли новые агенты, претендующие на роль носителей общечеловеческих норм и принципов в лице и новых общественных движений, и резко активизировавшегося индивида, который стремится стать «вселенским» человеком. Но одновременно все громче заявляют о себе агенты, деятельность которых базируется на сочетании социального и природного начал (этнические, родовые, языковые движения). Сложилась ситуация, которую обычно описывают как множественность агентов и акторов, а за ней теоретически проглядывают две перспективы: или расшатывание субъект-объектного членения в структуре ядра и превращение человечества в единого субъекта, когда общечеловеческую субъектность реализуют мно-

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

жество агентов, в том числе (и особенно) индивид; или сохранение этого членения и возникновение на его основе нового типа отношений, построенных на отчуждении человечества и человека, но не от материального богатства и природы, как это было раньше, а от самой реальности – путем создания виртуального мира средствами масс-медиа (Михаил Эпштейн)²⁴. Оба варианта сформулированы чисто теоретически, при этом множественность агентов выглядит не переходным феноменом, а нормой будущего информационно-глобалистского типа. В обоих случаях гипотетический сдвиг означает не только выход за пределы второго типа, но и движение к третьему.

Тип организации, присущий индустриально-модернистскому типу, это – разновидность системности, конституированной не элементами, а связями, или полисистема. Движение к третьему типу по данному параметру идет по линии усиления полисистемности, то есть не разрыва, как это наблюдалось в ядре, а преемственности, но не через замещение, а совмещение и даже совпадение. Вряд ли этот вектор может быть изменен какими-то автаркическими стратегиями или региональными блоками. Преемственность означает углубление, интенсификацию и разнообразие связей, но (не исключено) и качественно новую организацию. Такая возможность задана разнородностью состава, что и проявляется ныне. Поэтому вероятно представить себе организацию информационно-глобалистского типа не как полисистемную, а как совокупность, организованную по разным принципам – и системности, и несистемности; или как общность плюриорганизованную. В этом варианте сдвиг к третьему типу будет носить характер качественного изменения.

Относительно *состава* речь уже шла выше, и здесь достаточно подчеркнуть, что благодаря конституирующей роли связей, их гибкости и подвижности (потoki, сети, сети потоков) становится возможным такой состав, компоненты которого качественно разнородны и даже разнотипны; если они и соподчинены иерархически (в том числе по принципу первичности/вторичности), то это соподчинение ситуативное и функциональное, как и присуще полисистеме. Такой характер состава отличается от второго исторического типа с его нормативной однородностью и, следовательно, представляет собой качественный сдвиг, а не переходную форму. Иначе говоря, принципиальная разнородность есть признак нормы, идеального информационно-глобалистского типа.

Отношения, формирующиеся в ходе данного сдвига, по нашей гипотезе, сохраняют характер неравенства, но сильно видоизмененного: информационная революция и «детерриторизация» капитала влекут за собой размывание оси Центр – Периферия, ибо разрушается сам принцип центризма в построении мироцелостности²⁵.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Соответственно вместо прежней дихотомии Север – Юг возникают новые формы неравенства, распадается и трансформируется такое мироисторическое образование, как общность развивающихся стран (бывший Третий мир). Наконец, претерпевает преобразования капиталистическая природа прежнего способа производства, открывая путь к новым формам отчуждения. Как видим, в этом случае преемственность отношений неравенства/отчуждения предполагает глубокий сдвиг в их природе.

В целом же анализ сдвига позволяет предполагать, что есть основания *не для разрыва, а для преобразования* второго типа в третий, а значит, и основания для некатастрофического хода глобализации. Итак, глобальное-целое в новой фазе обретает вид все более разнородный, а общий облик глобализации начинает определяться активностью локальных субъектов или, точнее, локальных агентов и акторов, способных к реализации общечеловеческих интересов, ценностей и потребностей, или, еще точнее, их способностью совместить историю для своих локусов с историей для всего человечества. Если смена фаз выглядит детерминированным процессом, то трендовое движение на завершающем этапе формирования глобальной общности и ее нового типа – вероятностным: оно будет таким, каким его сделает активность локальных субъектов. Активизация последних относится и к постсоветской России, которой ныне предстоит, говоря словами Михаила Гелфтера, развернуть синхронность в диахронность, не выпадая, однако, из логики синхронности, которая стала для России не столько угрозой или вызовом, сколько *императивом* ее развития.

* * *

Попробуем теперь ответить на те вопросы, которые возникли в связи с темой глобализации и которые имеют как теоретико-познавательный, так и политико-практический интерес. При этом я буду исходить из изложенной выше концепции глобальной общности, полагая, что часто порицаемые «академические выкрутасы» могут быть полезны и даже необходимы.

Исчерпала ли себя глобализация? Придерживаясь представления о глобализации как растущей взаимосоотнесенности всех компонентов человечества и необходимой составной части самоорганизующейся эволюции человечества, можно заключить, что данный процесс не может себя исчерпать, ибо он *императивен*.

Обратима ли глобализация? По ее отдельным параметрам – да, но не как совокупный многомерный процесс, хотя ему и присущ, по выражению Владимира Коллонтая, *пульсирующий* характер.

Стихийен данный процесс или управляем? Его стихийный характер поддается не столько управлению, сколько *направлению* через ми-

Глобализация: сущность, современная фаза, перспективы

ровые институты с определенными государственными функциями и через множественность взаимодополняющих способов управления²⁶.

Что несет с собой глобализация – усиление однородности или разнородности человечества? И то и другое, причем тенденция к нарастанию разнородности не ведет автоматически к распаду целого, поскольку вырабатываются механизмы и принципы соотнесения разнородных частей глобального целого.

Глобализация – это растущая интеграция или новый рост неравенства? Усиление интегрированности при сохранении различий сопровождается возникновением новых неравенств, равно как и новых возможностей их регулирования.

Устраняет ли глобализация национальное государство и национальную экономику? Скорее всего, этот процесс приводит к реконструкции суверенного «территориального» государства, что означает сохранение «больших» государственных образований, их реорганизацию на федеративной и конфедеративной основе, развитие межгосударственных региональных институтов. Национальная экономика сохраняет силу в крупных государственных образованиях и теряет ее в более мелких, в которых ее место занимает национальная стратегия адаптации к глобальному целому.

Сохраняется ли гегемония отдельных государств в процессе глобализации? Сохраняется, но становится более гибкой и неустойчивой. Гегемонизм ограничен возможностью образования мирового гражданского общества и его субъектов (неправительственные организации, общественные движения).

Есть ли у глобализации альтернатива? В нашем определении этот процесс безальтернативен, ибо императивен, но при этом вариативен. Вероятны два основных варианта: нивелирующая глобализация и глобализация, построенная на принципах равноразличий всех ее участников.

Означает ли глобализация демодернизацию и архаизацию истории? Оба этих процесса имеют место как составляющие реконструкции, которую претерпевает универсальная эволюция человечества, и, соответственно, как необходимые условия обретения историей подлинной универсальности и полноты.

Примечания

¹ Померанц Г. Перекличка временного и вечного в диалоге культурных миров // Рубежи. 1998. № 1. С. 12.

² По удачному выражению Юрия Гладкого. См.: Гладкий Ю. Глобалистика: Трудный путь становления // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 10. С. 108.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

- ³ *Kavolis V.* History of Consciousness and Civilizational Analysis // Comparative Civilizational Review. 1987. № 17.
- ⁴ *Penser le sujet / A. Touraine (ed.).* Paris, 1995. P. 338-342.
- ⁵ *Антипина О., Иноземцев В.* Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 6. С. 48-59.
- ⁶ *Кочетов Э.* Неоэкономика — новая цивилизационная модель экономического развития и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 79-86.
- ⁷ *Васильчук Ю.* Постиндустриальная экономика и развитие человека // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 7. С. 74-85.
- ⁸ *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Капитал и труд в глобальном сообществе XXI века: «По ту сторону» миражей информационного общества (Три тезиса к дискуссии) // Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия. М., 1999. Сб. 1. С. 74-99.
- ⁹ *Whose World order? Uneven Globalization and the End of the Cold War // N.N. Holm, G. Sorensen (eds.).* Boudler — San Francisco — Oxford, 1995. P. 89.
- ¹⁰ См.: *Martin W.C., Beitel M.* Toward a Global Sociology? Evaluating Current Conceptions, Methods, and Partices // The Sociological Quart. 1999. Vol. 39. № 1 P. 131-143.
- ¹¹ *Dolfus O.* La mondialisation. Paris, 1997.
- ¹² *Frank A.G.* World System: Five Hundred Years or Five Thousand? Routledge, 1994.
- ¹³ *Wallerstein I.* Unthinking Social Science: The limits of Nine-Century Paradigms. Cambridge, 1991. P. 139-145.
- ¹⁴ *Sachs I.* Tradition Strategy towards the 21st Century. New Delhi, 1993.
- ¹⁵ *Appadurai A.* Difference and Disjuncture in Global Cultural Economy // Public Culture. 1990. Vol. 2. № 2. P. 1-24.
- ¹⁶ *Некlessа А.* Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 70-97.
- ¹⁷ См.: *Chesnias F.* La mondialisation du capital. Paris, 1994. P. 38.
- ¹⁸ Этнос глобального мира. М., 1999. С. 150-152, 160-164.
- ¹⁹ *Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999. С. 9-136.
- ²⁰ *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз // Социологос. Вып. 1. М., 1991. С. 70-75, 107.
- ²¹ Именно в этом смысле мир, по В.И. Толстых, изначально глобален. См.: Этнос глобального мира. С. 8.
- ²² Как часто изображают. См., например: *Некlessа А.* Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир... Т. 1. С. 31-74.
- ²³ *Penser le sujet.* P. 45.
- ²⁴ *Эпштейн М.* Информационный взрыв и травма постмодерна // Независимая газета — Книжное обозрение. 1999. 4 апреля.
- ²⁵ См.: *Chensaux J.* Modernité-monde. Paris, 1989. P. 62.
- ²⁶ Добавлю: и с более гибкой структурой мировосприятия. См.: *Назаретян А.Л.* Интеллект во Вселенной. М., 1991. С. 166, 176.

Глобалистика как отрасль научного знания

В конце XX века глобализация, понимаемая в первом приближении как возрастание взаимосвязанности мира при решающей роли в этом процессе «Запада», вошла в критическую фазу своего развития: после почти двух десятилетий движения по восходящей процесс глобализации начал давать явные сбои, особенно в сфере финансов и экономики, провоцируя возникновение массовых общественных движений альтернативного толка. Ситуация оказалась настолько серьезной, что появились основания для постановки вопросов: не исчерпала ли себя глобализация? и что такое постглобализация?

Ответы на эти вопросы дают политики и общественные деятели, но сам характер возникших проблем таков, что понять их невозможно вне сферы научного сознания: ведь речь идет о сущности, природе (имеется в виду ее вариабельность) глобализации, о ее субъектах, а также о присущих ей тенденциях гомогенизации и гетерогенизации мира. Решение этих проблем относится к компетенции научного познания, хотя при этом и не стоит преувеличивать социальной значимости тех рецептов, которые, в конечном счете, может предложить современная научная мысль и которые содержатся в этих решениях.

Вызовы, исходящие из самой реальности, заставляют исследователей глобальных проблем самоопределиться или, иными словами, уточнить понимание как *предмета* своих научных исследований, так и того *статуса*, который присущ этим исследованиям в структуре современного научного звания. Иначе говоря, речь идет о *самоопределении глобалистики*. Причем необходимость в этом самоопределении обнаружилась в самый критический момент ее существования, ибо в настоящее время вызовы реальности столь сильны, что поставили глобалистику в ее развитии перед выбором: либо конституировать как самое себя, так и (вероятно, даже в первую очередь) *свой* предмет познания, либо вернуться в то состояние, когда она не имела собственного предмета, собственной теории и была лишена сколько-нибудь определенного научного статуса. В сложившейся ситуации мы видим свою задачу в том, чтобы обосновать и необходимость, и возможность признания глобалистики в качестве особой отрасли научного и в первую очередь социально-гуманитарного знания. Этому, с нашей точки зрения, должны способствовать определение основных понятий, характеризующих феномен глобализации (процесс, структура, субъект), и выделение специального предмета, который уже фактически сложился в ходе эволюции глобалистики. Иначе говоря, если нам удастся доказать, что знания о глобализации, которые были накоплены за прошед-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

шие десятилетия различными дисциплинами, относящимися как к конкретно-научной, так и к общенаучной и философской областям, имеют общий предмет, то тем самым мы подтвердим право на существование глобалистики не только как предмета преподавания (так называемые *World Studies, Global Studies*), но и в качестве особой отрасли науки, а не составляющей других научных дисциплин (скажем, экологии, теории международных отношений и т.д.).

Обосновывая тезис «глобалистика – это отрасль научного знания», мы делаем два допущения: во-первых, выносим за рамки нашего рассмотрения те характеристики организованной в дисциплинарном отношении науки, которые обусловлены ее ролью в формировании картины мира, а также связаны с присущими ей философскими предпосылками (см. работы по этой проблеме В. Степина), а во-вторых, не уточняем наше представление о специальном статусе глобалистики в качестве области, направления или дисциплины, оставляя этот вопрос открытым для обсуждения.

Доказательство основного тезиса осуществляется нами по двум направлениям: с одной стороны, мы следуем истории развития этой отрасли знания, а с другой – логике познания. Эти пути не совпадают, но дополняют друг друга, а их совмещение позволяет выработать целостное представление об эволюции глобалистики. Следуя логике познания, мы попытаемся сформулировать свое видение предмета последней или свое представление о *теории* глобализации, которое, понятно, шире, нежели представление о *предмете* глобалистики. В этом расхождении скрывается опасность растворения искомого предмета в более широких по своему содержанию теоретических рассуждениях, что столь свойственно нашим нынешним дискуссиям на данную тему. Однако такое расширение необходимо, ибо без него невозможно обобщить представления о глобализации, разработанные в рамках различных дисциплин, относящихся к сфере частнонаучного знания.

Подчеркнем, что наши усилия по конституированию глобалистики важны и с точки зрения эволюции современного научного знания в целом. Дело в том, что глобалистика фокусирует в себе две тенденции, которые могут быть обнаружены в современной науке. С одной стороны, она возникает в процессе *дифференциации* научного знания (или знания о мире в целом), а с другой – несет в себе возможность интеграции этого знания и даже конституирования некоей целостности, включающей науки о мире и человеке. Поэтому самоопределение глобалистики требует не только фиксации ее предмета, но и отмежевания его от предметов смежных областей знания, от иных подходов и проблем, возникающих в общенаучном проблемном поле.

Глобалистика как отрасль научного знания

Ниже последовательно рассматриваются *пять блоков проблем*:

- в первом характеризуется эволюция глобалистики;
- во втором рассматривается ее нынешнее кризисное состояние;
- в третьем предлагается наш вариант выхода из кризиса (*рабочая концепция глобальной общности*);
- в четвертом формулируются как базовые понятия («глобализация», «глобальность»), так и предмет глобалистики;
- в пятом анализируется современное состояние этой отрасли знания, перспективы ее самоопределения, соответствие ее нормам постнеклассической, или Новой науки, а также основные познавательные и *онтологические* проблемы, связанные с данной отраслью знания.

Все это позволяет в заключение сформулировать идею о приоритетной значимости глобалистики в современной политике, в научном сознании в целом и в отечественной науке в особенности.

I. Эволюция глобалистики (середина 1970-х — середина 1990-х годов)

Как знание о так называемых глобальных проблемах человечества, рассматриваемых в связи с идеей пределов развития (и тем паче — прогресса), глобалистика зарождается на рубеже 1960 — 1970-х годов. Ныне уже стал достаточно очевиден переломный характер этого времени, что было обусловлено не только ходом всего мирового развития, но и последовательной трансформацией науки — из классической в неклассическую (или «вероятностную») и постнеклассическую. В докладах Римского клуба и теоретических трудах его создателей предмет глобалистики (определенный скорее имплицитно, чем эксплицитно) понимается двояким образом: как совокупность проблем, угрожающих самому существованию человечества и подлежащих неотложному разрешению на практике, и как системное целое (А. Печчеи) и неотъемлемый компонент процесса эволюции Вселенной (концепция универсальной эволюции Э. Янча).

Эта двойственность постоянно воспроизводилась в ходе эволюции глобалистики и выступала как ее основное внутреннее противоречие, которое и ныне до конца не преодолено. Подчеркнем, что это двойственное представление о предмете далеко не полностью проанализировано в современной литературе, посвященной проблеме глобализации, в том числе и в «историографическом» отношении (В. Кузнецов, А. Некипелов, М. Уотерс). Более того, исходный дуализм обусловил и неопределенность статуса этой нарождающейся области научного знания.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

В результате наличия исходного противоречия формирование глобалистики разворачивалось по двум траекториям: в соответствии с одной из них разрабатывались представления философского и общенаучного порядка о человечестве как о целостном образовании, а в соответствии с другой – исследовались конкретные механизмы и процессы становления этой целостности в экономике, политике и культуре последних десятилетий XX века.

1. В рамках движения по первой траектории самым существенным было представление о человечестве как о неотъемлемой части Универсума: в концепции Янча предполагалось наличие неких общих закономерностей, которые присущи Вселенной, Природе, Жизни и Обществу. Эта идея, на наш взгляд, положила начало «рамочному» видению предмета глобалистики, наметив предельное и в то же время исходное представление (человечество как целое), от которого следует отталкиваться в определении предмета глобалистики. Именно в этом русле возникли и более конкретные представления о коэволюции культуры и природы, общества и природы (Н. Моисеев). Следующий и, можно сказать, решающий шаг в определении предмета глобалистики был сделан введением понятия «глобальная системная общность» человечества, разработанного отечественными системниками в первых двух третях 1980-х годов. Ими было предложено понятие глобальной системы, понимаемой как совокупность структур и процессов жизнедеятельности человечества и природы в их взаимодействии. Они выделили исторические формы этой системы, в том числе (что особо важно) такую форму, как полисистема. Значение этой концепции видится в том, что, четко определив контуры предмета глобалистики, она предложила общее основание так называемых глобальных проблем и положила конец бесконечным и малопродуктивным дискуссиям о составе этого «набора».

В то же время дискуссии такого рода позволили глобалистике найти новые источники своего развития и самоопределения в работах культурософских и историософских (В. Соловьев, А. Тойнби, К. Ясперс). Поиски такого «контура», или «рамки», развернулись в процессе разработки теоретико-дескриптивных моделей мироцелостности, выдвигаемых в ходе критики чисто формализованных моделей. Примеры подобных «мировых моделей» мы обнаруживаем, например, в работах Ю. Хамбермаса (коммуникационная модель), О. Тоффлера (цивилизация третьей волны), А. Мазруи («федерация культур»), Э. Гидденса (социальная модель модернизации и ее субъектов), С. Ментловитца и Р. Фалка («мировой порядок»), Н. Реймерса (глобальная экологическая модель), И. Валлерстайна (историко-экономическая модель) и т.д. Были предприняты попытки выработать модели общетеоретического и философского плана, в кото-

Глобалистика как отрасль научного знания

рых мироцелостность представлялась системным образованием (Э. Ласло, Д. Бом, К. Боулинг), восходящим к базовой идее взаимозависимости (*interdependence*) и ее версии (*world development*).

Не вдаваясь в разбор этих теоретических конструкций (см. об этом в работах В. Лейбина, И. Кравченко и др.), подчеркнем, что, как правило, подобные «мировые модели» все оставались частичными и не обладали достаточной генерализирующей силой; те же из них, которые носили обобщающий характер, страдали, на наш взгляд, гиперсистематизмом (игнорирование несистемных объектов), гиперорганизмичностью (в ущерб объектам популяционным) и, что главное, не вычленили из теоретического описания мироцелостности собственно проблем глобализации. К тому же в них не учитывалась интегральная природа как человечества, так и знания о нем.

Пожалуй, наиболее удачная попытка ухватить специфику этой интегральности была дана в теоретической культурологии, в русле которой Р. Робертсон предложил свое видение предмета глобалистики как некоего глобального условия человеческого существования (*global human condition*). Оно мыслилось в виде некоей структуры, не сводимой ни к социальным, ни к этническим, ни к политическим, ни к экономическим и другим отношениям. Эта структура рассматривалась как в плане бытия, так и в плане сознания, что и позволило выработать представление о глобальном сознании, чьи истоки восходят к античным временам. Предмет глобалистики (а точнее, представление о его контурах) в версии Робертсона отличался от того, о котором говорили отечественные системники. У него целостность не сводилась к социальным отношениям или к отношениям «человечество – природа», акцентировалась роль осознания человечеством процессов глобализации, подчеркивалась неразрывная связь между глобализацией, становлением национальной государственности и активизацией индивида. Наряду с целостностью системы подчеркивалась и относительность, «неставший» характер этой системности. И наконец, начало процессов глобализации выносилось далеко за пределы XX века, которым отечественные авторы ограничивали время их протекания.

В целом, двигаясь по этой траектории, научная мысль формулировала, пусть и в самом общем виде, рамочную концепцию человечества как целого, разместив в ее пределах (правда, с меньшим успехом) собственно представление о глобализации, которое оставалось и остается достаточно противоречивым (в плане соотношения осознания процессов и реального их протекания, процессов и структуры глобальности, а также определения временных рамок глобализации). Тем не менее, в самых общих контурах предмет глобалистики, понимаемый как *растущая системная взаимосвязанность*

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

человечества, выражающаяся в компрессии времени и пространства (Д. Харди) *и создании одного мира (one world)*, был сформулирован, и благодаря этому наметилась возможность выхода глобалистики из ее «внутриутробного состояния» (Ю. Гладкий). Такой прогресс в развитии глобалистики стал причиной переворота в человеческом сознании, для которого рождение представления о глобальном обществе в планетарном масштабе оказалось, по словам С. Мендловитца, эквивалентным рождению идеи о круглой форме Земли. Возникновение этого представления вызвало сильный резонанс в мировом общественном сознании, способствуя утверждению идей разрядки, сосуществования, конвергенции и так называемого нового политического мышления. Парадоксально, но именно эти сдвиги ослабили интерес к теоретическим вопросам глобализации, которые к концу 1980-х годов стали отступать на задний план под натиском резко активизировавшихся исследований в области глобализации, проводимых средствами частных научных дисциплин.

2. В 1990-е годы «глобализация» во всех значениях и аспектах этого термина становится, можно сказать, ключевым словом буквально всех касающихся подобных проблем дисциплин, вытеснив столь же популярный ранее термин «постмодернизм». Каждая отрасль социально-гуманитарного знания вырабатывает свое представление о глобализации. Так, в экономических субдисциплинах понятие «мировая экономика» дополняется или заменяется понятием «глобальная экономика» (Ю. Шишков), в финансовых дисциплинах полностью господствуют идеи экономики-казино или постэкономики (например, в работах А. Неклессы). Политологи связывают глобализацию с рождением нового мирового порядка, который понимается или как мир без гегемонии (Р. Фалк), или как восстановление сверхгегемонизма (идеи неоимпериализма), или как становление мирового гражданского общества (Д. Хелд). Культурологи рисуют перспективу глобализирующейся или даже глобальной культуры либо указывают на вновь происходящее становление локальных идентичностей в «сетях» и «потоках» глобального общения (М. Кастеллс). Историко-географы ищут корни нынешней фазы глобализации (О. Дольфус).

Этот бурный рост глобалистских исследований вширь вновь делает актуальной проблему проведения демаркационной линии между глобалистикой и близкими к ней по тематике теоретическими подходами и концепциями. В первую очередь проблематичной стала грань между тематикой глобалистики и идеями постиндустриализма (В. Барри-Джонс, В. Пантин): их проблематика, безусловно, в определенной степени совпадает, но далеко не полностью, ибо остается невыясненным, как глобализация соотносится, скажем, с концепция-

Глобалистика как отрасль научного знания

ми постэкономики, информационного общества или больших социально-исторических сдвигов (*change*). Увеличение числа частнодисциплинарных трактовок глобализации само по себе свидетельствует об успехах научного поиска в этом направлении. Однако здесь возникает реальная опасность фрагментации поля исследования, опасность, которая вряд ли преодолима, когда та или иная дисциплина пытается, реагируя на происходящее в рамках исследований близких ей по своему характеру проблем, монополизировать видение глобализации (подобные претензии имели место и выдвигались со стороны экономико-финансовых наук и, в особой степени, культурологии). Фрагментация знания, как и появление его ложной альтернативы (имеется в виду монополия одной дисциплины), порождают сомнения в возможности выработки обобщающего представления о глобализации, сомнения, усиливаемые той ситуацией кризиса, которая наступила в этой отрасли знания примерно в середине 1990-х годов.

II. Кризис и возможности его преодоления

Сущность данного кризиса (роста!) заключается в том, что под вопрос оказывается поставленной сама возможность обретения этим направлением статуса особой области и/или отрасли знания. Причинами кризиса выступают очевидный и глубокий разрыв, существующий между теоретическими трактовками глобализации и ее же конкретными исследованиями. Другие причины кризиса лежат в самой реальности: они связаны с обострением процессов глобализации и, возможно, с их переходом в новую фазу. Взаимное наложение обоих рядов этих причин и обусловило возникновение кризиса глобалистики, которого могло не быть, если бы ее становление рассматривали, лишь исходя из логики ее же научно-познавательных функций. Кризис стимулировал резкую политизацию и идеологизацию глобальных исследований, что привело к отрицанию их научного характера и отождествлению глобалистики с идеологией (неолиберальной, глобалистской – В. Коллонтай), утопией или мифом (позиция деконструктивистов, например, В. Максименко). К этому надо добавить застарелую болезнь онтологизации научного знания.

1. С другой стороны, в ходе кризиса выявились не только его необходимость, но и возможности выхода из него и даже (это может показаться чересчур оптимистичным предположением) его преодоления. На уровне *конкретно-научного* знания эти возможности оказались связанными: а) с успехами однодисциплинарных исследований, в результате чего последние, вбирая в себя инородные для их предмета аспекты, становятся, по существу, междисциплинарными

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

ми (концепции геоэкономики и информационной экономики); б) с образованием новых, смешанных (пограничных, гибридных) дисциплин, например, на стыке экономики и культурологии (теория потоков А. Аппадурай) или экологии и социоэкономики (И. Сакс); в) с выработкой междисциплинарных панорам (Дж. Нэбитт, К. Боулдинг); возникновением междисциплинарных «узлов» вокруг идей пространства и времени (геоэкономика, -политика, -культура) и даже с объединением этих идей (хроногеография); г) с зарождением своего рода историографии глобалистики (см. выше).

2. На уровне общетеоретического знания возможности выхода из кризиса содержат в себе не только глобальные концепции (П. Тейяр де Шарден, Э. Янч, В. Вернадский), возрождаемые ныне философские (Д. Бом) и особенно историко- и культурософские взгляды (см. выше). Важную стимулирующую роль в этом отношении сыграли и некоторые постмодернистские идеи, в частности признание принципиальной разнородности мира и – одновременно – его взаимосвязанности («все во всем»). Однако, может быть, решающую роль в разрешении данного кризиса призвано играть так называемое общенаучное знание в его, так сказать, полном составе – от кибернетики и систематики до синергетики и диатропики – как знание, адекватное методологическим функциям становящейся глобалистики (о соединении синергетики, истории и демографии см. работу С. Курдюмова, Г. Малинецкого, С. Капицы). К этим предпосылкам и возможностям надо добавить те, что содержатся в уже имеющихся концепциях, так или иначе тяготеющих к предмету глобалистики или включающих его (начиная от идей П. Друкера вплоть до концепций «мирового города» в версии Ю. Васильчука и информационного общества в психологической трактовке М. Эпштейна и социально-экономической В. Иноземцева), и, конечно же, в тех, что созданы усилиями теологов (С. Хоружий), литераторов (Д. Пригов) и литературоведов (В. Непомнящий, М. Липовецкий).

Все эти возможности, как потенциальные, так и актуализированные, могут способствовать разрешению кризиса при соблюдении двух условий: во-первых, необходимо определить предельное представление о мире и человечестве, определяющее адекватный исходный уровень теоретической абстракции, а во-вторых, поэтапно развернуть это исходное понятие в *представление о глобализации* и тем самым выявить собственно *предмет глобалистики*. Ниже мы попытаемся, рассматривая человечество в качестве некоей целостности, установить это предельное и исходное понятие и на этом основании предложить свой вариант выхода из кризиса, а значит, и указать путь, двигаясь по которому, можно конституировать глобалистику.

III. Концепция человечества как глобальной общности

На этом этапе исследования надо остановиться подробнее, ибо в теориях глобализации им нередко пренебрегают, хотя без него анализ процесса глобализации, на наш взгляд, не имеет ни «крыши», ни «фундамента» (парадокс, но «крыша» здесь выполняет роль «фундамента»).

1. Оставим в стороне вопрос о том, имеет ли реального референта представление о человечестве как о целом (что, кстати, нередко оспаривается – см. работы О. Шпенглера, А. Григорьева, Ф. Гиренка), и спросим: возможно ли вообще выработать представление о целом, если представляемое дезинтегрировано и пребывает в состоянии расщепленности? Вполне допустимо, что подобное состояние вовсе не исключает возможности приложения усилий, направленных на интеграцию и имеющих своей целью конструирование идеального (подчеркнем это!) объекта: в таком случае, как это часто бывает, научное познание движется собственным путем, отрываясь от реальности.

Другой вопрос сводится к следующему: каким образом осуществить «сборку» этого идеального объекта? В науке предложено немало способов описания человечества как целого, для чего используются самые разные языки – информационный, энергетический, герменевтический; или же человечество изображают, например, в виде диссипативной структуры (А. Арманд). Попытаемся избежать опасностей социологического редукционизма, суммативности, абсолютизации системного подхода и узкой трактовки «человеческого» как «фактора» или «особого измерения» и попробуем отразить наш предмет в духе философских (в первую очередь теологических по своему характеру) представлений о триединой сущности человека. Представим человечество как некое образование (или совокупность, по терминологии В. Вернадского и Н. Кондратьева), ядро которого формируется в результате взаимосоотнесения трех начал: социального, природного (биологического и небиологического) и субъектно-деятельностного. Последнее начало характеризует любой вид деятельности субъекта, в том числе и творческий (культура), выходящий за пределы наличных условий существования (П. Тиллих; идея эмерджентного развития; различие потенциального и возможного). Как видим, такое представление конструируется благодаря сочетанию структуралистского и синергетического методов, точнее, благодаря синергетическому толкованию структуры как взаимодействия.

2. Характеристики ядра («антропоструктура») образуют высший, наиболее абстрактный, предельный уровень описания глобальной общности, который необходимо конкретизировать. На сле-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

дующем, втором уровне эта же общность (совокупность) описывается при помощи понятия «исторические типы», которые различаются по основным своим параметрам (глобальной общности): доминирующему началу ядра, субъекту, организации, отношениям, составу и хронотопу.

В процессе своей эволюции, истоки которой восходят, возможно, к эпохе неолита, глобальная общность «сменила» несколько исторических типов, переходя последовательно от конгломерата множества локальных типов (вроде «мир-империй» и «мир-экономик» Ф. Броделя) к единому – индустриально-модернистскому, приближаясь во второй половине XX века к новому, условно говоря, информационно-глобалистскому типу. Различия между основными параметрами двух последних типов таковы: присущая первому типу доминанта социального начала сменяется доминантой начала субъектно-деятельностного, частичная субъектность («Запад») – всеобщей субъектностью (человечество), конституируемая элементами моносистемность – конституированной связями полисистемностью, отчуждение вещного богатства – отчуждением самой реальности, гомогенность состава – гетерогенностью, время, поглощающее пространство, – пульсирующим хронотопом. Данное описание смены типов, как и набор выделенных параметров, нуждается в уточнении, чтобы отделить признаки нового типа от переходных феноменов (в плане организации, состава, субъекта).

3. Смена исторических типов общности и форм глобальности привела в конце XX века к глубокому кризису. И речь идет не просто об очередном кризисе в эволюции глобальной общности (имеются в виду кризисы эпохи неолитической революции, осевого времени, великих географических открытий и пр.), но о кризисе глобальной общности индустриально-модернистского типа и, возможно, о завершении первого большого исторического цикла эволюции общности в целом и о начале перехода ко второму, в рамках которого проблематичным становится существование не только цивилизации, но и *homo sapiens*. Причина этого кризиса лежит в том, что социальное начало исчерпало свою доминантную роль, разрушая себя, природу и человечество в целом. Тем самым исчерпывается не социальное начало как таковое, но *социальная стадия* эволюции человечества, что делает необходимой реконструкцию всех трех ветвей универсальной эволюции: социальной, биологической и небиологической. Эта реконструкция сопровождается обострением основного противоречия «человечество-индивид» и взрывом исторического полиморфизма, то есть возрождением исторических форм, не реализованных в пределах индустриально-модернистского типа, им подавленных, устраненных или деформированных.

Глобалистика как отрасль научного знания

Бурное рождение таких традиционалистских или даже докультурных (варварских) форм не означает, на наш взгляд, лишь архаизацию, демодернизацию или свертывание истории, но скорее свидетельствует о большей наполненности исторического процесса, о возвращении ему подлинной и универсальной исторической полноты и одновременно – о сверхсложности (в силу той роли, которую в нем играет индивид, по Э. Морену) нового типа общности.

4. Взрыв полиморфизма подводит нас к вопросу о том, что представляет собой новый, информационно-глобалистский тип общности и вправе ли мы вообще говорить о едином типе? Или же следует вести речь о множестве типов либо о некоем общем контуре, который охватывает разнородные культурно-исторические элементы? Положительный ответ на первый вопрос означал бы признание инволюции глобальной общности, происходящей в направлении ее доиндустриально-модернистской формы; признание же правильным последнего варианта ответа намечает разрешение противоречий при смене типов в духе гегелевской триады. Так или иначе, но возникают противоречащие друг другу предположения: эволюция глобальной общности приводит не то к ее разрушению, не то к синтезу. В ходе ее протекания изменяется и сама глобальность – и как структура, и как процесс: если первая обновляется в своих формах, достигая планетарного масштаба и выходя в космос, то последний из экстенсивного превращается в интенсивный, «работая» не только вширь, но и вглубь (в том числе и на уровне индивида), активизируя обратные связи (переход от локальных – к глобальным), порождая новых агентов и субъектов (в том числе и носителей альтернативных вариантов глобализации) и новые пространственные конфигурации (типа АТР, ЕС, АСЕАН и др.).

IV. Базовые понятия и предмет

Изложенное выше позволяет выделить некоторые основные категории, которые наряду с рамочной концепцией («глобальная общность») входят в корпус теории глобалистики.

1. Речь пойдет о трех понятиях: архетип *глобальности*, *глобальность как структура* (*globalité, mondialité*) и *глобализация как процесс* (*globalisation, mondialisation*). В основе *глобальности как архетипа* лежит принцип неразделимости трех начал, составляющих ядро глобальной сущности. Этот принцип отличается от принципов неслиянности и единства (по аналогии с христианской троицей). Архетип, будучи константой, выступает в трех различных формах – протоисторической, исторической и постисториче-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

ской, что соответствует следующим эпохам: от неолитической революции до осевого времени, от осевого времени до конца XX века и той, которая началась одновременно с третьим тысячелетием.

Архетип глобальности есть понятие более высокого уровня абстракции, нежели два других базовых понятия, которые относятся к одному и тому же уровню последней. Глобальность-структура – это понятие, которое характеризует соотношение принципов неразделимости и неслиянности в их различных исторических формах; структура последовательно разворачивается как слабо дифференцированная, расчлененная и расчлененно-интегрированная, что соответствует трем этапам развертывания архетипа. Глобализация-процесс – это понятие, определяющее развертывание глобальности-структуры, заданной архетипом, в разнообразии и богатстве различных связей, существующих между разными компонентами глобальной общности в ее разнообразных пространственных конфигурациях (интернационализация, транснационализация). Именно с помощью этих базовых понятий можно вычленить глобалистику из концепции глобальной общности, не упуская из виду, что и данная рамочная концепция и базовые понятия подлежат операционализации, также входящей в корпус теории глобалистики.

2. Опираясь на эти понятия и концепцию глобальной общности, мы получаем возможность определить *предмет глобалистики*, который отличается неоднозначностью и включает *три разных пласта*, образующих единое предметное поле.

Первый пласт (1) содержит жесткое (*hard*) определение предмета глобалистики как совокупности процессов взаимовлияний, взаимодействий, взаимообусловленности, взаимовстроенности и взаимонеобходимости, имеющих место между различными компонентами, которые входят в состав человечества как некоей целостности, заданных архетипом и определяемых структурой глобальности, а также механизмов и форм сближения, кооперации и конвергенции свойств этих компонентов и их преобразования во всеобщие качества образа, или стиля, жизни.

Второй пласт (2) содержит мягкое (*soft*) определение предмета как совокупности процессов расчленения, отпочкования и разделения компонентов глобальной общности, осуществление чего происходит с помощью механизмов дифференциации и дивергенции, в ходе действия которых вырабатываются единичные и особые свойства этих компонентов.

Третий пласт (3) представляет собой рамочную концепцию, которая охватывает оба приведенных выше определения предмета: при этом в качестве ограничивающей ее рамки используется понятие глобальной общности (ядро, исторические типы).

Глобалистика как отрасль научного знания

Выделив жесткое ядро, можно избежать растворения предмета в рамочной концепции, которая в свою очередь обеспечивает взаимосвязь жесткого и мягкого определений в контексте проблематики «глобальное – локальное». Давая мягкую трактовку предмета, мы определяем предметное поле, достаточно обширное для того, чтобы вобрать в себя оба приведенных определения. Это становится вполне очевидно на примере проблематики нового регионализма. При состыковке специальных (1 и 2) и рамочного (3) определений предмета глобализация предстает в итоге в виде истории архетипа, как процесс, формирующий человечество в его всеобщих качествах через связи всех видов и порядков. Признаем, что вопрос о соотношении жесткого и мягкого определений предмета остается для нас открытым (целое – часть? рядоположенность?).

В целом же структура искомой нами отрасли знания расчленяется на два уровня: общетеоретический, или наддисциплинарный, и частнонаучный, или полидисциплинарный. На первом уровне базовые понятия выполняют роль методологического регулятора. Например, понятие «глобализация» определяет важнейшие механизмы эволюции человечества, связующие и расчленяющие эту общность (см. определения предмета 1 и 2). Здесь глобалистика выглядит частным случаем наук о связях (синергетика) и разнообразии (диатропика). На втором уровне те же базовые понятия подлежат конкретизации средствами отдельных частнонаучных дисциплин.

V. Состояние и перспективы

1. Обозначив предмет глобалистики, мы имеем все основания для утверждения о том, что последняя обретает важнейший атрибут своего бытия как особой отрасли научного знания и, следовательно, действительно выходит из «внутриутробного состояния». В качестве других ее атрибутов отметим существование множества картин мира, то есть теоретических описаний ее предмета, обладающих ярко выраженной мировоззренческой окраской (В. Степин). К их числу относятся образы «глобальной деревни», «мирового города», «золотого миллиарда», «информационного» или «коммуникационного общества» и т.д. Философскими основаниями глобалистики как отрасли научного знания выступают не только некоторые варианты (как старые, так и новые) холистических подходов (Д. Бом), но и версии постмодернизма, в рамках которых постулируются как гетерогенность и разорванность мира, так и его целостность, а также подход, разрабатываемый с позиций философской антропологии и использующий понятие «мыслеобразы» (В. Порус). В данном слу-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

чае в действие оказывается приведено несколько различных моделей познания – как статистическая и системная, так и диатропическая и синергическая. Не затрагиваем мы и вопрос об общем языке типа новояза (см., например, «глокальность» – *glocalité*). Если, руководствуясь нормами науковедения, считать, что отрасль знания конституируется при наличии единого предмета, его включенности в общую картину мира, определенных философских оснований и единого метода, то оказывается что в настоящее время глобалистике все еще достаточно далеко до превращения в самостоятельную отрасль «нормальной», или парадигмальной, науки.

2. Однако множественность картин мира и особенно множественность моделей познания вполне соответствуют нормам научного знания конца XX века, представленного в виде либо постнеклассической (В. Степин), либо так называемой «Новой науки». Глобалистика в ее нынешнем состоянии обнаруживает свою близость, по меньшей мере, целому ряду важнейших общих постулатов современной науки: это, к примеру, акцент, делаемый в ряде концепций на субъекте и особенно на индивидуе, что признается магистральным направлением развития глобализации («индивидуализация человечества»), хотя в основном русле глобалистики и преобладает ориентация на отдельные «совокупности» в структуре человечества; и признание гетерогенности мира, которое мы обнаруживаем в дискуссиях о роли локального, о проблемах «почвы» (*soil*) и укорененности глобального в локальном, рассматриваемом, в частности, в пространственном отношении («пространство-место» – *space-place*). Куда в меньшей мере здесь находит свое выражение постулат вероятности развития, но зато оказывается реализованным тезис о множественности познавательных моделей или, более узко, альтернативных конкурирующих парадигм; «работает» принцип открытости научного знания по отношению к другим – не- и вненаучным – видам знания (см. понятие «переходность» в трактовке И. Валлерстайна и ряда теологов) и, наконец, «расшатывается» принцип дисциплинарной организации научных исследований (А. Агг). Исходя из этого, можно предположить, что если глобалистика и будет конституироваться, то произойдет это в соответствии с нормативами не классической (или «нормальной»), но «Новой науки».

3. В нынешнем состоянии глобалистика предстает как междисциплинарная область, где роль парадигмы выполняет идея взаимозависимости; она имеет характер скорее конгломеративный, нежели комплексный, и в большей степени комплексный, нежели гибридный (ср.: биохимия); наконец, она в большей мере гибридна, нежели целостна (ср.: глобальная экология). Как научная дисциплина (гипотетическая) она по характеру эволюции ближе к такой

Глобалистика как отрасль научного знания

разновидности научного знания, которая складывается исторически, не обладая системной целостностью (см.: эволюция биологии, по С. Мейсону). Сравнительные характеристики, употребленные выше, свидетельствуют о том, что ныне глобалистика, выходя из кризиса, находится *на перепутье*, обнаруживая сильную склонность к инволюции, то есть возвращению к своей начальной форме. Подобный откат имеет своей предпосылкой внутренние противоречия и разрывы в структуре глобалистики (слабая преемственность между ее первым и вторым эшелонами, взаимоизолированность наддисциплинарных и частнодисциплинарных форм). Для преодоления этих препятствий, видимо, необходима кардинальная смена теоретических взглядов на мир или так называемое «переключение гештальта» (по Н. Хансену).

4. На пути дальнейшей эволюции глобалистика сталкивается с необходимостью решения ряда проблем, актуальных как в плане познавательном, так и онтологическом. К их числу относятся проблемы вариабельности и/или альтернативности процессов глобализации, соотношения тенденций гомогенизации и гетерогенизации состава глобальной общности, соотношения иерархичности и сетевой организации мироцелостности, природы отношений отчуждения, свойственных информационно-глобалистскому типу глобальной общности, а также проблемы субъектов и агентов глобализации, ее оппонентов и антагонистов.

5. Глобалистика представляет приоритетную отрасль научного знания «эпохи сильного неравновесия» (И. Пригожин) не только потому, что имеет дело с проблемами существования человечества, но и постольку, поскольку, объединяя усилия академической и прикладной ветвей науки, социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, она вводит отечественную науку в самую сердцевину проблем современного научного знания.

Поэтому наша важнейшая задача заключается в лоббировании идеи приоритетности данного научного направления. Углубленные исследования в русле последнего дают нам ту «точку опоры», использование которой, надо надеяться, позволит заново осмыслить перспективы будущего развития Человечества.

Признаем, что для создания подобной «точки опоры» необходимо *углубленное самопознание глобалистики*, нацеленное на разрешение свойственных ей ныне теоретических противоречий. Последние четко проявляются в двух различных подходах и толкованиях феноменов глобализации. С одной стороны, глобализация интерпретируется в качестве явления современной эпохи, преимущественно экономического характера; с другой стороны, она мыслится как процесс, истоки которого следует искать в самой природе че-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

ловека и человечества, процесс исторически длительный и ныне обретающий качественно новый вид и смысл. Коротко говоря, речь идет о двух позициях: о позициях социальной и антропологической, точнее, антропоисторической, или же, иными словами, о позициях в духе И. Валлерстайна и Римского клуба. Мы разделяем вторую позицию, поэтому понимаем нынешний глобальный кризис не только как кризис социального общежития человечества, но и как грозящую последнему антропологическую катастрофу. Этим двум позициям соответствует такая организация научного знания о глобальных феноменах, которая преимущественно использует средства частнонаучного или междисциплинарного – общенаучного и философского – знания. Мы считаем, что средства частнонаучные, хотя и необходимы, далеко не достаточны и, более того, не эффективны, ибо глобалистика не возможна без своей метатеории и даже метафизики. Иными словами, будущее развитие глобалистики представляется нам процессом выработки антропоисторического видения ее предмета и теории.

Используя вначале широкий эколого-антропологический подход, а затем, ограничившись комплексом социальных наук с их частными представлениями о глобализации, глобалистика ныне имеет шанс обрести свой специальный предмет познания, не разрывая при этом, благодаря использованию рамочной теории, столь необходимой для нее, но пока еще слабой связи с человекознанием. Если подобного рода связь здесь, как мы надеемся, намечена, то для теории глобалистики в предлагаемой нами версии оказывается не менее актуальной и другая задача: выйти на уровень прикладного операционального исследования и тем самым проверить эффективность имеющегося у нее в настоящее время теоретического корпуса.

Различия и разнообразие в процессе глобализации

Рассматриваемая тема заключается в изучении не глобализации как таковой (процесс, структура, субъект), но в исследовании ее особого и отдельного параметра – полиаспектности, говоря шире – ее множественности. Суть проблемы, которая стоит за этой темой, видится в следующем: имеем ли мы дело с глобализацией как одним процессом, или же она представляет собой совокупность многих процессов, развертывающихся на разных уровнях бытия и сознания человечества, на разных этапах его эволюции, в разных пространственных рамках и в различных сферах общественных отношений? Если глобализация предстает одним или, точнее, однозначным, односущностным процессом и соответственно понятие «глобальность» – единично, то как подобный процесс и выражающая «его» основная категория соотносятся с конкретным множественным разнообразием в ходе этого процесса? Есть ли это множественное разнообразие проявление некоей одной природы/сущности/смысла глобализации, или же феномен множественности выражает многосущностную, многосмысловую природу глобализации? Вот те «конечные» вопросы, в поиске решения которых и заключается сверхзадача доклада.

Почему «полиаспектность»?

В прикладном, эмпирическом плане тема сводится к характеристике достаточно простого по существу факта, а именно – описанию и пониманию того, как глобализация развертывается в разных пластах общественных отношений, взятых – по определению глобализации – в их миросистемном бытии или в сфере международных отношений. По существу это делается в различных областях частнонаучного знания, и задача собственно методологическая видится в том, чтобы выработать основания если не для общего – наддисциплинарного – видения глобализации, взятой в ее полиаспектности, то хотя бы для дисциплинарного «союза», опирающегося не на общую картину глобализации, но на общие принципы (подходы) к изучению данного процесса в его отдельном, избранном здесь параметре. Итак, «ось» доклада соединяет два полюса – полиаспектность глобализации и методологию научного познания этого феномена; теория глобализации опосредует эти два полюса и поэтому

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

представляет не особый предмет, но его необходимое условие, его основную предпосылку. Решая проблему полиаспектности, мы в свою очередь проверяем наше представление о глобализации. Если очень кратко, то данный процесс мыслится нами как всеобщая связанность человечества и такая совокупность связей, которая делает человечество из некоего целого (образования, общности, совокупности) с его общими признаками и свойствами – *целостностью*, то есть трансформирует целое во взаимосвязанную (когерентную) «формацию». Определение целостности, ее достижение человечеством и есть конечная, *предельная проблема* глобалистики, если оставить за скобками достижение некоей всеобщечеловеческой идентичности. Очевидно, что такое понимание ключевого понятия означает, что глобализация не укладывается в оппозицию «Целое-Часть», но характеризует особую и отдельную ипостась Целого.

Необходимость обращения к теме полиаспектности определяется несколькими соображениями. Во-первых, той реакцией, которой называет этот процесс в общественном сознании отдельных стран, регионов, культурах. Эта реакция разворачивается от простого и полного отказа от норм глобализации до абсолютизации феноменов различий в этом процессе, что стимулировано постмодернистским видением мира, травмированного потерей «Другого». Идет активный поиск вариантов данного процесса, что как раз и важно для нашей темы, ибо именно в этом пункте общественного сознания и практики лежит нерв проблемы полиаспектности (или множественности) глобализационного процесса. Иначе говоря, за ней лежит ключевая проблема социогуманитарного знания о современном мире: признание его одно- или разнообразия (*uniformity-diversity*). К тому же именно в этом пункте тема нашего доклада тесно связана с пониманием природы глобализации вообще, а значит, с возможностью конституирования особой области научного знания. Потребности таковой и составляют одну из причин актуализации данной темы. Признаем, что не менее актуальной выглядела бы и тема так называемого глобального парадокса, то есть тема внутренней противоречивости глобализации¹. Пожалуй, обе темы выглядят равно значимыми, однако если следовать не логике, а историческому ходу глобальных исследований, то, пожалуй, тема полиаспектности ныне скорее выдвигается на так называемый передний край исследований в связи с проблематикой пределов множественности (делимости) форм (истории, природы) и творческой роли разнообразий. Широко распространяются констатации типа: глобализация по существу плюральна (Д. Слейтер)²; «глобализированное производство различий» (А. Аппадурай); «глобализация характеризуется полиморфизмом»; «глобализация глобализована через

Различия и разнообразие в процессе глобализации

(sic! – М.Ч.) вариабельность» и «глобализация не однозначна (*uniform*), но различна (*variable*)» (по Г. Тхерборну)³. Если подобные определения пока не стали общим местом глобальных исследований или даже тривиальными, то, тем не менее, они констатируют скорее эмпирическую реальность и потребность углубленного теоретического познания. Видимо, как и ранее, в 1980-е годы, миросистемный подход И. Валлерстайна, а позднее в конце 1990-годов теория модернизации, так и ныне исследования глобальных проблем оказываются перед сходной задачей: признание одной или нескольких логик, одной или нескольких «сущностей» изучаемого объекта (одна или две логики Миросистемы; одна или множество модернизаций, а в плане научного знания в целом – вопрос о единой Науке или множестве наук).

Потребность в методологии

Решение этой задачи в значительной мере определяется включением методологического знания в данную область исследований. Такое необходимо в первую очередь для того, чтобы вычленив понятие глобализации из размышлений о современном состоянии человечества (изучение «контекста» глобализации) и определить предмет глобалистики. Последнее становится особенно актуально для нашей темы: ведь различия гипертрофируются, когда глобализация не отделяется от процессов дифференциации-обособления «особенностей» и «частичностей» (обществ, культур, цивилизаций). Нередко последний процесс понимается как деглобализация, волны подъема которой или сменяются волнами отката, или, напротив, мыслятся как необходимая составная самой глобализации. Без уяснения этой проблемы мы не можем развести широкое и узкое толкование предмета глобалистики и тем более отделить ее от теоретического описания «контекста». Если изложенные выше задачи методологического размышления относятся не только к нашему докладу, то в его рамках методология призвана в первую очередь определить: во-первых, базовые, необходимые категории и, во-вторых, те основания, на которых вырабатываются представления о различных видах так называемой полиаспектности, что позволит классифицировать эти различия, связывая – и это уже, в-третьих, таковые с характеристиками глобализации в целом (см. ниже). Определение подобных оснований создает базу и для операционализации как представления о глобализации в целом (скажем ее глубине, интенсивности, масштабах), так и о ее полиаспектности, позволяя соподчинять разные уровни теоретической абстракции, не допуская как

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

их противопоставления и разрыва, так и редукции. Надо признать, что в целом время методологического бума («Метод – это все») в социальных науках уже давно пройдено (если не начинается вновь), но в нашей молодой области знания подобный бум не начинался. Ныне мы далеки от методологического прорыва, который бы вывел глобалистику на уровень так называемых исследований переднего края в социальных науках. Однако, опираясь на традицию отечественного обществоведения, мы можем попытаться использовать тот шанс, который дает традиция, и в этом плане отечественная глобалистика может рассчитывать на успех в большей мере, нежели зарубежные исследования глобальных проблем, в которых пока, как правило, игнорируется методологическое знание.

Обращаясь к этой разновидности знания, мы можем опереться на его известную классификацию, согласно которой (Э. Юдин) методологическое знание расчленено на четыре этажа: философское, общенаучное, частнонаучное и технико-операционное⁴. Здесь мы рассмотрим лишь вкратце первый этаж и оставим третий этаж для специального разбора. Таким образом, методологическое знание будет применяться к проблемам глобализации и в особенности в ее полиаспективности на двух своих этажах – общенаучном и частнонаучном. На этаже философской методологии наша тема требует определения таких моментов знания о глобализации, как подход (философская позиция), метод (или модель познания), язык. Предстоит сделать выбор между различными философскими видениями целого – системной философией, холизмом, органицизмом, антропологизмом, структурализмом. Поскольку мы относим глобализацию к одному из параметров бытия и сознания человечества и понимаем глобалистику как способ антропологизации его бытия – в отличие от глобалистской идеологии, деантропологизирующей бытие человечества (по В. Максименко), то нам ближе позиция комплекса антропологических наук и подход философско-антропологический, перенесенный недавно из «цивилизационных» исследований и макросоциологии в глобалистику. Этой позиции близок и так называемый интегральный подход, где человечество как целое берется в его различных ипостасях – как природном, так и социальном и духовном. Однако интегралистская позиция все же не достаточно «интегральна», ибо сведена к социокультурной (в трактовке, например, Ю. Яковца)⁵. С другой стороны, интегралистская позиция становится крайне широкой, когда целое видится в духе энергетико-информационного представления о Вселенной (Э. Азроянц⁶, В. Болгов⁷, О. Поболь⁸). Подобные версии интегрального подхода ближе не к философской антропологии, а скорее к холизму или, может быть, к универсализму как его разновидности. Таковой подвергается обос-

Различия и разнообразие в процессе глобализации

нованной критике, и в противовес ему выдвигаются идеи то ли нового универсализма, то ли глобализма. Во всяком случае, выбор философской позиции в качестве «предпосылочного знания» для нашей области знания еще предстоит. Иное положение с методом (или моделью познания), ибо теме полиаспектности с ее упором на различия адекватна диатропическая модель познания с ее пониманием различий как «причин» развития. К тому же эта познавательная модель может быть дополнена (Ю. Чайковский⁹) другими – системной, статистической и пр. Ведь, например, системный подход позволяет видеть целое как многое – в отличие от подхода классической науки, где многое мыслится как целое (Ю. Шрейдер). Адекватным языком могут служить языки синергетики и диатропики, а на уровне операциональном – различные гибридные аргументы вроде тех, что применяются в масс-медиа, экономзнании (гибрид «производства» и «потребления»: *production* и *consommation*, что дает *prosommation*) и в анализе разнородных структур – частных и общественных: *pri(vee) – (pu)blic*, что дает «*priblic*»), разнонаправленных процессов (фрагментация и интеграция – *fragmention – integration*, дающих фрагментацию) и пространств (глокальность). Как заметил Э. Гидденс, хотя мы все живем локальной жизнью, наш словарь феноменологически есть подлинно глобальный.

От множественности – к различиям

Таковы основные задачи методологического порядка, решение которых образует или входит в так называемое предпосылочное знание о глобализации и ее полиаспектности. Прежде чем переходить к другим этажам методологии и к собственно знанию о глобализации, необходимо уточнить и упорядочить терминологию, принятую при описании феномена полиаспектности. Строго говоря, упорядочивание этой терминологии и особенно – перевод ее в теоретические формы понятий и категорий также входит в сферу методологического знания, когда предметом его становится рефлексия категориального аппарата. Таковой, на наш взгляд, организуется вокруг трех ключевых понятий – *Множественность*, *Различие*, *Разнообразие*. Термин же полиаспектность, обозначающий то ли многомерность (*multidimensions*), то ли полиформизм (*multimorfism*), вполне укладывается в понятие Множественность, ибо нет Различий без Множественности, но вполне мыслима Множественность без Различий. Логически три базовые категории сопрягаются таким образом, что понятие «Множественность» описывает феномены; понятие «Разнообразие», включающее Множественность, но не сводящееся к не-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

му, характеризует базовое понятие «Различия» (как, скажем, языковые различия выступают (К. Аппель) в разнообразии имен и знаков). В итоге, на поверхности мы имеем дело с тем, что называют Разнообразием Различий (*diversity of differences*).

Соответственно такой логике, мы изменим нашу терминологию и вместо термина «полиаспектность» будем употреблять общее понятие «глобальные различия» (ГР), характеризуя тем самым различия, присущие процессу глобализации. Эти глобальные (глобализационные?) различия можно классифицировать, связывая их с разными сторонами данного процесса – его общими параметрами (исторические типы; разнородные порядки); с закономерностями функционирования глобальной системы связей и отношений (по их «сферам») и с основными источниками динамики (структурными и субъектными), и, наконец, по балансу связей «субъект-структура-природа». Итак, различия группируются в три больших категории, которые в свою очередь покрывают различные формы и виды, как, например, различия по «сферам» общественных отношений – в экономике, политике, культуре и пр.; различия субъектного порядка включают такие их виды, которые связаны с сознанием (когнитивные различия), дискурсами, стратегической деятельностью, в свою очередь различной по характеру (творческая, имитационная) и т.д. Некоторые виды различий реализуются в разных измерениях и принадлежат разным типам и видам: например, вариативность как свойство, присущее процессу глобализации, будучи квинтэссенцией динамических различий, разворачивается по всем трем большим группам (или классам) различий, но связана преимущественно с сознанием и деятельностью субъектов и, значит, с различиями этого, субъектно-деятельного порядка.

Общая картина различий усложняется тем, что их различные классы, формы и виды взаимоналагаются и перекрещиваются так, что различия структур/субъектные идут «насквозь» форм, видов, типов. Поэтому, например, вариативность как свойство динамики (развития) возникает на скрещении различий объектного и субъектного порядка, различий по типу – социальных и природных (особенно биологических). Мы не рассматриваем здесь различия по их глубине, масштабности, участникам, ибо таковые должны и могут быть операционализированы, как и такие теоретически определенные «качества» данного процесса – открытость, прозрачность. Вся сложная гамма различий выражается, как отмечено выше, в феномене «разнообразие различий», анализ которого призван дать ответ на вопрос: имеем ли мы дело с разнообразием функциональным или дисфункциональным, необходимым или достаточным, необходимым или избыточным с точки зрения развертывания и процесса

Различия и разнообразие в процессе глобализации

глобализации, и эволюции человечества как все более взаимосвязуемого целого. Вряд ли нужно подчеркивать, что различия выступают и как врожденные, так и «благоприобретенные», то есть вырабатанные логикой исторической. А их рождение, умирание и смена заданы закономерностями глобализации. Например, «вариабельность» существенно зависит от исторического типа этого процесса, соотношения социального и природного и может как усиливаться, так и ослабевать в зависимости от баланса структуры и субъекта. В свою очередь различия – уже в порядке обратной связи – придают глобализации неповторимый и изменяющийся исторический облик. Как ни сложна картина различий, но упорядочивание и организация знания о них позволяет понять закономерности процесса глобализации, то есть позволяет понять парадоксальность этого процесса, который разворачивается по одному вектору-целостности и в то же время становится все более разнообразным и по своим траекториям (вариантам), а также и структурно, и субъектно.

Методологизация теории

Решив эти предпосылочные и организующие задачи, методологическое знание входит в прямой контакт с содержательным знанием о глобализации и ее различиях. Подчеркнем еще раз, именно последнее становится основной темой, подлежащей методологической рефлексии, которая в свою очередь разворачивается в соответствии с логикой построения этого знания. На наш взгляд, оно подлежит иерархизации, что требует построения вертикальной схемы с отдельными уровнями и ступенями. Вкратце эта схема выглядит следующим образом:

- на первом уровне обосновывается необходимость вычленения представления о глобализации из теоретического описания ее общечеловеческого «контекста»;
- на втором уровне характеризуется природа глобализации и сущность глобальных различий (ГР) в их связи с основными параметрами процесса глобализации;
- на третьем уровне глобализация и ГР рассматриваются в порядке разворачивания логического видения в историческое.

Эта простая схема включает разные ступени на втором и третьем уровнях, но исключает – как оговаривалось выше – операциональный уровень методологического знания и знания о глобализации. Мы пройдемся по всем этим уровням и ступеням, уделяя особое внимание третьему уровню, где конечным результатом исследования ГР выступает их же бытие в феномене «разнообразия

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

различий». Заранее сформулируем нашу гипотезу относительно ГР: таковые имманентны глубинной природе глобализации и не исчерпываются ее историческими проявлениями. Данное видение предполагает и поиск, и формулировку определенного ответа на вопрос о том, имеем ли мы дело с *глобализацией* или с *глобализациями*.

Задачи методологии применительно к данной схеме заключаются в том, чтобы контролировать обоснованность последовательности как макроуровней, так и членений внутри них с точки зрения того, что все ступени иерархии должны отличаться и по предмету, и по силе конкретизации, степени абстракции (сильной – слабой), поскольку вся схема строится по принципу движения от абстрактного к конкретному или (поскольку схема остается в рамках абстрактного мышления) от абстрактно-всеобщего к абстрактно-конкретному. Если выделенные уровни отвечают этим требованиям, то относительно других членений (ступеней) возникают некоторые проблемы. Точно также проблематично и разделение на каждой из ступеней проблематики глобализации, как таковой, и специально ГР. Например, на втором уровне выделяются две ступени, где глобализация рассматривается как связь и как организация. Эти темы отличаются по предмету, но отличаются ли они по уровню абстракции? Такой же вопрос можно адресовать особой теме-характеру отношений в оргструктуре: «отношения» могут быть выделены в отдельную ступень, но могут находиться на одной ступени абстракции с «организацией». Во всяком случае, на этом уровне различия и неравенства выступают неразделенными и расчлняются уже на следующем уровне. На третьем уровне мы выделяем две ступени, на одной из которых характеризуются общие признаки глобализации и ГР в их сквозной исторической динамике, а на другой – некоторые общие структурные особенности обоих феноменов (механизмы, субъекты, единицы). Здесь встает вопрос: можно ли эти феномены располагать иерархически или же здесь надо отказаться от принципа иерархии, коль скоро анализ приближается к историко-эмпирической реальности? Эти замечания достаточно отчетливо показывают, насколько важна методологическая работа при конструировании такой схемы исследования. Ее описание в целом мы относим к заключению, а здесь пройдемся по основным членениям, уровням и ступеням.

Глобализация и ее различия: уровни исследования

Первый уровень относится к нулевому циклу, ибо здесь предметом исследования выступает тот «контекст», к которому и принадлежит глобализация. На этом макроуровне возникают сложные мето-

Различия и разнообразие в процессе глобализации

дологические проблемы, связанные с пониманием мира, человечества и Вселенной, пониманием их как целого, и здесь же производится отбор позиций, с которых характеризуется это целое. Существует немало разных позиций и концепций, которые требуют тщательного разбора, но здесь мы этого не производим и опираемся на намеченную нами концепцию человечества как глобальной общности¹⁰. Согласно этой идее, человечество как целое видится изначально несистемным образованием, которое в ходе эволюции обретает черты системы и ныне переходит в новое, diskutируемое качественно-организационное состояние. В такой «контекст» мы и вписываем глобализацию и ее различия, переходя к следующему уровню. На этом, 2-м уровне и на его первой ступени глобализация характеризуется как *всеобщая связь* и соответственно понимается как особая ипостась целого, не тождественная этому целому. На этой ступени ГР еще отсутствуют и лишь тогда, когда на следующей второй ступени глобализация определяется как *связь разнородная*, возникает и тема ГР.

Итак, обе наши темы появляются на второй ступени 2-го уровня. Подчеркнем, что представление о глобализации не только как *всеобщей, но и разнородной связи* основано на нашем представлении о «контексте», то есть на концепции, определяющей человечество в качестве глобальной общности, ядро которой предстает как необходимая соотносительность трех разнородных начал: социального, природного и субъектно-деятельностного. Поскольку глобализация есть *связь разнородная* или *связь неоднородностей* (см. идею коэволюции), то именно это ее свойство (неоднородность) и есть *источник* (генератор) различий. Поскольку в ядре связь разнородных начал изначально, то различия в этой связи выглядят изначальноными или *архетипическими*. В архетипическом виде глобализация еще не расчленена как процесс, структура и субъект и представляет особую ипостась ядра (его «неделимость») наряду с двумя другими – неслиянностью (дифференцированностью) и единством начал. Соответственно и различия внутри таковой формы глобализации существуют лишь потенциально, в неартикулированном виде, то есть без различий организации и отношений, различий и неравенств, различий, свойственных глобализации, и различий, основанных на дифференциации (неслиянности) начал. Этот столь высокоабстрактный анализ необходим, чтобы показать, во-первых, что природа глобализации и ее различий имеет не только социальный, но интегральный характер, во-вторых, чтобы, продемонстрировав имманентность различий глобализации как таковой, заложить основания для анализа глобализации и различий в их историческом виде.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

На этом же 2-м уровне, но на следующей, третьей его ступени предметом исследования становится организация процесса глобализации, то есть переход от несистемного к системному бытию и, соответственно, к расчленению двух аспектов глобализации – как (всеобщей) связи и (совокупности) *отношений* по поводу этой связи («глобальные отношения» в терминологии Н. Косолапова). Отсюда – артикуляция феномена неравенства в этом процессе, а, значит, и появление отношений неравенства в отношениях различий. На этой ступени архетип ГР сохраняется, но обогащается новыми элементами, причем отношения неравенства и различий здесь отчленены, нарушая их прежнее синкретическое единство. Иначе говоря, архетип ГР артикулируется в совокупность (растущую системность) связей и отношений; и архетип, и его новое артикулированно-системное бытие есть моменты структуризации, то есть реализации структуры как инвариантного качества (по Н. Овчинникову) глобализации. Подобная же структуризация приходит в русло глобализации, где расчленяются ее аспекты – процессиальные, структурные (связи, отношения) и субъектные. Расчленение этого исходного синкретизма и есть (если говорить точно) *начало исторического развертывания* глобализации (или реализация глобализации как истории), так же, как и развертывание ГР из архетипических – в исторические. Это развертывание, то есть история глобализации (не путать: роль глобализации в истории человечества!), есть предмет уже следующего уровня исследований.

Очевидно, что при переходе от первого ко второму уровню методологическая задача заключается в том, чтобы развести архетип, структуру и историю наших обоих предметов (глобализация и ГР) и при этом не потерять связи между ними и определить основания (предмет, уровень абстракции) каждого из уровней. Если эти задачи ясны для определения архетипа и истории, то они сложны для структуры. Таковая выглядит звеном, опосредующим *«перевод» Архетипического в Историческое и стыкующим эти понятия*. Методологическая проблема заключается в том, чтобы уяснить: образует ли описание структуры отдельный уровень или же входит в другие уровни (1, 2)? Мы все же склоняемся к тому, чтобы выделить анализ структуры в особый, пусть и промежуточный, уровень и тогда, вынеся за рамки предмета как его нулевой, так и операциональный уровни, получим в итоге 3-ступенчатую модель (Архетип-Структура-История) теоретического изучения непосредственно нашего предмета – глобализации и ГР.

На первой ступени нового – третьего – уровня глобализация и ГР предстают в крупных временных членениях. Глобализация может быть представлена как процесс, развертывающийся в двух

Различия и разнообразие в процессе глобализации

больших исторических членениях: сначала в рамках человечества/планеты и затем – с выходом человечества за пределы планеты – во Вселенную. Такой выход наметился уже во второй половине XX века, но будет реализован в ближайшее столетие. Однако это уже будет иная глобализация, а глобализация планетарная по существу заканчивается (хотя и не так, как это понимают антиглобалисты). Речь идет о достижении в ходе информационной революции всеобщей связанности человечества (оставляя за скобками ее вторую задачу – выработку всеобщей идентичности). На переломе этих двух задач и родился так называемый антиглобализм. Первая большая историческая эпоха глобализации распадается на ряд последовательных этапов – от ее зарождения (с началом неолитической революции до Осевого времени) и первых шагов (от эпохи Осевого времени до Великих географических открытий); затем следуют этапы становления (XVI-XVIII вв.) и, наконец, формирования (XIX-XX вв.), когда этот процесс обретает (рубеж XVIII-XIX вв.) не эпизодический, но системный характер. Рубеж XIX-XX веков характеризуется *необратимостью* глобализации, а последние два десятилетия XX века – достижением пика в этом процессе и приближающимся завершением первой большой исторической эпохи.

Сходным образом разворачивается и процесс, в котором выражаются различия, присущие глобализации. Он также может быть представлен в виде смены *типов ГР*: от различий *архетипических* к различиям *историческим* и далее к различиям *условно-постисторическим* (и *постцивилизационным*), где различия вписываются в новую комбинацию двух ветвей эволюции – социальной и природной. Эти три типа имеют свои временные градации, что позволяет видеть градации различия особого, исторического порядка: их зарождение относится к периоду от неолитической революции (8-3 тыс. до н.э.) до Осевого времени, становление – от Осевого времени до XVI века, созревание – с XVI по XVIII век. В историческом типе ГР, который формируется с XIX до середины XX века, разнообразие вначале резко сокращается, а в конце происходит резкий перелом в динамике ГР – в направлении возрастающего разнообразия. Это разнообразие становится критическим и для всего процесса глобализации и в судьбе ГР на пороге перехода ко второй большой эпохе глобализации, где ее история – как и история глобальной общности человечества – не свертывается, но, напротив, разворачивается вширь и вглубь, в своей разнообразно-различной всеобщности (т.н. Большая История).

Как видим, обе исторические схемы примерно совпадают, что вполне понятно, ибо ГР есть лишь одно из измерений глобализации и поэтому 3-уровневая модель (Архетип-Структура-История) приме-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

нима к обоим предметам: в своем промежуточном звене (структура) она адресована и глобализации, и ГР в период от Осевого времени до XVI века. Этот период знаменует первую фазу «перевода» Структуры в Историю, как и период с XVI-XVII веков – новую структуризацию и новую историю, закрепляющихся в XIX – первой половине XX века в известном нам индустриально-модернистском типе глобальной общности, «ее» глобализации и ГР (относительно простом и исключаящим – нормативно – если не различия, то их Разнообразие, которое имеет место как отклонения от нормы, как девиант в индустриально-модернистском типе глобальной общности). Однако необходим методологический контроль, чтобы избежать тавтологичности и особенно – растворения ГР в общей проблематике глобализации.

Отметим три пункта такого методологического контроля: во-первых, в описании динамики ГР выделена фаза (или этап) архетипических различий, но таковой нет в типологии глобализационного процесса. Это несовпадение объясняется тем, что в архетипе глобализации еще нет ни процесса, ни структуры (ни субъекта – добавим), но есть лишь синкретическое единство, которое содержит в себе изначальную разнородность, что может быть адресовано зарождению различий, но не началу процесса глобализации. Иными словами, ГР «старше» глобализации – и процесса, и структуры. Второй момент связан с пониманием динамики обоих тем в периоды с Осевого времени до периода Великих географических открытий и XVI – XIX веков. Здесь процесс глобализации соседствует с процессами дифференциации, где рождаются новые культурные ареалы, империи и пр. Означает ли это рождение новых ГР или же не укладывается в эти рамки? Вопрос остается открытым, как и определение соответствующих периодов исторической динамики ГР. Третий вопрос возникает относительно правомерности выделения отдельного периода, охватывающего XIX и XX века, ибо его фазы резко различны по вектору для обоих феноменов: глобализация идет по восходящей, а ГР или сокращаются, упрощаются и укрупняются, формируясь по оси Центр – Периферия. И все же этот период выглядит достаточно целостным, так как «взрыв различий» происходит лишь в последние два десятилетия XX века. Помимо этих пунктов методологическое знание будет полезным для более точного определения критериев, по которым выделяются отдельные периоды – эпохи и этапы в динамике обоих феноменов и делаются выводы такого рода: «глобализация еще не началась», «глобализация находится в своей предыстории» и т.д. и т.п.

Обратившись собственно к ГР, мы можем рассмотреть некоторые общие параметры их исторической динамики, основываясь на выделенных выше трех типах, что составит предмет второй ступени

Различия и разнообразие в процессе глобализации

данного уровня. Это – параметры *множественности, разнообразия и сложности* различий. Динамика первого из них такова, что множественность возрастает с переходом архетипических различий в исторические, идет по восходящей в первой фазе исторического типа и по нисходящей – в его второй фазе, с тем, чтобы резко возрасти с переходом к третьему, постисторическому типу ГР. Труднее установить динамику различий, но можно предполагать, что она резко возрастает в двух переходных пунктах – от первого ко второму и от второго – к третьему типу, причем причины и характер двух «взрывов различий» выглядят по-разному: в первом переходе социальные факторы «работают» против природных, их унифицируя, а во втором – вырабатывается если не гармония, то баланс социального и природного. Правда, в обоих переходах различия сильно стимулированы субъектным фактором, особенно в его культурно-творческой деятельности. Третий параметр – сложность ГР, по существу он резюмирует первые два измерения. Динамика сложности такова, что ее триадический ритм – возрастание, убывание и вновь возрастание – совпадает с динамикой и ритмикой различий. В рамках исторического типа ГР их сложность изменяется таким образом, что на смену сложности преимущественно естественного порядка приходит сложность сначала природно-социальная, а затем – социальная и сравнительно простая, которая в свою очередь сменяется социокультурной сверхсложностью с переходом к третьему, постисторическому типу ГР. Поскольку таковой соединяется с различиями, генерированными дифференциацией, то это соединение двух классов различий (глобальных и дифференцированных) и наложение на них возрождаемых природных различий создает бум различий или возведение различий в степень (P^n) или их избыточность. Подчеркнем, что такая избыточность контрастирует с недостаточностью различий, присущих второй фазе исторических ГР или фазе формирования глобализации (XIX – середина XX века).

Соотношение этих двух видов различий требует теоретического и методологического уяснения баланса Глобализации и (условно) Дифференциации в их различных логиках и особенно в их пространственных измерениях. На уровне регионов или ареалов мы имеем дело и с глобализацией (связанность страновых и локальных единиц), но реализующейся в рамках этих образований, а на мировом уровне – те же регионы (ареалы) выступают как «продукты» дифференциации. Оценка баланса зависит от исторического типа глобализации и ее пространства. В эпоху Осеевого времени, где мироцелостность не сложилась, и связи между отдельными Цивилизациями были слабы, скорее надо говорить об этих единицах в русле дифференциации. Напротив, в современную эпоху, где глобализация плане-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

тарна, те же регионы и ареалы выглядят скорее продуктами глобализации (т.н. Новый регионализм). Во всяком случае, «пока» мироцелостность (как 1-й исторический тип глобальной общности) не сложилась, дифференциацию можно с определенными натяжками (см. ее крупные единицы – цивилизации, империи) оценивать как деглобализацию (хотя она имеет свою, а не только «отраженную» логику). Однако эта же оценка будет ошибочной для нынешней фазы глобализации. Итак, баланс этих видов различий в двух исторически симметричных ситуациях выглядит так: в первой ситуации Глобализация идет внутри и через Дифференциацию, а во второй – Дифференциация разворачивается внутри и через Глобализацию. Или говоря еще короче, Глобализация как функция Дифференциации – в одном случае и Дифференциация как функция Глобализации – в другом.

Различия на стыках двух больших эпох глобализации

Обращаясь теперь к современной ситуации, попытаемся связать ГР с теми сдвигами, которые происходят в структуре глобальной общности человечества и в процессе глобализации, рассматривая трансформации ГР в контексте изменений исторических типов глобальной общности и ее основных параметров (субъект; организация, состав; хронотоп). Методологический контроль призван и здесь не допускать подмены изменений в ГР описанием сдвигов в глобальной общности. Итак, начальный пункт сравнения – параметры глобальной общности при сдвиге ее типов (от индустриально-модернистского к информационно-постмодернистскому), конечный пункт – ГР и пункт, опосредующий эпохи и этапы глобализации.

Субъектом нового исторического типа глобальной общности становится человечество в целом, преодолевающее свою прежнюю (1-й тип) субъект/объектную расколотость и выступающее в виде так называемых неопределенных множеств индивидов, групп, совокупностей разных масштабов и разных порядков. Такой субъект не может быть определен только как множественность, постольку, поскольку каждая из составляющих множеств наполняется общечеловеческим содержанием и на уровне различных совокупностей, которые (в терминах В. Цимбурского, но в нашем смысле) можно называть «латиноамериканское человечество», «арабское человечество», «российское человечество» и пр. Все более активной и разнообразной становится и деятельность национальных агентов на мировой арене. Формирование исторического (а не антропологически заданного) человечества как субъектного целого не есть движение в направлении усиления «единства человечества», но скорее

Различия и разнообразие в процессе глобализации

выглядит движением к человечеству как общности *взаимосвязанной*, а не только обладающей общими признаками. Смысл динамики субъекта точно выражен М. Гефтером: человечество одно, но не едино. Подобное движение завершает первую большую эпоху глобализации, но в нем пока не видно признаков начала второй эпохи. Изменения в субъекте сильно сказываются на структуре ГР, которые и множатся и становятся все более разнообразными. «Разнообразие Различий» имеет своим важнейшим источником умножения носителей общечеловеческой субъектности. Однако различия этих носителей в плане когнитивном и поведенческом воспроизводятся в рамках их общей заданности (или обусловленности) становящимся целостным субъектом; таким образом *различия* ГР как бы артикулируют общность этой обусловленности.

Не менее значительными предстают изменения в ГР в связи со сдвигами в *организации* и *составе* глобальной общности и последствиями этих сдвигов для процесса глобализации. Во втором типе глобальной общности конституирующая роль связей закрепляется в условно-поточно-сетевой организации («инакоорганизованный универсум» по В. Максименко). Таковая размывает прежнюю организацию, построенную на артикуляции отдельных структурных уровней (Центр – Периферия), распатывает принципы центральности и иерархического построения, на смену которому приходят подвижные, плавающие образования в составе глобальной общности (см. блуждающие «ядра» в геоэкономике Э. Кочетова). Поэтому и процессуальная структура глобализации обретает такой вид, что без «центра» и жесткой иерархии ее отдельные «сферы» (экономика, политика, культура) теряют свою артикулированность и автономность, формируясь уже не столько по своим (внутренним и особым) нормам, сколько по *нормам взаимодействий с другими «сферами»*. Соответственно усложняется и структура ГР, ибо грань между видами различий (в том числе по «сферам») становится все более подвижной так, что различия одного вида (культурные) легко переводятся в различия другого вида (экономические), создавая эффекты взаимоналожения и взаимоусиления, а в итоге – *возведения в степень*. Однако при наличии противоположных векторов динамики этих «сферических» и других различий (скажем, к крупномасштабности в экономике и к «миниатюризации» политических единиц) может происходить погашение различий более слабых – различиями более сильными.

Поточно-сетевая организация, присущая всем трем компонентам нашей схемы, меняет баланс *связей и отношений по поводу глобализации*. Если связи становятся по содержанию (ценности, нормы) все более всеобщими, то в структуре отношений – в силу субстанциональных различий компонент, а также множественности и раз-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

нообразие субъектов (по ценностям, нормам) – усиливаются не только различия, но и неравенства. Или говоря иначе, если связи становятся все более всеобщими и все более взаимообуславливающими, а их последствия – гомогенизирующими состав глобальной общности, то отношения по поводу этих связей (т.е. по поводу той же глобализации) приобретают характер глубокого неравенства, что, соответственно, усиливает гетерогенность состава глобальной общности. Предпосылкой такого неравенства выступает сама глобализация, но как таковая она не генерирует неравенство, которое скорее задается ее различными субъектами и их структурными основаниями, и в конечном счете – «контекстом». Методологически и даже политически важно фиксировать следующее: всеобщность связей (глобализация) есть лишь *предпосылка* или максимум – *основание*, но не *причина* неравенства. Этот вывод подрывает мифы и глобалистского сознания (связи → гомогенизация по Ю. Шишкову), так и антиглобалистского сознания, отождествляющего глобализацию с неравенством. Тенденция к неравенству, или потенция, заложенная вкупе с различиями в самом архетипе глобализации как всеобщей связи неоднородностей (разнородных и даже разнорядковых начал), стимулирует реакцию на это неравенство/различия в виде локализмов, работающих на избыточность ГР. Как видим, при завершении первой большой исторической эпохи глобализации архетип ее ГР воспроизводится не в своем первичном – простом (синкретическом) виде, но в облики куда более сложном, сочетающим переплетенные, встроенные и подвижные, но (sic! – М.Ч.) разделяемые различия и неравенства, которые мистифицируются (отождествляются и взаимозменяются) в образе «борьбы цивилизаций». Здесь происходит как бы второе – после периода от Неолита до Осевого времени – рождение архетипических ГР. Это рождение, хотя и симметричное во времени переходу от ГР архетипических к историческим, но с иным вектором: *расшатывание* архетипа с переходом к историческому этапу ГР и его *возрождение* с переходом в этап постисторический. Может быть, это второе рождение есть дополнительная причина избыточности разнообразия (У. Эшби, В. Седов) на нынешней фазе глобализации, сопровождающейся резким взрывом различий, неравенств и противоречий. Последние, однако, не выглядят абсолютно неразрешимыми, дихотомическими; скорее они предстают – теоретически – как оппозиции/антиномии, «разрешаемые» в работе различных механизмов, особенно таких, как механизмы смешения и гибридизации, адаптации, а также более старых механизмов – диффузии, интернационализации, транснационализации, которые были свойственны в значительной мере уже первому, индустриально-модернистскому типу глобальной общности, но сохраняются и во вто-

Различия и разнообразие в процессе глобализации

ром типе. Эти механизмы, однако, не работают в автоматическом режиме и вне усилий субъекта (в том числе познающего), нацеленных на то, чтобы преодолеть дихотомию глобально/универсального-локально/особенного. Такие усилия могут быть стимулированы поисками *взаимной укорененности* (и в этом смысле: почвенности; от «soil») как Универсального в Локальном, так и Локального в Универсальном (вопреки и Универсалистской, и Партикуляристской картина мира). В российском сознании подобная операция должна начинаться с признания того, что Глобализация в ее универсальности не есть нечто внешнее, но и заложено генетически в самой локальности России, в ее архетипической (общечеловеческой) принадлежности, реализованной так или иначе в российской истории.

Второе издание – после периода расшатанности – архетипа глобализации и ее различий проявляется в образовании новых синкретических (или, точнее, дедифференцированных) общностей, основанных на совмещении социального и природного начал (в этнических, родовых, языковых образованиях). Каждое из этих новообразований стремится реализовать свою, то есть диахронную логику, в соответствии со своим, в том числе возрождаемым, историческим временем. Глобализация как всеобщая связь не отменяет множественности исторических времен, но их синхронизирует: *синхронизация множеств диахронностей* становится характерной чертой временного измерения нынешней фазы глобализации и придает ее различиям крайне сложный временной облик. Примерно то же происходит с пространственным измерением, которое расширяясь до планетарных масштабов, становится всеобщим (не только в плане физическом) пространством, где возникают новые и новые локальные единицы. Последние выглядят крайне разнообразным – от отдельных регионов до цивилизаций – старых и новых, если предполагать, что «вулкан цивилизаций все еще действует» (А. Панарин). Кардинальное значение при этом сдвиге имеет соотношение различий двух порядков: культурно-исторического и социального (в широком смысле), что создает в одном случае – избыточное разнообразие, а в другом – дисфункциональное. Означает ли становление человечества в ходе глобализации как все более разнообразной общности ослабление (по меньшей мере) неравенств? Могут ли разнообразия и неравенства идти по разным траекториям и с разными векторами: первые – вверх, вторые – вниз? В истории глобализации были периоды, когда оба параметра имели одинаковый вектор (восходящий – от Осевого времени до XIX в.) и разнонаправленный (различия культурные – по нисходящей и неравенства по восходящей, XIX-XX вв.). Ныне у них опять общий восходящий вектор, что указывает на симметричность «входа» и «выхода» в ис-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

тории глобализации. Судя по возрождению архетипа, им вновь предстоит встретиться, но уже в более сбалансированном виде, что дает некоторые теоретические основания идеи мировой гармонии.

Вариабельность как вид различий

В итоге при смене типов глобальной общности и эпох глобализации феномен ГР приобретает критическую значимость. Ведь речь идет не только об умножении различий и их разнообразия, но и об обострении неравенств и противоречий, связанных с отношениями по поводу глобализации, о новых изданиях как глубинных, архетипических различий, так и различий исторического порядка, объединенных вместе рамками нового хронотопа. Наконец, речь идет и о рождении как реальных, так и ложных (дихотомическая ловушка: универсализм-почва) способах разрешения противоречий, генерированных отношениями неравенства. Возникает вопрос: если ГР имеет избыточный и высшей степени усложненный характер, то могут ли они поддаваться регулированию? Этот вопрос – часть более общей проблемы, проблемы управления (governance) или направления (по Н. Моисееву) глобализации. Не вдаваясь в эту общую проблематику, мы ограничимся более узким случаем – регулированием ГР в такой их разновидности как вариабельность. Данное свойство глобализации означает возможность перебора и отбора вариантов с целью поиска такого из них, который был бы оптимален с точки зрения разрешения ГР («направление»!).

Однако процедура поиска оптимального варианта предполагает сознательное направление такого отбора, а следовательно, и необходимость контроля над отбором, что требует каких-то мировых, в том числе и научных институций. Роль научного знания в данном случае остается чисто экспертной, но достаточно важной и сложной, ибо только научное знание может дать ответ на вопрос о том, присуща ли вариабельность самой природе (сущности) глобализации или же задается условиями, обстоятельствами, то есть контекстом. Поскольку глобализация есть в своем архетипе всеобщая связь, то вариабельность в этом плане может возникнуть лишь на уровне историческом и/или конкретно-ситуационном. Поскольку глобализация есть всеобщая связь *разнородностей*, то вариабельность заложена потенциально в природе этой связи. Можно сказать, что вариабельности нет, когда глобализация понимается как связь, и она есть, когда глобализация понимается как отношение по поводу этой же связи.

Переходя к историческому типу ГР, мы не порываем связи с архетипом, но находим основание вариабельности в возвышении

Различия и разнообразие в процессе глобализации

субъектно-деятельностного начала ядра глобальной общности, или, точнее, ее нового – информационного – типа. Активность субъекта включает и научно-познавательную деятельность, которая призвана определить и содержание вариантов, и обоснованность их понимания как альтернативных, то есть взаимоисключающих или полярно-различных вариантов. С нашей позиции, глобализация как связь *всеобщая* исключает и вариабельность вообще, и тем паче – альтернативность, полярность вариантов, но глобализация как связь *разнородностей* не исключает ни вариабельности, ни альтернативности. Однако ось размежевания альтернатив проходит ныне не по параметру типа социума, но скорее по оси культурно-исторической. Правда, здесь открытым остается вопрос о соотношении вариабельности культурного и исторического порядков, что особенно актуально, учитывая смену типов ГР (условно: от исторического к постисторическому). Подчеркнем: хотя вариабельность и задана архетипом, данное свойство в своих реализациях исторично: проявляясь в одних типах социумов, оно как бы размывается, сходит на нет – в других (тоталитарных, например) и принимает ложные формы (борьба двух систем в эпоху биполярного мира и борьба цивилизаций после крушения биполярности).

Резюме

Смысл нашего размышления заключается в том, чтобы сделать методологическое знание неотъемлемым элементом научного знания о глобализации вообще и ее «полиаспектности» в особенности. В соответствии с этой задачей методологическая рефлексия вводилась на всех основных этапах и ступенях развертывания теории глобализации. Предварительно стало необходимым уточнить и само понятие «глобализация», которое здесь выступает как всеобщая связь не- или разнородностей (еще шире – и неоднородностей) и характеризует не Целое (человечество, мир), но особый аспект этого Целого – связанность (когерентность), или иначе – целостность. К такому пониманию глобализации и адресуется термин полиаспектность (или множественность), «переводимый» нами в понятие «различия», суммируемое и конкретизируемое в конечном в понятии разнообразие различий (*diversity of differences*). На этих предпосылках основываются характеристики глобальных различий или различий, генерируемых самим процессом глобализации. Этот вид различий необходимо отличать от тех, что возникают в процессах дифференциации (обособления и расчленения) глобальной общности человечества. Имеет смысл классифицировать глобальные противоречия по ряду параметров

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

процесса глобализации – от временных и пространственных до субъектных и структурных (и их «баланса»), выделить их *формы*, связанные с различными «сферами» отношений глобализации и стратегические *виды*, задаваемые ее субъектами, а как особый «случай» – различия по способности к варибельному развитию. Отметив ряд параметров различий (как и глобализации вообще), сравнительно легко можно операционализировать и даже квантифицировать отдельные параметры (например, «связи» по их интенсивности, глубине, участникам и т.д.). Базовой или, точнее, исходной категорией для характеристики глобальных различий выступает понятие их архетипа, как всеобщей связи неоднородностей, что означает нерасчлененность различий и неравенств. Это синкретическое единство, присущее архетипу, реализуется, раскрывается и преобразуется в процессе исторического развертывания глобальных различий и в смене двух типов этих различий – архетипических и исторических, сохраняющих, однако, преемственность, коль скоро архетип не исчезает, но, структуризуясь, воспроизводится (на то он и архетип!).

Переход от глобальных различий исторических к условно-постисторическим задан новым этапом глобализации – выходом ее за пределы планеты (во Вселенную) и обретением подлинно всеобщей исторической глубины и глобализацией, и историей человечества, которая далеко не «свертывается», но и развертывается и углубляется (в том числе и «индивидуализируется»). Переход глобализации в эту новую фазу сопровождается взрывом глобальных различий, порожденным своего рода возрождением архетипических противоречий и наложением на них различий, созданных в процессах дифференциации (не путать с фрагментацией!). В такой ситуации глобальные различия становятся избыточными или дисфункциональными, но и они поддаются урегулированию в силу неотъемлемости таковых от сознательной деятельности человечества (как это задано архетипом глобальных различий). Подчеркнем, что динамика глобализации и глобальных различий не совпадают: глобализация развертывается не только по восходящей, но и циклически через волны и откаты, а поэтому глобальные различия имеют не только линейно-восходящую, но одновременно и более сложную траекторию: то возвышаясь, то падая, то вновь возвышаясь. В то же время и эти различия имеют четкую направленность в порядке их возрастающей сложности и прогрессирующего разнообразия.

Итак, во всей этой схеме важны три пункта: различение динамики глобализации и «ее» различий; разведение различий глобальных и дифференцирующих и, конечно, определение архетипа глобальных различий. Формулировка этой категории позволяет не сводить исторические различия к различиям эмпирико-исторического по-

Различия и разнообразие в процессе глобализации

рядка, видеть их корни в «антропологической» (интегральной?) природе глобальности и в то же время не подменять историю – «антропологией». Эти три постулата и составляют содержание не только методологической, но и предметно-содержательной рефлексии относительно «полиаспектности» глобализации. Основываясь на них, мы можем вернуться к исходной или, вернее, конечной проблеме: обосновано ли говорить о глобализации как понятии единичном или учитывая все сказанное о присущих ей различиях, множественном? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить: есть ли глобализация феномен односущностный или многосущностный, подчиняется одной или нескольким разным и равноположенным по «силе» логикам? Только получив ответ на этот последний вопрос, мы сможем уяснить и глубину различий, присущих глобализации в их множественности и разнообразии. Возможен ряд теоретических решений проблемы одно-/многосущности, из которых можно выделить два основных. Соответственно первому – глобализация по своей природе односущностна, а ее различия есть лишь эмпирические проявления этой одной сущности (природы, смысла, значения). Согласно второму решению – глобализация множественна в своей сущности, и ее различия есть проявления этих многих сущностей. В случае первом различия выглядят чисто феноменальными, а во втором – они и сущностны, и феноменальны. При первом решении сохраняется чисто монистический подход, а второе решение выглядит эклектичным.

Поскольку обе позиции нами не разделяются, то попробуем решать проблему природы глобальных различий (и шире – проблему сущности глобализации), исходя из нашей гипотезы архетипа глобализации (и ее различий), то есть мы будем исходить из понятия «глобализация» (если точнее, то «глобальности»), взятого в крайней степени абстракции, как всеобщей связи неоднородностей. Естественно, что полученные решения будут заданы этой аксиомой. В виде *всеобщей* связи глобализация *односущностна*, а как связь *неоднородностей* она же – многосущностна. Поэтому и «различия» есть и односущностны – в одном отношении (характер связи), и многосущностны – в другом (участники и их отношения в этой же связи). Отсюда следует, что понятие «глобализация» и единично в одном смысле (всеобщая связь), и *множественно* – в другом (связь неоднородностей). Что же касается различий, то они в своем архетипическом виде также и односущностны и многосущностны, причем (подчеркнем это) именно в своем архетипическом, а не историческом бытии. В историческом же бытии различия воспроизводятся и в своем архетипе, и в новом, исторически созданном бытии. Здесь они также одно- и разносущностны, но к ним добавляются вновь создаваемые различия историко-эмпирического плана, возникающие

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

в ходе, если так можно выразиться, историзации архетипических различий (операция столь же необходимая, как и другая – архетипизация исторических различий). Перед научным исследованием стоят сложные задачи различения важнейших «классов» глобальных различий – *врожденных* (архетипических) и *приобретенных* (исторических), а также зависимостей и переплетенностей между этими «классами». Подобные теоретико-исследовательские операции позволят установить, какие из видов и форм глобальных различий избыточны или дисфункциональны, насколько реальны варианты и альтернативы глобализации. Последняя задача осложняется еще и тем, что пока не прояснено соотношение в структуре глобализации ее двух важнейших аспектов – связей и отношений (по поводу этих связей), так же как и отличие данных отношений от отношений «контекста». Решение этих трех задач относится скорее к проблемам глобалистики, так же как и проблема разведения различий, свойственных глобализации, и *различий*, присущих дифференциации, что связано в свою очередь с демаркацией предмета глобалистики¹¹, не говоря о сопоставлении различий (в том числе неравенств) и *разделений* (обособлений, генерируемых дифференциацией вплоть до фрагментации, т.е. распада целостности).

В заключение отметим, что одна наша аксиома (идея архетипа) исходит из видения глобализации как *одного из измерений* человеческого целого – его когерентности, что позволяет не растворять глобализацию в «контекстах» (и понятиях) всемирной истории, цивилизации и человечества, опасность чего отметили критики (А. Вебер). Само же целое (или бытие/сознание/деятельность человечества как целого) в нашем тексте основано на видении *Целого как Многого*, а не на традиционно теоретико-множественном подходе, когда Многое мыслится как Целое¹². Понятие же архетипа, предложенное в тексте, отлично от его трактовки отечественными культурологами в духе К. Юнга (как характеристика ментально-психологического порядка) и близка понятию так называемой потенциальной формы (А. Гурвич), которое постулирует на материалах биологии развитие как реализацию этой «формы», как движение, заданное не начальными условиями, но конечной целью¹³, то есть реализацией человечества как реально-связанной целостности в «дополнении» к его же бытию как целого с общими признаками и качествами. Эта концепция выводит теорию глобализации к идее мировой гармонии, которая, как мы считаем, полезна для этой отрасли знания, хотя и признаем – звучит ныне достаточно утопично. В пользу этой идеи говорит и то, что она стимулирует параллелизм изучения развития мира и его научного познания, а в нашем случае – параллелизм между глобализацией и глобалистикой.

Базовые категории и ключевые понятия

• *Глобальная общность человечества* (человечество как глобальная общность) – бытие, сознание и деятельность человечества, выступающего в виде общности (совокупности), ядро которой конституировано соотносительностью трех «начал» (социальное, природное, субъектно-деятельностное).

• *Глобальность* – особый параметр ядра – неразделимость его «начал» (в отличие от двух других измерений того же ядра – неслиянности и единства «начал»); характеризует ядро не как целое, но отдельный аспект целого – его связанность или когерентность ядра (что шире социальной целостности по Э. Азроянцу, Н. Косолапову).

• *Глобальность, архетип* – всеобщая связь неоднородных начал в нерасчлененном (синкретическом) единстве начал, связей и отношений, различий и неравенств. Понятие «архетип» выражает ту общность, которую культурологи и религиоведы определяют как «некий общий дух», свойственный изначально мировым религиям, но определяет не «технологически», а «энергетически». Оно так же указывает на то, что глобальность есть – изначально (абсолютное) свойство человечества (и человека). Однако оно – и это важно отметить – есть лишь одно из ряда базовых свойств (неслиянность, единство) и поэтому не тождественно ни нашему ядру, ни «первородному» состоянию «общественного сознания» (как оценивает «первородность» Э. Азроянц)¹⁴.

• *Глобальность/структура* – совокупность архетипа (инварианта), связей, отношений, субъекта и исторических форм реализации архетипа.

• *Глобальность//процесс* – развертывание архетипа глобальности в исторические формы его реализации, выражающиеся в углублении взаимосвязей компонентов человечества и выработке всеобщих свойств и норм поведения; распадается на две большие эпохи – планетарную и вселенскую.

• *Глобальность//субъект* – человечество в бытии и сознании «совокупностей», групп и индивидов, реализующих субъектно-деятельностное начало ядра и выступающий в историческом разнообразии агентов и акторов.

• *Глобальные различия* – заданные архетипом и генерированные процессом глобализации отношения множественности и разнообразия; выступают в трех исторических типах как различия архетипические, исторические и постисторические.

• *Различия дифференциации* – порожденные разделением, обособлением и диверсификацией различных компонентов челове-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

ства с их особыми идентичностями; спутник и коррелят глобальных различий (не путать с фрагментацией, то есть с распадом общности, а не ее воспроизводством через дифференциацию).

- *Глобальные различия как процесс* умножения разнообразий и усиления различий, имеющий криволинейную траекторию, порождающий ситуации недостаточности и избыточности различий.

- *Глобальные различия, классификация*: типы (в ходе развертывания процесса глобализации); формы (при воспроизводстве глобальности как структуры); виды (по балансу отношений субъект – структура); классы (в отношениях социума и природы); варианты (в процессе развития глобализации); пространственно-временные конфигурации. (Оставляя на операциональном уровне различия по масштабам, глубине и участникам глобализации).

- *Глобальные различия, избыточность*: ситуация, возникающая при смене исторического типа – постисторическим типом различий и порожденная возрождением архетипа, воздействием различий в ходе дифференциации и усложнением отношений социум-природа.

- *Глобальные различия, дисфункциональность*: предельный случай избыточности, становящейся дисфункциональной для глобальной общности человечества, что делает необходимым регулирование и управление процессом глобализации.

Примечания

¹ См. об этом: Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001.

² Slater D. Challenging Western Visions of the Global: The Geopolitics of Theory South and North Relations // The European Journal of Development Research. 1995. Vol. 7 № 2.

³ Thernborn G. Globalization: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology 2000. Vol. 15. № 2. P. 151-179.

⁴ Юдин Э.Г. Системный подход и принципы деятельности. М., 1978. С. 44.

⁵ Яковец Ю.В. Интегрализм – ядро парадигмы обществоведения XXI века // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: Альтернативы на XXI век. М., 2001. С. 180-196.

⁶ Азроянц Э.А. Глобализация как процесс. // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара. Выпуск пятый. М., 2001. С. 4-44.

⁷ Болгов В.И. Космопланетарная, энергоинформационная социология и новые формы жизни // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада. С. 281-289.

⁸ Поболь О.Н. Развитие структуры управления техносферой в условиях становления ноосферно-экологической цивилизации // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада. С. 375-382.

Различия и разнообразие в процессе глобализации

- ⁹ Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм, выживание // Путь. 1992. № 1. С. 62-108.
- ¹⁰ Чешков М.А. Глобализация: контуры рамочной концепции // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара. Выпуск шестой. М., 2001. С. 4-31.
- ¹¹ Чешков М.А. Глобалистика как новое научное направление // Науковедение. 2001. № 1. С. 123-134.
- ¹² Шрейдер Ю.А. Единство и взаимодействие общественных и естественных наук // Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. М., 1981. С. 69-85.
- ¹³ Там же. С. 149, 154, 159.
- ¹⁴ Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара. Выпуск шестой. С. 127.

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

*Глобализация – на первый взгляд нечто громадное,
внешнее, что надвигается и в конце концов
подавляет все остальное.*

У. Бек¹

Преамбула

Чтобы избежать или, по меньшей мере, свести к минимуму неясности в наших дальнейших рассуждениях относительно глобалистики, изложим вкратце схему и последовательность основных принимаемых здесь положений.

Чтобы понять феномены глобальности, надо уяснить их сущность. А выявить таковую можно, опираясь не просто на научное знание об этих феноменах, но на такое научное знание, которое определяет свой предмет, метод, предпосылки и обладает определенным статусом. То есть это научное знание, организованное в виде особого направления или области – глобалистики. Чтобы выработать такое знание, необходимо отчленить научное понимание феноменов глобализации от общественного сознания в его различных идеологических видах, *вычленив* это знание из круга предельно общих понятий и «контекстуальной» трактовки. Для осуществления этих двух операций необходимо сфокусировать глобалистику, закрепив тем самым ее дисциплинарные атрибуты. Если операции по отчленению/вычленению создают условия, необходимые для становления глобалистики, то «фокусировка» обеспечивает внутреннее самоопределение глобалистики, в то время как демаркация от различных подходов, концепций и дисциплин составляет, так сказать, внешнее самоопределение глобалистики. Основная наша задача заключается в том, чтобы реализовать внутреннее самоопределение. Поэтому наш текст рассчитан на узкий круг специалистов, на любителей теоретических технологий.

Постановка в центр доклада проблемы самоопределения глобалистики мотивируется тем, что этой зарождающейся отрасли социально-гуманитарного научного знания угрожают следующие опасности:

– *растворение* этого знания в предельно общих теоретических понятиях, характеризующих человечество, цивилизацию, историю, Вселенную;

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

- сужение предметного поля до узкодисциплинарных рамок и ограничение проблемами последних десятилетий XX века;
- растущий *разрыв* между теоретическими обобщениями и изучением эмпирических данных;
- *проблематичность* (или даже неясность) в понимании соотношения субъекта и структуры.

Решающим шагом в преодолении этих опасностей предстает выработка системы понятий и перевод этой логики в логику исторической реальности. Опираясь на работы по категоризации научного знания о глобализации (Р. Робертсон, У. Бек), мы предлагаем схему, которая включает три вида знания (философское, общенаучное, частнонаучное), строя ее иерархически по ряду ступеней, отличающихся силой абстракции и предметом. *Основное понятие – глобальность* – определяется двояко: при входе (неразделимость основных параметров человеческого бытия, сознания, деятельности) и на «выходе» (баланс механизмов, работающих на соединение и разделение в процессе эволюции человечества). Эти два определения сущности глобальности опосредованы рядом категорий, важнейшей из которых предстает категория архетип глобальности, понимаемая как всеобщая связь неоднородностей. Данная категория разворачивается через конкретизирующие понятия, призванные характеризовать основные параметры глобальности (инвариант, необратимость, вариабельность) и их исторические формы (типы, конфигурации, формы).

На основе подобной схемы глобалистика получает свой предмет (баланс механизмов, сочленяющих и расчленяющих человечество) и свой идеальный первичный объект (архетип), а в качестве референта представление не о человечестве в целом, но лишь об одном, хотя и фундаментальном измерении его эволюции. Такое понимание глобалистики позволяет вычленить эту отрасль научного знания из совокупности самых общих представлений о человечестве, цивилизации и истории и тем самым взвешенно оценить природу так называемых глобальных «вызовов», а значит, и способствовать выработке адекватных ответов на эти «вызовы» и «риски». Наконец, с точки зрения интересов человечества, фокусировка знания ориентирует общественное сознание на выработку стратегии оптимального – порядка, то есть стратегии, совмещающей центробежные и центростремительные тенденции развития и трансформации современного человечества. Такова в целом схема наших рассуждений, нацеленных скорее на то, чтобы *конструировать* глобалистику, нежели «открыть» новое в ее связях с реальностью, чтобы *переломить, чем продолжить* сложившуюся ее структуру и тип эволюции.

*Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»***Введение: глобальность во всё и всё – глобальность**

На рубеже второго и третьего тысячелетий человечество оказалось в таком состоянии, где его буквально раздирают противоположные по направленности процессы – движение к целостности и общности, с одной стороны, и образование независимых и самодостаточных «миров», своего рода диссипативных структур (И. Пригожин) разных порядков и масштабов – с другой.

Причины этого уникального сочетания несочетаемого, совмещения несовместимого кажутся настолько глубокими, что дают основание полагать об «отходе человечества от предшествующей траектории его развития» и искать причину такого «отхода» в приближении цивилизации к пределам ее развития. Фундаментальную роль в создании такой ситуации играют процессы, структуры и институты, которые получили название глобальных, а сам этот термин превратился в знак, обобщающий символ (Г. Дилигенский) или код современного бытия человечества, созданный, по существу, усилиями масс-медиа всех видов. Именно в этом качестве термин глобальность и различные производные от него прочно вошли как в элитарное, так и массовое сознание, сознание научное и обыденное, конвенциональное и критическое, далеко оставив за собой термин постмодернизм, модный в 1980-х годах в интеллектуально-научных кругах и соперничая разве с термином виртуальность.

В этом всеобщем восприятии (и даже скорее ощущении) глобальность по существу отождествляется с современным бытием и сознанием так, что глобализация есть всё и всё есть глобализация. Став знаком/кодом современного бытия человечества, термин глобализация в общественном сознании как идеализируется, так и демонизируется, а это дуалистическое восприятие становится имманентным свойством современного мирознания, то есть сознания, предмет которого есть само человечество.

Превращение «глобальности» из термина в знак бытия человечества в его полярных тенденциях требует объяснения. Причины такого тотального значения данного термина надо искать, видимо, в глубине, масштабности и особенно – новизне феноменов глобализации, а также в неготовности общественного сознания понять природу этих феноменов в силу его (сознания) ограниченности рамками прежних единиц – государств, наций, культур. К этим причинам надо отнести и тот факт, что с углублением мировых неравенств глобальность становится девизом мирового протестного сознания и новой картой леворадикального сознания, будь то его марксистская разновидность (т.н. глобальный истмат) или разновид-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

ность экологическая, их ответом на неолиберальную модель мира. Оба эти вида радикального восприятия глобальности имеют свои корни, но они – в резонанс идеям почвенническим и партикуляристским – артикулируются по отношению к видению конвенциональному: так, глобальность как воплощение Зла противопоставляется отождествлению глобализации если не с Добром, то с Прогрессом². В постсоветской России, да и во всех незападных мирах, есть свои социально-психологические основания для подобного тотального или тотализирующего восприятия глобализации, которые заключаются в необходимости самоутверждения и самоидентификации по отношению к этому внешнему Злу.

Глобальность в современном мирознании выглядит тотальным и в этом смысле – простым феноменом для мышления, привыкшего к восприятию мира через нерасчлененные понятия и склонного к абсолютизации противоречий. И если такое представление не кажется удивительным в современном сверхсложном мире, то поражает другое, а именно: насколько к подобному восприятию глобальности склонно научное сознание. Таковое видит глобализацию или как тотальный феномен, тождественный бытию и сознанию человечества современной эпохи, или, по меньшей мере, рассматривает феномены глобальности как призму, через которую преломляется все важнейшие тенденции и закономерности общественного развития. Говоря кратко: глобальность растворяется в «контексте» этой постмодернистской позиции. Поэтому дискуссии по глобализации дают больше преимуществ общей социальной теории, нежели собственно глобалистике как особой ветви научного знания. Правда, традиции позитивизма вообще и неклассической науки в частности не дают зарубежному научному сознанию «заменить» глобализацией весь мир человеческого бытия; зато эту замену явно пытается осуществить российская научная мысль. Приклеивая «лейбл» глобальности ко всем параметрам современного миробытия, отождествляя мировое и глобальное, мы тем самым делаем понятие «глобальность» или излишним, или превращаем его из понятия в термин или знак (как это происходит в массовом сознании). Такое понимание глобальности, к сожалению, закрепляется и организационно, когда, например, Совет по глобальным проблемам XXI века должен заниматься (судя по его названию) проблемами геоэкономики и цивилизации. Поэтому вполне обосновано утверждать, что восприятия глобальности общественным и научным сознанием если не тождественны, то, взаимоналагаясь, взаимоусиливаясь и резонируя, работают в одном режиме. Ситуация такого резонанса угрожает конституированию глобалистики как специальной отрасли научного знания со своим предметом, методом и прочими атрибутами орга-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

низованной науки. Едва родившись, глобалистика рискует быть поглощенной этими волнами, из которых она вряд ли выйдет новой Афродитой. Если воздействие общественного сознания с его поляризацией моделей мироцелостности еще может быть ограничено в этих отрицательных для глобалистики последствиях, то растворение глобалистики в сфере предельно общих понятий и в широком – соответствующим им – онтологическом контексте куда более опасно. Здесь мы сталкиваемся с ловушкой: чтобы отчленив научное видение глобальности от общественного сознания, необходимо выработать ее концепцию, а чтобы выработать эту концепцию, необходимо отделение этого вида знания как научного и от общественного сознания, и от науки, опирающейся на идею «контекста», и от других видов/способов познания.

Выход из этой ловушки может быть только один – самоопределение глобалистики, суть которой заключается не только и не столько в сужении, но точнее – в фокусировке ее предметного поля.

I. Выход из ловушки: необходимые предпосылки

Выход из этой ситуации не только необходим, но и возможен. Глобалистику можно спасти от «растворения», опираясь на заделы, созданные в исследованиях зарубежных и отечественных авторов по глобальным и мировым проблемам³ в рамках культурологических (Р. Робертсон, Д. Кинг), макросоциологических (У. Бек, М. Олбру), экономических (К. Омае, Ж. Адда), политологических (Д. Хелд, Р. Коке) исследований; наконец, на исследования данной проблематики в междисциплинарном контексте (А. Аппадурай, А. Неклесса, Э. Кочетов) и, конечно, на зарождающуюся в изучении этой тематики историографию (работы М. Уотерса, В. Кузнецова, А. Некипелова и др.). Основываясь на этих заделах, можно выделить следующие основные сдвиги в изучении глобальных проблем, которые стимулируют «операции» по отчленению, вычленению и фокусировке наличного научного знания о мировых и глобальных проблемах (ЗМГП). В 1990-е годы становится все более очевидным, что изучение глобальных проблем не может быть ограничено ни отдельными сферами общественных отношений, ни социумом как таковым, ни его отношениями с природной средой, ибо границы между ними расплылись⁴. И теоретические и конкретные исследования, как правило, выходят к общечеловеческой проблематике, воспроизводя исходную идею глобалистики, сформулированную Римским клубом, и тем самым восстанавливая преемственность в этой области знания, нарушенную в 1980-х годах эйфорией

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

экономцентризма⁵. Этот сдвиг (условно) к *антропологизации* глобалистики позитивен для разработки рамочной теории, необходимой для данной области научного знания и, в частности, так называемого интегративного подхода (см. ниже).

Признаем, что данный сдвиг не исключает опасности растворения глобалистики, которая нуждается не только в рамочной теории, но и в четком разделении предметов общей и «своей» специальной теории. В рамках последней также можно отметить сдвиги, которые «работают» на конституирование этой области научного знания. И теоретические, и конкретные исследования все более обращаются к истории глобальных процессов, стремясь найти не только их прецеденты, но и истоки (Б. Ерасов, Г. Померанц, В. Толстых)⁶. Это движение к *историзации* знания о глобальных феноменах плодотворно, ибо позволяет искать историческую, а не только «внутреннюю» логику глобальности, и главное – их взаимосоотнесенность. Отсюда – выход к пониманию глобализации как процесса амбивалентного, противоречивого (Р. Робертсон, У. Бек). Особенно важными кажутся нам попытки снять отождествление глобальности и неравенства, уточнить представление о том, какова «ответственность» глобализации за все виды неравенства. Речь идет о своеобразной реабилитации в этом плане или – говоря привычным языком – о снятии с нее необоснованных обвинений. Тенденция к «разгрузке» понятия «глобальность» и разведение его с проблемой мировых неравенств более проявилась в работах отечественных авторов (Г. Дилигенский)⁷, но и у зарубежных авторов. Так, У. Бек не видит «глобальных опасностей» как таковых, считая, что они перемешаны и нагружены до неузнаваемости иными «вызовами» и конфликтами⁸, а покойный П. Бэрош констатировал, что остается неясной роль глобальных феноменов в генерировании основных «пороков» современного западного общества⁹. В конечном счете, проблема «вклада» глобальности в мировые неравенства заставляет обратить внимание на природу собственно глобальных отношений, а значит, вычленив эти отношения из «контекста»: мыслим ли таковой или как «цивилизация» или «глобальный капитализм» или «мировое (глобальное) общество». Наконец, становление глобалистики, безусловно, стимулируется попытками выработать соответствующий новояз, особенно в сфере коммуникаций, предпринимательства, да и общей теории, в том числе при изучении гибридных феноменов. Эти попытки столь масштабны, что позволили Э. Гидденсу констатировать: живя локальной жизнью, мы говорим на глобальном языке. Все эти усилия позволяют сужать смысл/содержание глобальности, которая предстает как *одно из основных измерений современности*, а не современность в ее тотальности.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Было бы необъективно не замечать и контртенденций, тормозящих формирование глобалистики из всей совокупности знания о глобальных феноменах. Эти тенденции четко видны в сфере методологии, поскольку остается устойчивым и даже усиливается по мере возрождения с начала 1990-х годов так называемой мировой социологии (*international sociology*) социоцентрическое видение мира¹⁰, препятствующего как выработке интегрального подхода, так и становлению глобалистики в виде особой области социально-гуманитарного научного знания. Сторонники социоцентризма по существу сводят глобалистику к разновидности знания социологического, поскольку считают ее центральной проблемой понимание «общества»¹¹. При этом признается, что осознание «общности судьбы» человечества перед лицом глобальных угроз «...делает несущественной разницу между человеком, животным и растением»¹². Из этого можно заключить, что в сферу глобалистики входит проблема не только социума, его структуры и организации, но проблемы гораздо более высокого порядка. Таковые, на наш взгляд, лежат уже вне компетенции социологии (даже т.н. фундаментальной), но в гипотетической, признаем, сфере глобалистики, точнее, ее философского среза. К числу иных препятствий на пути этой рождающейся отрасли научного знания надо отнести абсолютизацию системного подхода и ориентацию на чисто прикладные исследования, связанные с практикой¹³, и попытки лечить ее от абстрактности через конкретные «примеры»¹⁴. Усиливается и междисциплинарный характер знания. И если его развитие в отдельных дисциплинах есть признак прогрессирующего познания, то при отсутствии или, вернее, отставании теоретических и методологических обобщений эта дифференциация перерастает в фрагментацию научного знания, которое тем самым оказывается во власти «ума помраченного – дробного и дробящего» (по выражению Г. Померанца)¹⁵. Хотя стала очевидной необходимость «союза» социальных дисциплин и культурологии, этот «союз» понимается по принципу суммативному или не доводится, на наш взгляд, до построения общего фундамента (или, напротив, крыши)¹⁶.

Однако в целом за последние 30 лет виден определенный вектор сдвига ЗМГФ в сторону глобалистики как особой формы и области этого знания, хотя рост этого знания происходил скорее вширь, чем вглубь, более экстенсивно, чем интенсивно, скорее исторически, нежели системно. В итоге зарождающаяся глобалистика обрела асимметричную структуру, для которой было характерно преобладание теоретических форм среднего уровня абстракции, не имеющих адекватного выхода ни в верхние, ни в нижние этажи этой познавательной структуры. Подобная ситуация, отражая «слабости роста»,

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

характеризуется такой степенью несбалансированности уровней и форм познания, что позволяет говорить о *неустойчивости и даже обратимости* процесса формирования глобалистики. Возможные ее откаты и спады связаны с проблемой преемственности между глобальными/мировыми исследованиями 70-х и 90-х годов прошедшего века. Судить о наличии преемственности или отсутствии таковой можно достаточно обоснованно, если сопоставить некоторые базовые параметры знания о глобализации в крайних точках этого тридцатилетнего интервала. Среди этих параметров выделяются базовые идеи и их комбинации; видение целого; общая мировоззренческая тональность. Базовыми идеями при возникновении исследований глобальных/мировых проблем послужили идеи взаимозависимости, пределов развития и выживания. К концу XX века все эти идеи воспроизводились в знании о глобализации, хотя и в несколько иной комбинации, чем это было в начальный период. Кажется, например, что идея пределов развития, теряя свою актуальность в 80-е годы, вновь ее обретала к концу века; подобным же образом изменялись позиции идеи выживания. В целом можно сказать, что *набор базовых идей* сохранялся, что говорит в пользу преемственности этой новой области научного знания. Более сложным кажется динамика видения мира/человечества: наивный более унифицирующий, чем универсализирующий холизм начала 80-х годов (см. в частности «новое мышление» М. Горбачева) сменяется возрождающимся (!) дуалистическим видением с резко полярными картинками мира – унифицированного и партикуляризованного. Однако полного возврата к поляризованному мировидению все же не произошло: четко видно и рождение третьей картины глоболизирующегося мира, построенной на анализе взаимосвязей и взаимопереходов универсального и локального (акцент на смешанные и гибридные формы¹⁷, феноменах так называемой глокальности, например, в такой отрасли знания, как социальная и культурная антропология, открывающаяся идеям Р. Робертсона и И. Валлерстайна и связанная с ними более активной обратной связью (М. Форт)¹⁸. Судя по этому описанию холистский (целостный) взгляд на (целостный) мир имеет шансы обновиться, а значит, и разрыв преемственности по данному параметру, хотя и вполне реален, но может быть снят эволюцией этой отрасли знания. По третьему параметру разрыв преемственности лишь кажется абсолютным, поскольку наивный оптимизм начала 90-х годов сменился умеренно-пессимистическим взглядом, хотя и в этом случае алармистские и катастрофические мотивы (см. антиглобализм) «симметричны» экологическому алармизму 70-х годов. Преемственность видна и в самой структуре научного знания, в котором, как и ранее, в исходной ситуации остается открытой,

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

став вечной, проблема демаркации мировых и глобальных проблем. За ней лежит еще одна, также «вечная» проблема – сосуществование двух способов мировидения: условно-социоцентрического и также условно – эколого-антропологического. Преемственность этих проблем очевидна, как и очевидно их негативное воздействие на оформление глобалистики. Как видим, преемственность прослеживается – пусть и в разной степени – в эволюции основных параметров, а значит, и то, что называют «переключением гештальта» (Н. Хансен)¹⁹ вряд ли «должно» происходить в изучении глобальных феноменов. Если этот вывод верен, то шансы на перерастание научного знания о мировых и глобальных проблемах (ЗМГП) в глобалистику достаточно велики: для этого есть условия, по меньшей мере, необходимые в сфере так называемой рамочной теории.

II. Основания глобалистики

В качестве таковых мы имеем в виду не философское (предпосылочное) знание и метод, эти атрибуты самостоятельной дисциплины, но важнейшие заделы этой новой отрасли научного знания: различные варианты интегрального подхода и широкий набор – на этой основе – рамочных концепций; первые попытки описать предмет глобалистики в его различных масштабах и, наконец, новые оргформы меж- и наддисциплинарного знания. В этих заделах ключевая роль принадлежит *условно-интегральному* подходу, ибо только такое видение мира/человечества позволяет преодолеть господство сциентизма с его неспособностью видеть проблему в целом (Г. Померанц). Все чаще ученые задаются вопросом: можно ли изучать по отдельности Природу, Человека, Вселенную? И сама постановка подобного вопроса уже содержит в себе – пусть и в неявном виде – выход к интегральному подходу в познании человечества. Таковой утверждается в зарубежной литературе уже ранее (Э. Янч, Д. Бом), а в отечественной лишь ныне, хотя попытки сформулировать его были сделаны и в 70-х (В. Энгельгардт)²⁰, и в конце 80-х годов (А. Неклесса)²¹. Однако эти попытки не получали значительного резонанса, ибо человечество рассматривалось или с позиции социомонизма (устойчивого и поныне), или с позиции эколого-культурного и культур-генетического дуализма (идея коэволюции), или в последние десятилетия – через так называемую плюралистическую парадигму (множественность и разнообразие мира). В настоящее время то, что мы называем здесь «контекстом» глобальности, выступает человечество, которое мыслится как некое целое, определяемое набором взаимодействий разнородных факторов – социальных, культурных, цивили-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

лизационных, природных и др. (Ю. Яковец)²², структурных и духовных констант (Э. Азроянц)²³, или же мыслится в терминах энергетическо-информационных (О. Поболь²⁴, В. Болгов²⁵).

Не вдаваясь в разбор этих теоретических трактовок общечеловеческого контекста, подчеркнем, что глобалистика, особенно отечественная, оказывается в ситуации выбора между различными рамочными концепциями. Осуществляя этот выбор, мы должны руководствоваться как «качеством» рамочных концепций, так и особенно – их «увязкой» с глобалистикой. Поэтому мы и предпочитаем избрать нашу концепцию²⁶, в свете которой человечество мыслится как глобальная общность, имеющая свое неизменное ядро и изменчивые (исторические) формы. Ядро этой общности конституировано не отдельными компонентами или «факторами», но *взаимосоотносительно* трех начал – социального, природного и субъектно-деятельностного, что, очевидно, соответствует синергическому видению мира с его идеей взаимосвязей. Поскольку ядро предстает не только как некое единое целое, но включает как неслиянность, так и нераздельность начал, именно нераздельность и есть сущность того, что мы называем понятием «глобальность». Отсюда возможность связывать глобальность с абсолютными (имманентными) параметрами человечества, а более конкретно – с потребностью в общении и понимании (Г. Шахназаров)²⁷. Преимуществом данной рамочной концепции представляется и то, что она реализует интегративный подход применительно непосредственно к проблеме сущности глобальных феноменов и тем самым (хотя и опосредованно!) к предмету глобалистики. Человечество здесь выступает, правда, как некое целое *вопреки своему нынешнему дезинтегрированному и фрагментированному бытию*. Идея ядра позволяет представить в идеальной форме исходное бытие человечества, вывести логически из него и дальнейшую историческую дифференциацию, и будущую интегрированность. Построение такого «идеала» имеет вектор, *противоположный реальной истории*, но только таким путем, представляется, и можно собрать воедино разъединенные части (человечества. – М.Ч.) в такое единое целое, которое они некогда представляли. Напротив, подобного же видения нельзя достигнуть аддитивным способом, то есть добавляя и соединяя различные аспекты человеческого бытия и сознания – социальные, культурные, экологические. На этом пути мы можем получить – и это самое большее – коллаж или же должны вернуться к исходной оппозиции социомонизма и «антропологического» (эколого-культурологического) дуализма.

Учитывая важность выбора рамочной концепции, мы должны остановиться на критике в адрес предложенного здесь ее варианта. Вкратце эта критика (особенно у Ю. Шишкова) заключается в сле-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

дующем²⁸: преувеличена системность глобальной общности; в ядре отсутствуют специфические «человеческие» качества, а методология данной концепции ничем не отличается от известной теологической конструкции. Первое замечание основано, видимо, на недоразумении, ибо в нашей концепции глобальная общность изменяет свою оргформу, идя от синкретизма к системности и далее – к интегрированности; в итоге *системность выглядит лишь одной из исторических оргформ* ядра глобальной общности. Второе замечание снимается, на наш взгляд, тем, что субъектно-деятельностное начало ядра как раз и включает такие качества, как способность к целеполаганию и к творчеству, что отличает человека от некоторых видов социальных особей живого мира. Что же касается третьего замечания, то оно более обосновано, но должно быть отвергнуто: методология троичного устройства ядра есть не только специфически теологическая конструкция, но *общий способ моделирования* человека, присущий и светскому, и теологическому знанию. Недаром ряд современных ученых используют в своей деятельности подобный метод. Заметим, что таковой полезен тем, что делает возможным диалог между светским (научным) и теологическим (в том числе экуменическим) сознанием, диалог, который просто невозможен при отсутствии такого общего подхода.

Предлагаемая рамочная концепция полезна, как уже отмечалось выше, постольку, поскольку дает *непосредственное основание* для понятия «глобальность». Напомним, что сущность его – в принципе неразделимости трех начал, то есть в одном из трех измерений ядра, наряду с его неслиянностью и единством. Принцип же неслиянности выводит нас к идее дифференциации и тем самым к пониманию предмета глобалистики в его двух версиях (см. ниже). Подчеркнем, что представление о предмете есть важнейший, можно сказать, базовый атрибут этой (и любой иной) области научного знания. В ходе работ нашего междисциплинарного семинара в предметном поле глобалистики были обозначены три пласта, последний из которых мы оставляем в стороне, поскольку речь идет о рамочной концепции глобальной общности.

В первом пласте дается определение предмета глобалистики как совокупности процессов взаимовлияний, взаимодействий, взаимовстроенности и взаимонеобходимости, имеющих место между различными компонентами человечества как некоей целостности, заданных архетипом и определяемых структурой глобальности, а также механизмов и форм сближения, кооперации и конвергенции свойств этих компонентов и их преобразований во всеобщие качества образа или стиля жизни. Это определение предмета требует уточнения. *Во-первых*, в процессы взаимодействия и пр. необхо-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

димом включать отношения человека с природной средой обитания, а если говорить шире, то и со Вселенной, что здесь не рассматривается, ибо входит в компетенцию так называемых планетарных наук. *Во-вторых*, среди компонентов человечество необходимо специально выделить и подчеркнуть индивида как критически важнейшую единицу социальности и человечества вообще. *В-третьих*, компоненты должно трактовать и как структуры и как субъекты. *В-четвертых*, говоря о различных процессах взаимодействия и пр., надо акцентировать не только их масштаб (всемирность), но *всеобщность* связей и процессов, то есть тех, в которые выражается глубинная близость всех участников этих процессов и связей, близость, основанная на принципе «всё во всём». При этом остался открытым вопрос, насколько такие связи формируют не только всеобщие качества образа/стиля жизни, но и нечто большее – всечеловеческую идентичность. Во всяком случае, усиление взаимосвязей (даже в их всеобщности) далеко не тождественно созданию такой идентичности, судя по тому, что и всеобщность связей вполне коррелируется с выработкой различных идентичностей, соотносимых по принципу соседств²⁹. Расхождение экономистов и культурологов в этом плане симптоматичны: если первые констатируют гомогенизацию мира, то вторые акцентируют его же гетерогенизацию. Решение этой дилеммы вряд ли удовлетворительно по формуле эклектической (и ... и) и даже антиномии (и X, и не X). Заметим, что при любом решении мир выглядит не единым, но единичным (*openesse*). Скорее подходит другое решение: гомогенизация норм соотносимости (связи, поведения) и гетерогенизация соотносимых идентичностей, или короче говоря, гомогенизация в одном отношении и гетерогенизация – в другом. *В-пятых*, терминологически и по существу имеет смысл говорить о том, что объект глобалистики есть не человечество как целое («род»), но есть особое измерение этого целого – его когерентность, связанность, что мы и обозначаем термином целостность, отличая таковой от понятия целого (целостность как особый параметр целого-единичного). Отсюда следует, что проблемное поле глобалистики есть отношение частей друг к другу или к их связанности – и лишь через нее – к целому.

Последнее уточнение и означает то сужение предмета глобалистики, к чему мы стремились, разбирая выше беды этой отрасли знания, буквально утопающей в океане современного общественно-миросознания и воздействий такового на научное познание. Остается сделать еще один шаг, важный в плане определения предмета глобалистики. Мы имеем в виду, что прежнее определение в своем втором пласте адресовано к совокупности процессов расчленения, отпочкования и разделения компонентов глобальной общно-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

сти через механизмы дифференциации и дивергенции, вырабатывающих особые и единичные свойства этих компонентов. Если в первом определении предмета глобальность видится как механизм, *соединяющий*, то во втором определении речь идет о механизмах, *отделяющих и различающих*. В первом случае – о механизмах конвергенции (интеграции? унификации?) и свойствах всеобщности, а во втором – о механизмах различения и свойствах особенных; или говоря очень коротко, оба механизма адресованы соответственно двум линиям эволюции – конвергентной и дивергентной. Можно ли объединить эти две линии эволюции в одном представлении о предмете глобалистики (как это сделано в данном случае)? На наш взгляд, такое толкование предмета может быть обосновано, если сформулировать некое общее понятие, покрывающее эти два очевидно различных определения, и именно такая попытка необходима для фокусировки глобалистики.

Наконец, третий задел в поступательном движении знания о глобальности мы видим в новой форме или способе организации научного знания, который особенно проявился в междисциплинарных областях, называемых термином геэкономика. Такая область включает различные дисциплины, весьма слабо связанные друг с другом, но объединяемые неким общим стержнем, что и делает эту область не просто междисциплинарной, но междисциплинарной (см. подробнее о ней в характеристике перспектив в Заключении).

В целом ситуация в знании о феноменах глобализации такова, что становление собственно глобалистики кажется весьма проблематичным, хотя и возможным. Чтобы стимулировать такую трансформацию, необходимы разные способы построения научного знания – и через открытие новых реальностей усилиями этого познания, и путем изобретения, *конструирования новой и особой разновидности* этого же научного знания. Идя путем не открытия, но изобретения, мы сталкиваемся с тремя группами проблем, которые организуются вокруг самоопределения глобалистики в трех ее измерениях – внутреннем, внешнем и организационно-дисциплинарном. Невозможно идти по всем трем направлениям одновременно, поэтому мы сконцентрируем внимание на первом. Здесь пойдет речь о таких проблемах внутреннего самоопределения глобалистики, как разработка *системы категорий*, сопоставление этой – системной – логики с *логикой исторической*, соотношение двух видений предмета глобалистики, а также на других проблемах этого порядка (идеальный первичный объект, предельная проблема и др.). Проблемы же внешнего самоопределения, то есть соотношение понятий и категорий глобалистики с предельно общими понятиями (человечество, цивилизация, история), концепциями общего по-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

рядка (модернизация, развитие) и смежными понятиями (интернационализация, интеграция) будут рассмотрены в целом. В последнем, третьем разделе речь идет о том, как можно использовать новую, «гроздеподобную» оргформу научного знания для организации нашей области исследований в контексте нарождающейся новой «исторической формации науки».

III. Внутреннее самоопределение

Решающим, критическим моментом такого самоопределения предстает выработка базовых и исходных понятий и основных категорий, их построение в целостную иерархически соподчиненную систему на принципах формальной логики. В принципе данная система должна разворачиваться и по вертикали (иерархия), и по горизонтали. Вторая ось служит для того, чтобы развернуть логику понятий в логику историческую, для чего придется выйти за рамки собственно глобальности и рассматривать ее динамику по историческим типам глобальной общности (см. нашу рамочную теорию). Здесь мы ограничиваемся, как правило, вертикалью, которая также включает и уровень, близкий к исторической реальности.

1. Построение системы категорий

Ее построение начинается с работ нулевого цикла (или блок А), где очерчивается круг тех предельно общих понятий, которые необходимы для построения категориального аппарата глобалистики. Этот круг невелик, включая идею человечества как целого и идею общения как выражения «витальной потребности» (В. Гинзбург) человечества и человека. Эти две идеи выполняют несколько функций, выступая как принцип философского и общенаучного знания, как принцип, конституирующий конкретно-научное знание о коммуникациях. В такой многофункциональности этих идей нет ничего эклектического, если его фиксировать выделенные выше функциональные различия. Нагрузка же идей нулевого цикла такова, что позволяет соединить философское представление о коммуникациях («всё во всём») с исследованием проблемы коммуникативности в различных дисциплинах конкретно-научного порядка. Отметим также, что на этом уровне уже намечено соподчинение идей – от человечества к его определенной фундаментальной потребности.

Идея общения позволяет перейти от нулевого блока (А) к фундаментальному (Б) без логического разрыва между ними. На первом уровне фундаментального блока должно располагаться предельно

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

общее для этой области понятие, скорее исходное, чем базовое, которое раскрывается через ряд категорий на последующих уровнях того же цикла. Представляется, что в такой роли выступает глобальность вообще, терминологическое обозначение которого распространено в зарубежной литературе (*globalité, globality*) и которое почти не практикуется в литературе отечественной, предпочитающей оперировать понятием глобализация, что точнее адресовать только процессу. Содержание этого понятия задано нашей рамочной концепцией, а точнее – описанием ядра глобальной общности в его трех измерениях. Понятие «глобальность» адресовано (еще раз уточним) лишь одному из них – нераздельности или неделимости. Такое содержание исходного понятия вполне вытекает из принятого толкования объекта глобалистики как целостности, но не целого.

Излагаемая ниже схема отличается от системы понятий, предложенной У. Беком, в которой намечена такая иерархия: глобализация (процесс) – глокальные формы ее проявления – глобальность (структура или мировое общество)³⁰. Эта иерархичность – хотя ее принцип возрастающего приближения к эмпирике продуктивен – кажется в ряде пунктов спорной. Во-первых, анализ структуры скорее должен предшествовать пониманию процесса и, во-вторых, конкретные формы (глобальность) точнее располагать на нижнем, наиболее близком к эмпирике, уровне знаний. В нашей же схеме предлагается исходное понятие, располагающееся на высшем уровне абстракции (глобальность), которое разворачивается в характеристиках архетипа; структуры и процесса (средний уровень) и конкретизируется в исторических типах и формах (нижний уровень). Что касается глокальности, то это понятие, может быть, имеет смысл разворачивать и на втором, и третьем уровнях нашей схемы. Заметим, что попытки систематизации теоретического знания в этой области пока единичны, что само по себе есть и симптом определенного уровня зрелости глобалистики, и, возможно, результат столкновения разных способов и стилей теоретизирования в ситуации отсутствия не только консенсуса, но и самого принципа парадигмальности в научном знании. В некоторых политологических построениях применяется, правда, иной принцип иерархичности – от эмпирики к абстракции (М. Ильин), что кажется менее продуктивным.

Исходное (по последовательности) понятие «глобальность» (неделимость) разворачивается категориально по ряду последовательных уровней, отличающихся по степени абстракции: убывающей и соответственно возрастающей конкретности и по предмету. Решающее значение при разделении уровней имеет параметр степени абстракции так, что на одном уровне могут располагаться категории, имеющие одну и ту же «силу», но разные предметы. Таким обра-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

зом, членение в нулевом блоке (А) лишь обозначено, а фундаментальный блок (В) разделен на три уровня: исходное понятие глобальность (первый уровень) раскрывается в категориях, характеризующих отдельные параметры глобальности – архетип, структуру, процесс, субъекта (второй уровень); на последнем, третьем уровне выделенные категории разворачиваются в логике исторической.

В этом пункте построения нашей схемы возникает сомнение: не возвращаемся ли мы к универсальным системным построениям классической или в лучшем случае – неклассической науки, ко временам Гегеля, Маркса, Вебера? На наш взгляд, в той мере, насколько современная постнеклассическая наука сохраняет преемственность с предшествующими «формациями науки» (по В. Степину)³¹, настолько такие схемы построения приемлемы, хотя лишены претензий на абсолютность или «Истину». Более того: они необходимы, ибо без них – наряду с другими средствами – нет возможности раскрыть сущность глобальности, не возвращаясь на позиции эссенциализма. В арсенале, правда, остается образ (глобальности), но и его должно перевести в понятие.

Итак, пройдя блок А, мы начали блок В с определения исходного понятия (глобальность) – на первом его уровне и переходим ко второму уровню того же блока В. Этот уровень имеет кардинальное значение, но все же он был бы невозможен без формулировки исходного понятия. На втором уровне этого блока мы должны конкретизировать понятие глобальность, для чего и вводится специальная категория «архетип» (глобальности), суть которой – *всеобщая связь неоднородностей* или разнородностей (см. ядро в неслиянности его начал). Эта категория покрывает основные параметры глобальности, рассматриваемые на последующих уровнях того же блока. Термин архетип, вводимый здесь, используется как понятие в различных социально-гуманитарных науках, но с иным содержанием – культурно-психологическом (в духе К. Юнга) или культурно-ментальном. Здесь же эта категория в соответствии с интегральным подходом, принятом при разворачивании рамочной концепции, и характеристикой ядра глобальной общности, получает интегральную или (условно) антропологическую нагрузку. Иными словами, архетип глобальности содержит в себе все составные ядра общности – начала социальное, природное, субъектно-деятельностное. На наш взгляд, эта категория не является избыточной, ибо выполняет вполне определенную функцию, опосредуя понятие «глобальность» и анализ отдельных параметров той же глобальности – структуры, процесса, субъекта и их исторических форм. Выполняя такую роль, она имеет и собственное содержание, что и не дает оснований для применения здесь бритвы Оккама.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Отметим отсутствие аналогичного звена в системе категорий, раскрывающих марксистское понятие общественно-экономической формации, что препятствовало логическому развертыванию этого понятия в пятичленную цепочку. Впрочем в ней не хватало и аналога нашего корневого понятия – глобальности, понятия «формационность» просто не существовало в этой марксистской логике. Таким образом, теория формации не имела ни высшего уровня, ни последующего, что сводило понятие «формация» непосредственно к конкретно-исторической реальности. Мы упоминаем эту марксистскую теорию для того, чтобы извлечь методологические и гносеологические уроки для осмысления проблем глобальности. Как станет ясно ниже, полезным оказывается аналогия с некоторыми ключевыми понятиями марксистской политэкономии.

Полезность категории архетип глобальности видится и в том, что она содержит в себе возможность постановки вопроса о двух или одном предмете глобалистики: «всеобщность связей» соответствует первому видению предмета, а указание на ее компоненты (связуемые «неоднородности») выводит ко второму определению. В нашей категории «архетип» есть место для ее применения к обоим предметам, взятым вместе, но процедура такого применения требует еще одного уточнения. Дело в том, что сама данная категория как потенциально двойственная по содержанию (обе ипостаси ядра) должна быть и реализована, развернута. Если в своем первоначальном виде она выступает как *нерасчлененность* принципов нераздельности и неслиянности (или потенциальная их разделенность) структуры (связей/отношений), структуры и субъекта, то в своем *расчленном* виде предполагает разделение как обеих ипостасей ядра, так и субъекта и структуры и внутри таковой, то есть связей и отношений. Подобное дробление архетипа на две ступени не избыточно, но полезно для того, чтобы выделить в этой категории то звено, которое выводит теорию к характеристике уже расчлененных параметров глобальности – к структуре, процессу, субъекту. Тем самым мы переходим на следующий, третий уровень того же блока Б.

Итак, логическая цепочка, раскрывающая исходное понятие «глобальность», идет через категорию архетип и выходит к характеристике структуры как совокупности расчлененных или, точнее, расчленяемых (процесс!) отношений и связей. Для разделения категорий «структура» и «архетип» необходимо ввести категорию *инвариантности*: структура становится инвариантной, когда расчленение ее компонентов приобретает необратимый характер. Вступая на третий уровень блока Б, теоретическая мысль сталкивается с методологической задачей: в какой логической последовательности строить представление (и соответствующие категории) относительно структуры,

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

процесса, субъекта глобальности? И в первую очередь: как соподчинить представления о субъекте, с одной стороны, и структуре/процессе – с другой? Решение этой логической задачи задается мировоззренческими установками, сторонники которых рассматривают эту пару через призму их первичности и вторичности или же – в порядке реакции на эти позиции – признавая их равноположенность.

Есть еще один подход, где постулируется подвижность, изменчивость соотношения первичного и вторичного в процессе эволюции человеческого общества. Например, от первичности субъекта – к первичности структуры/процесса и опять – к первичности субъекта. Возможна и другая трактовка такой позиции, когда логическая цепочка начинается с первичности структуры и т.д. Не будем обсуждать преимущества и недостатки этих позиций и предположим, исходя из категории «архетип», что структура, субъект, процесс *разворачиваются одновременно*. Отсюда следует, что данные параметры и «их» категории имеют разные предметы, но общий уровень абстракции.

Связуя этот уровень с предшествующим, мы должны, рассматривая архетип уже в его расчлененном, дифференцированном виде, ввести отдельные категории, выражающие развертывание архетипа в этих трех измерениях. Поскольку параметры структуры и процесса тесно связаны, постольку имеет смысл рассматривать их вместе – по отношению к категории архетип и после этого обратиться к субъекту. Нетождественность логического и конкретно-исторического бытия глобальности, как и нетождественность таковой феномену мирового (глобального) капитализма, предполагает, что данная содержательная форма реализации структуры глобальности подлежит рассмотрению на следующей, четвертой ступени в ряду исторических феноменов. Однако, чтобы признать обоснованность такого перемещения (или понижения), надо видеть в капитализме нечто большее, чем его предметно-историческое бытие, то большее, что подлежит анализу здесь, на третьем уровне. Такое расчленение капитализма на его историческое и логическое бытие расходится с позицией И. Валлерстайна, ликвидирующего второе за счет первого. Однако данная операция тем более необходима на нынешнем этапе эволюции глобальности, когда не только трансформируется капитализм, но и становится проблематичным понятие «способ производства» (материальных благ). Так, структура глобальности предстает как всеобщая связь, то есть такая связь, которая не только опосредует, но интериоризируется в компонентах становящейся глобальной общности и, обуславливая таковые, делает воспроизводство компонент производными от воспроизводства и целостности (глобальность вообще), и целого (глобальная

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

общность). Изменяется и характер и связей этого рода, их масштаб (расширяющийся), вектор движения и ритм (сужение – расширение; подъем – спад) и, конечно, их же (связей) собственная структура. Из совокупности простых, неустойчивых (воздействия, влияния) и спорадических связей, она трансформируется в структуру, построенную на принципах линейности, иерархичности и жесткой поляризации: сначала в локально-региональных, а затем и мировых масштабах, что и закрепляется ее дифференциацией уже не только по оси Запад-Восток, но Север-Юг (или Центр – Периферия). На нынешнем этапе эволюции глобальности ее структура преобразуется качественно, представляя совокупность сетей, потоков, сетей потоков, построенных или по принципу мягкой иерархичности, или неиерархичности и нецентрованности (см. блуждающие инвестиционные воспроизводственные ядра Э. Кочетова)³². В целом оргтип связей, присущих глобальной общности, проделывает эволюцию от синкрета к системности и, возможно, к совокупности неопределенных множеств, особенно с ходом информреволюции, создающей новый вид структуры глобальности – виртуальный, параллельный реальному и не менее реальный, где «организация» уступает место «потокам»³³. Эта эволюция есть эволюция восходящего усложнения и роста различий в самих связях, хотя этот процесс носит не линейный, но криволинейный характер, судя по тому, что различия в структуре связей сначала возрастают, потом резко до минимума падают и затем возрастают вновь.

Одновременно в структуре расчлняются связи и отношения; в первую очередь имеются в виду отношения неравенства и отношения различий³⁴. Связи и отношения в структуре глобальности соотносятся примерно так, как в марксистской терминологии соотнесены производительные силы и производственные отношения. Можно сказать, что связи образуют и скелет, и кровеносную систему для «мяса» отношений, складывающихся по поводу (объект) этих связей.

Это сравнение демонстрирует, что связи нельзя оценивать ни как нейтральные, безразличные к отношениям, с одной стороны, так и ошибочно переносить характеристики отношений на собственно связи – с другой. Эта последняя позиция, свойственная и современным, так называемым, антиглобалистским движениям и их предшественникам – луддитам, напоминает также реакцию пореформенного русского крестьянства на «чугунку» или фабричного рабочего на «завод желтоглазище» или реакцию мигранта и провинциала на «город желтого дьявола».

Глобальные отношения как особый компонент структуры (глобальности) в этом качестве отличны от отношений «контекста» примерно так, как колониальные отношения отличались от отно-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

шений капиталистического индустриального общества и неокло-
нальные – от отношений индустриального капитализма, транс-
формирующегося в постиндустриализм и посткапитализм. Эти от-
ношения строятся как отношения не только различий (участников,
их идентичностей), но и неравенства тех же участников межсубъ-
ектной связи (см. неоднородности в архетипе). В этом качестве они
не только дифференцируют структуру и агентов, но также их свя-
зуют, соотносят, делают взаимообусловленными и тем самым ока-
зывают двойственное воздействие на межсубъектные связи. Коро-
че, они играют роль допинга, стимулируя и плюсы («вызовы»), и
минусы («риски» и «угрозы»), и, безусловно, придают хрупкость
всем отношениям «контекста». Таким образом, эти отношения ме-
няют и характер связей, лишая их «нейтральности», или чисто пе-
редаточной, узко-коммуникативной функции. По аналогии со
средствами транспорта и коммуникаций глобальные отношения
обретают различный характер в зависимости от их субъекта (транс-
национальные; мировые агенты).

Эволюцию структурного параметра, как и развертывание пара-
метра процесса, можно в какой-то мере категоризировать, вводя
представления инвариантности (структуры) и необратимости (про-
цесса). Структура инвариантна (или есть инвариант) в той мере, в ка-
кой ее связи обретают всеобщий характер – как в плане масштаба,
так и воздействия на ее компоненты. Став инвариантом, та же стру-
ктура – уже в виде процесса – обретает качество необратимости. Та-
кого состояния структура/процесс глобальности достигает в первой
половине XX века, когда структура обретает вид того, что называют
(неточно!) мировой системой, а глобализация (процесс) становится
необратимой. Эти две категории – *инвариантность* и *необрати-
мость* и конкретизируют категорию *архетип* по обоим основным па-
раметрам понятия глобальность. Укажем на исторические референ-
ты всех трех категорий. Архетип в своем нерасчлененном виде скла-
дывается между палеолитом и неолитом, а как расчленяющееся
единство относится к эпохе осевого времени. Отсюда – и вплоть до
эпохи модерна – архетип воспроизводится и модифицируется в стру-
ктуре, которая обретает свойство инвариантности во второй полови-
не XIX и на рубеже XX века. Весь период с XVI по XVIII век – это то
время, когда структура глобальности, так сказать, процессируется,
лишь вырабатываясь в инвариантность. Обе эти стороны глобаль-
ности становятся с формированием мировой капсистемы, но далеко ею
не исчерпываются и ей не тождественны. На стыке архетипа и стру-
ктуры возникает трудная методологическая проблема: можно ли го-
ворить о воспроизводстве архетипа и – одновременно – его модифи-
кации. Ответ – по аналогии с генотипом и фенотипом.

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Значительно сложнее характеризовать третий параметр глобальности – ее субъекта. Ранее, в описании структуры мы не могли обойтись без него, и тем труднее связать таковой с архетипом. Поскольку мы приняли, что структура, процесс и субъект принадлежат одному уровню абстракции, то это означает, что субъектность реализуется одновременно и со структурой, и с процессом. Если движение двух последних параметров придает глобальности определенную заданность или детерминированность, то субъект вносит существенную поправку в такую эволюцию глобальности. Подчеркнем, что субъект как категория, хотя и не связан с одним из трех начал ядра глобальной общности, выходит за пределы категории *архетип* в его форме синкрета. Расчленение же архетипа выражается не только в разделении отношений и связей, не только в усилении неоднородностей, но и в *вычленении субъекта* из этой архетипической общности. Дальнейшая эволюция субъекта предстает как криволинейное движение, в котором фаза возвышения сменяется фазой исчерпания (субъект, социализируясь, теряет свое творческое начало и «умирает», как это и выражено постмодернистским сознанием) и вновь входит в фазу возвышения там, где он становится тождественным человечеству во всей его полноте, и тогда само членение субъект/объект в глобальной общности теряет свое основание. Говоря о такой эволюции субъекта, надо разделять *субъект* как воплощения деятельности (и творчества), с одной стороны, и *субъектность* как неотъемлемое качество идентичности субъекта – с другой. Надо разделять субъект и конкретизирующих его агентов и акторов; идентичность этих агентов и их же идентичность в качестве носителей свойства субъектности.

Со всеми этими разделениями эволюция субъекта предстает не только как его собственное движение (в котором генерируется и контрсубъект) по криволинейной траектории, но и как движение при умножении числа агентов и акторов, возрастании их разнообразия и растущей между ними конкуренции на роль носителя субъектности. Среди этих агентов особое место занимает индивид, который в итоге, на пике глобальности, выглядит не единственным, но *адекватным носителем субъектности*. Это качество предполагает не только выработку адекватного глобального сознания (осознания взаимосвязанности и неоднородности человечества), но и способность к сознательному определению своих проектов и стратегий развития. Последнее свойство предполагает и способность к выбору вариантов и альтернатив как тех, чьи основания и предпосылки потенциально заложены в структуре глобальности, так и тех, что не имеют исторических оснований (т.н. эмерджентное развитие). Осознание variability есть не только

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

конструктивное свойство субъекта, но и его субъективное свойство, что нередко и выливается в поиск ложных путей (К. Ясперс) и альтернатив, яркие примеры которых в XX веке демонстрируют фашизм, коммунизм, исламский религиозный фундаментализм и нынешние крайние течения антиглобализма, или, обобщая, национальная, социальная, религиозная и почвенная разновидности тоталитаристского сознания. Однако в этом пункте мы не сможем «держать мысль» (М. Мамардашвили), если упустим сознание «нашего» субъекта или глобалистское сознание. Подчеркнем, что его предмет – не Человечество (Природа, Космос, Дух) как целое, но по принятому пониманию глобализации – лишь связи и отношения как внутри Человечества, так и вне его (Природа и т.д.). Если в нем слабо осознается взаимосвязанность, так сказать, земная, то это компенсируется освоением взаимосвязанности Природного и Космогонического порядков. Подобное сознание проявляется уже в глубинных (*deepening*) пластах человеческого бытия, например, в библейском сознании (см. Е. Рашковский), но не в его видении мира как целого, а в его видении взаимосвязанности, взаимовключенности (*embedding*) различных составляющих этого мира. Хотя такое сознание остается локальным, в нем *локальность видится как всеобщность* и – что для нас важно – как *взаимосвязанность*. Воспринимая эту взаимосвязанность как данность, то есть пассивно, глобалистское сознание становится, вырабатывая и свое свойство вариабельности. Итак, параметр субъекта выражается через категорию вариабельности, которая в совокупности с категорией инвариантности и необратимости образует своего рода куст, сочленение категорий третьего уровня блока Б.

2. От логики категориальной к логике исторической

На следующем, четвертом уровне того же блока логика понятий проверяется логикой их исторической референтности. Этот уровень остается в сфере теоретического познания, выражая всеобще-конкретные черты глобальности в отличие от всеобще-абстрактных ее свойств, рассмотренных на предшествующих уровнях этого блока. На этом уровне (по вертикали!) глобальность выступает как исторический феномен, который осваивается через выдвинутые выше категории – архетип, инвариант, необратимость, вариабельность, взятые в исторической динамике. То есть как архетип – расчленяющийся, инвариантность – становящаяся, процесс – вырабатывающий необратимость, субъект, творящий вариабельность с ее предпосылками и изменяющимся (далеко не обязательно расширяющимся!) веером выборов и сознанием, обретаю-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

щим полноту видения компонент расширяющегося мира. В то же время на данном уровне необходимы и свои, специфические категории, чтобы характеризовать основные этапы развертывания глобальности, ее агентов, пространственно-временные конфигурации и «формы».

Глобальность, взятая в своем историческом измерении, проходит две большие эпохи, когда она становится реальностью в масштабах планеты и человечества, когда она выходит за эти рамки и охватывает связи и другими частями Вселенной. Вторая большая эпоха развертывается со времени освоения космоса: в ней (пусть в новой форме) выражается природа глобальности как всеобщей связи, формирующей целостность с ее неоднородными составляющими: вначале целостность человечества, а затем его же целостность с другими мирами. Соответственно глобальность выступает как исторический феномен не только планетарного порядка, но и космического, что позволяет стыковать глобалистику с космогонией и планетарными науками.

В этом историческом русле глобальность сбрасывая свои формы, выступает последовательно как феномен предысторический, исторический и постисторический. Это членение исторических типов можно рассмотреть через намеченные выше основные категории.

Пред(или «прото») исторический тип становится на базе архетипа, расчленяющего свою исходную синкретическую организацию; хронологически он охватывает период от неолитической революции до осевого времени.

Исторический тип базируется на структуре, обретающей черты инвариантности и необратимости в процессе ее становления, покрывая период от осевого времени до конца XX века.

Постисторический тип формируется при качественной перестройке инварианта при сохранении глубинной архетипической общности в контексте реконструкции трех ветвей эволюции Вселенной (биологической, небиологической, социальной). Этот период начинается на рубеже XX-XXI веков и выливается в глубокий, поистине антропологический кризис, выход из которого происходит в столкновении вариантов глобальности, равно основанных на ее архетипе, но предполагающих то ли его адаптацию, то ли обновление в новом человеческом контексте.

Возникает вопрос: не основано ли это описание на гегелевско-марксовской триаде или так называемом законе отрицания отрицания, применение которого отечественные философы уже с 1970-х годов стремились ограничить сферой гносеологии? Оставляя в стороне вопрос о применимости триады в плане онтологическом, хотелось бы подчеркнуть особенность нашей трактовки: активная и

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

творческая роль субъекта означает, что смена типов есть процесс творимый, а значит, вероятностный и обратимый, в том числе и на нынешнем этапе эволюции.

Смена исторических типов глобальности представляет, как видим, трехэтапный процесс, внутри которого выделяются отдельные стадии, различающиеся по всем важнейшим параметрам глобальности. В рамках исторического типа можно выделить следующие стадии:

- стадия локально-региональной глобальности, реализующаяся преимущественно через междивизиационные связи (эпоха осевого времени);

- вторая стадия – *мировой глобальности*, когда таковая складывается как мировая система, включающая отдельные конгломераты, организованные в особые подсистемы; такая глобальность начинается с XVI века, становится необратимой к концу XIX века и достигает своего пика к концу XX века;

- третья стадия – планетарная (или общечеловеческая) глобальность формируется в ходе информационной революции, обретая всеобщность и по глубине и масштабу, и по воздействию на свои отдельные компоненты и, наконец, порождая свой «дубль» (виртуальная глобализация), этот явный признак завершения первой большой эпохи глобализации.

Кроме этих стадий внутри исторического типа глобальности имеются фазы, связующие и опосредующие отдельные стадийные формы: одна такая связка располагается между локально-региональной глобальностью и глобальностью мировой (XVI-XVIII вв.), а другая стыкует глобальность мировую и глобальность планетарную (1970-е гг.).

На каждой стадии и в рамках своего исторического типа глобальность выступает в различных «формах», пространственно-временных конфигурациях и в деятельности различных агентов. Так, в пределах исторического типа глобальности на ее первой стадии в качестве исторических форм выступают различного рода экспансии (гуннов, арабов, монголов, крестоносцев), а также ранние империи (скажем, Карла Великого) и торговля на большие расстояния. Заметим, что завоевания выступают как ложная форма глобализации, ибо представляют собой такую взаимосвязь, которая по существу есть лишь распространение вширь одного из участников (структуры и субъекта). Правда, это замечание справедливо лишь для крайних видов экспансии, но не всех ее вариантов. Так, глобальность становится устойчивым коммуникационным образованием, имеющим междивизиационный характер (трасса Великого шелкового пути). Пример этого пути показывает, что глобальность

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

как исторический феномен не совпадает ни с регионами, ни с цивилизациями. На второй стадии этого же типа глобальность выступает в таких формах, как мировые торговые компании (типа Ост-Индской), миссионерство, колониальные империи. На последующей, третьей стадии, включая и переходную к ней фазу, возникают такие формы, как транснациональные, меж- и надгосударственные институты, мировые организации.

Этим «формам» соответствуют определенные пространственно-временные конфигурации, которые создаются активностью тех или иных акторов и агентов, носителей субъектности. Таковы арабские и монгольские государственные образования IX-XIV веков – длительные и в пространстве, и во времени; такова и другая «форма» в виде торговых империй Венеции и Генуи. На последних стадиях исторического типа глобальности формируются такие конфигурации, как зоны (франкоязычные страны и зона франка), регионы и/или регионально-интеграционные образования (АСЕАН, АТР). Выработка таких пространственно-временных единиц демонстрирует сложное переплетение глобальности и дифференцированности, что подчеркивает проблематичность определения предмета глобалистики (см. ниже).

Что касается агентов таких единиц, то они выступают в виде различных социальных групп, политических акторов, культурно-идеологических элит и их коалиций в том числе асоциального типа (наркомания, терроризм). Подобные коалиции не только творят глобальность, но и осмысливают ее, вырабатывая то, что можно назвать глобальным сознанием (см. уровень 3). Предметом такового выступает (и это надо подчеркнуть еще раз) не осознание мира, человечества, Вселенной как целого, но в соответствии с нашим представлением о предмете глобалистики – лишь соотносительность одного компонента с другими составными человеческого общежития. Иначе говоря, осознание «другого» и уже в своем адекватном современности виде – как осознание инаковости других (*the otherness of the others*).

Поэтому конфуцианское или исламское мировидение, как представление о себе, мире и космосе, не есть само по себе глобальное сознание: оно является таковым лишь в той мере, в какой конфуцианство рассматривает отношения Срединного государства с иными народами, с варварской периферией, а ислам трактует отношения с неверными, как и православие с еретиками. Подобные тотальные мировоззрения, *не сами по себе, но лишь взятые в их глобалистском срезе*, есть лишь исторические разновидности становящегося глобального сознания, ограниченные определенными, хотя и достаточно широкими рамками. Лишь на высшей стадии исторического типа глобальности, на переломе от этого типа к типу пости-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

сторическому зарождается глобальное сознание, сфокусированное на проблемах отношений с «иными другими». Именно здесь, наряду с агентами глобальности формируются и агенты антиглобальности (ср. элиты и контрэлиты).

В принципе контрсубъект рождается уже в предшествующем историческом типе глобальности, но там он не противопоставляется этому процессу, но ориентирован на его альтернативную разновидность (см. интернационализм, марксизм, ленинизм, космополитизм, либерализм, вильсонизм). Эти альтернативы (и контрсубъект) оказались «ложным ходом истории» хотя бы уже потому, что «работали» по принципу унификации.

Опираясь на широкий спектр фундаменталистских (религиозных и светских), этнических, националистических, конфессиональных и производственно-трудовых движений, идеология антиглобализма существенно воздействует на агентов глобальности, заставляя таковых изменять не только тактику, но и стратегию, изменять институционализированные формы глобальности. Идеология контрагентов есть и критика глобальности, и ее отвержение; последнее как раз и демонстрирует утопичность сознания этих социальных агентов и политических акторов. Отвержение же глобальности с локальных или партикуляристских позиций располагается в одном ряду с тоталитарными формами сознания, характерными для XX века. Их ложность, как и ложность их идеологического противника (неолиберальная модель) видна в общем понимании антагонистов дилеммы Глобальное – Локальное. Дело в том, что и у тех, и у других Глобальное по существу калькируется с Части, а не с Целого или Целостности, а Локальное понимается (неолиберализм) как «другое», но не как «иное». С другой стороны, оппоненты толкуют Локальное как единичное, партикулярное, отрицая и целое, и его целостность. Обе эти трактовки присущи и понятию «глокальность» (см. ниже). Эта оценка не означает признания беспочвенности, иллюзорности, утопизма движений, оппозиционных или антагонистичных неолиберальной версии глобальности. Их реальное основание видится в противоречивой сути глобальности, которая проявляет себя на нынешнем этапе в полном виде как противоречие между реализованной всеобщностью (универсальностью?) *масштаба* связей и нереализованной *всеобщностью* их природы. Другое ее фундаментальное противоречие – между всеобщностью связей и неоднородностью (разнородностью) ее участников. В этом пункте четко видно, что понятие «глобальность» возможно развернуть от ее всеобще-абстрактного уровня до ее же всеобще-конкретных феноменов. Разрешение этих противоречий видится на пути Нового Универсализма, базирующегося не на философии Сути, а философии

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

Соседств, обосновывающей содружества малых и фрагментарных образований как суверенностей, обладающих своим видением Универсального, но и при этом без ущемления Универсального в его партикулярном восприятии «соседом» (А. Рубцов). При всех этих ограниченностях антиглобалистского сознания отношения агентов и контрагентов (шире – межсубъектные отношения) придают глобализации облик процесса открытого, принципиально незавершаемого, многовариантного и подвергаемого постоянной рефлексии и переоценке действий в сознании ее участников.

3. Глобальность и дифференцированность: снова о предмете глобалистики

Анализ глобальности как исторического феномена неоднократно демонстрирует такую острейшую и фундаментальную проблему этой отрасли знания как соотношение глобальности и дифференцированности или – в привычных терминах – глобальности и локальности. Намеченная – чисто логически – категориальная схема позволяет рассматривать эту пару, так сказать, насквозь по всей лестнице категорий. На первом уровне блока Б общенаучное и методологическое понятие глобальность не включает феномен дифференцированности (неслиянности), и речь идет об одной ипостаси ядра глобальной общности-неразделимости (глобальность в прямом, узком смысле), если не тождественной, то близкой целостности. Отметим, что возможно иное видение этого исходного понятия как покрывающего (методологически!) обе ипостаси ядра – и нераздельность и неслиянность. В этом пункте предлагаемая схема должна быть уточнена. На следующем, втором уровне блока Б, где собственно и начинается содержательно-предметная теория глобальности, обе эти категории совмещаются, но уже не как характеристики ядра, а как формула глобалистского архетипа (всеобщая связь неоднородностей). Если в первой (синкретической) форме архетипа обе категории слиты, то в расчленяющемся архетипе они вновь расходятся, и это расхождение продолжается на всех последующих ступенях развертывания понятия глобальность: в структуре, где инвариант совмещается с его сопутствующими ему отклонениями; в процессе, где та же дифференцированность проявляется через вариабельность, и в субъекте, где та же дифференцированность выливается в особое свойство субъекта – его способность к выбору и, значит, вариабельности процесса/структуры глобальности.

На четвертом уровне блока Б понятия глобальность и дифференцированность выступают в реальности различных комбинаций в зависимости от основных типов и стадий глобальности. На первой

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

стадии исторического типа глобальности, где таковая имеет ограниченный, локально-региональный характер, *глобальность существует в порах дифференцированности*, а сама *глобальность выглядит функцией дифференцированности*. На второй стадии, где глобальность становится мировым феноменом, дифференцированность выглядит отклонением от этой нормы и может стать нулевой. На третьей стадии, где глобальность становится планетарной или общечеловеческой, уже дифференцированность – в виде регионов и цивилизаций – существует в *порах глобальности и предстает как ее функция*, а их новое противоречивое единство как особой связки выражено понятием «глокальность» (Р. Робертсон)³⁵. Наиболее сложные комбинации возникают в переходных фазах – на стыке первой и второй стадии, где дифференцированность вначале проявляется в виде колониальных империй и даже колониальной системы как целого, а затем структурируется в виде мирообразований – мировой капсистемы, мировой соцсистемы или имперско-экспансионистских образований (Третий рейх).

Подобные комбинации имеют сложную структуру, где глобальность и дифференцированность не просто взаимодействуют, но взаимовстраиваются, как ограничивая, так и стимулируя друг друга, образуя сложные взаимовстроенные формы. Например, дифференцированность в виде отдельных цивилизационных общностей отличается от глобальности как «связи» между этими же общностями, но в то же время такие дифференцированные единицы, укрупняя локальные образования, выступают по отношению к ней как глобальные и как связи между двумя и более «локальностями». Иначе говоря, *дифференцированность* внутри «своих» подобных образований, в широких единицах обретает признаки и свойства *глобальности*. Такая же двойственность природы присуща и современной глобальности: соединяя все регионы, она выступает как всеобщая связь, то есть в своей собственной природе. И как связь между отдельными участниками-регионами она же предстает дифференцированностью. Из этого видно, насколько глубоко связаны эти категории (и их реальные референты) и даже насколько они взаимобратимы в своей собственной сущности. Подчеркнем: столь глубокая связь глобальности и дифференцированности предполагает, что она (связь) кроется в самом архетипе.

Взаимосвязанности становятся особо сложными, когда мы рассматриваем эти две категории применительно к реалиям сознания, то есть говорим о глобальности (вновь в узком смысле) и дифференцированности как о феноменах когнитивных (см. когнитивная глобалистика). На стадии локально-региональной глобальности основной формой сознания выступают те, что базируются на цивилизаци-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

онных общностях. Здесь возникает противоречие между *локальным бытием* этих дифференцированных единиц и их *глобальным сознанием*. Из ряда Великих Религий только христианское мирознание пыталось разрешить это противоречие, хотя и не смогло его снять, ибо, отрицая «иудея и эллина» в пользу «человека», оно тем самым снимало проблему «инаковости других» или, говоря иначе, видению «других» без их иной природы, что нынешние тьермондисты ставят в упрек цивилизации Модерна. Однако этот мир христианства – Средиземноморье или Библейский мир – при своей локальной ограниченности представлял собой прообраз планетарной Ойкумены и не только в плане когнитивном, но и в определенной мере в плане онтологическом – как исторически данная реальность. Этому прообразу *глобальности*, сложившемуся в рамках особой *дифференцированной* единицы *симметричен* современный образ такого же рода, рождающийся в бассейне Тихого океана и поверхностно, на наш взгляд, называемый «Новым Востоком»³⁶. Кажется, что в этом мире рождается подлинная глобальность не только как связь, но и в виде всеобщих норм общежития различных дифференцированных единиц, которые не могут быть сведены к ценностям этих единиц, будь то конфуцианство или либерализм, но предстают как выражение философии, в рамках которой есть место для «инаковости другого». Таковым выглядит решение противоречия между локальностью условий и глобальностью сознания, глобальностью когнитивной и глобальностью исторически данной. Решение, напоминающее принцип сожительства племенного сообщества, в котором отдельные племена живут достаточно близко, чтобы дружить, и достаточно далеко, чтобы не ссориться (по К. Леви-Строссу).

Заканчивая схему категоризации, зададимся вопросом о том, насколько логично, последовательно и развернуто в ней понятие глобальность. Кажется проблематичным переход от принятой в схеме однозначности этого понятия (неразделимость) к многозначности архетипа: нет ли здесь «большого (логического) скачка»? Оставив для будущей разработки этот вопрос открытым (как и переход от уровня знания методологического к предметному), констатируем: поскольку понятие архетип проводится по всем блокам и уровням, то можно говорить о том, что данная система имеет свой стержень. Ведь архетип развертывается в инвариант (структуры и процесса), в деятельности субъекта и, наконец, в исторических типах глобальности. Однако теоретический анализ в блоке Б не удалось довести до формулировки специфических категорий, что относится в первую очередь к пониманию структуры и субъекта; не удалось четко разделить субъекта в его структурном и историческом бытии. Тем не менее, основная схема, раскрывающая понятие глобальность

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

через набор соподчиняемых категорий, здесь все же намечена, и в этой степени выполнена основная часть задачи по фокусировке этой области знания. Самое позитивное в этой вертикальной категориальной схеме то, что в ней видно развертывание противоречий глобальности: от высшего методологического уровня этого понятия (неразделимость) – через архетип (всеобщая связь неоднородностей), далее через структуру/процесс (инвариант и вариабельность, реализованную субъектом) – к глобальному сознанию с его адекватными (видение «иного другого») и ложными («самость» и «другое»; подмена целого – частью) образами. Другая позитивная сторона схемы видится в том, что в ней намечена категоризация (см. архетип) теоретического описания внутренне амбивалентной сущности глобальности. Подчеркнем еще раз: схема не закончена, но лишь намечена, необходимы ее «отработка» и проверка.

4. Другие проблемы самоопределения

Остановимся вкратце и на других аспектах внутреннего самоопределения глобалистики – ее предмете, первичном идеальном объекте, предельной проблеме, основных регулятивах, а также лишь наметим некоторые проблемы «внешнего самоопределения». Понимание соотношения категорий глобальность и дифференцированность возвращает нас к вопросу о базовом понятии «глобальность» и о предмете глобалистики. Проблема состоит в следующем: должно ли это понятие включать в себя все те феномены, которые характеризуются категорией дифференцированности, или же оно должно ограничиваться феноменами всеобщей связанности? Какая версия предмета глобалистики должна быть принята – узкая или широкая? Ответ на этот вопрос зависит от того, как соединяются и разделяются глобальность и дифференцированность: если эти две категории соединены в рамках одного (единичного) понятия, то предмет выглядит широким. Напротив, он выглядит узким, если эти категории разделены и противопоставлены (и агрегированным, если они равноположены). Хотя проблемное поле этих двух понятий различно, их (также различные!) содержания настолько тесно переплетены и взаимообусловлены, что мы склоняемся к версии *одного (общего) понятия, имеющего дуалистическую или диадическую структуру*, то есть речь должна идти об одном, но парном понятии, раскрываемом в двух категориях (близко, но не вполне корректно, парам «центр-периферия», «элита-масса», ибо таковые скорее диады, чем одно понятие). Если это определение базового понятия верно, то предмет глобалистики есть совокупность двух взаимосвязанных рядов: структур, процессов, субъектов – как со-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

членяющих, так и расчленяющих человечество. Причем феномены второго ряда – расчленения – нельзя противопоставлять феноменам первого ряда, ибо они связаны функциональной взаимозависимостью и (что выходит за рамки глобалистики) генерированы общими факторами/причинами (здесь-то и уместно обратиться к «контексту»). Говоря коротко, *предмет глобалистики – целостность* человечества, то есть *баланс «сил» притяжения и отталкивания*, но не само это «целое». При таком видении предмета сам термин «глобалистика», коль скоро он означает «притяжение», не выглядит удачным (как и производный от него термин глокальность). Но он отражает историю возникновения этой отрасли знания, когда упор делался на взаимосвязанности компонентов человечества сначала в ситуации выживания, а затем – с триумфом и кризисом неолиберальной модели. Подчеркнем в порядке самокритики: такое понимание предмета отличается от того, что нами давалось ранее (сначала – «узким», а затем – суммарным).

Что касается понятия «*первичный идеальный объект*»³⁷, то в этой роли, на наш взгляд, выступает категория архетипа, в которой и неявно, и явно содержится основание как для глобальности и дифференцированности, взятых как по отдельности, так и в их же понятийно-предметной общности. Здесь уместна аналогия с понятием «товар», суть которой раскрывается в двух категориях — стоимости меновой и потребительской. Одно и общее понятие раскрывается здесь через две категории (ср. глобальность и два ее аспекта). Так же как понятие товар есть первичный идеальный объект экономических наук, несущий в себе всеобщую связь (меновая стоимость) и неоднородности (потребительская стоимость), так и архетип выступает в роли первичного идеального объекта для глобалистики в широком понимании ее предмета. Отсюда возможна поправка к понятию глобальность, которое выглядит исходной идеей (ср. философскую идею общения).

В качестве *предельной проблемы* глобалистики, определяющей статус этой области научного знания, не может выступать проблема выживания человечества, ибо таковая относится к компетенции рамочной теории. Вряд ли в роли предельной проблемы может выступать и дилемма «стихийность – направляемость»: таковая относится скорее к операциональному уровню «Великого Целого». Скорее предельная проблема видна в столкновении двух картин мира, сформулированных на раннем (1980-е гг.) и позднем (1990-е гг.) этапах становления глобалистики: мира унифицированного в нормах и ценностях – и мира различий, где нормой является признание «инаковости другого» при наличии общей нормативной поведенческой рамки или – очень коротко и узко – проблема функцио-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

нальности/дисфункциональности различий (У. Эшби, В. Седов). При толковании понятия глобальность *à la товар* и соответствующим этому определению предмета глобалистики предельная проблема этой области знания предстает как проблема баланса соединяющих и разъединяющих механизмов, баланса оптимального для эволюции человечества (его воспроизводства и развития). Такое понимание предельной проблемы позволяет ставить вопрос о вкладе глобалистики в разработку оптимальной для человечества стратегии на операциональном уровне.

Сложнее определить регулятивные принципы, которые определяют сферу компетенции глобалистики: позитивно – очерчивая проблемное поле, и негативно – устраняя проблемы, лежащие вне ее компетенции. Мы остановимся на запрещающем регулятиве, применение которого задается принятым выше определением предмета. Из него вытекает, что понятие «глобальность» не может быть прямо, непосредственно адресовано референтам таких понятий, как человечество, эволюция, цивилизация, ибо наше понятие ориентируется на особый аспект бытия человечества (неделимость), на особые механизмы эволюции человечества, его соединяющие и разъединяющие. Причем эти механизмы здесь исследуются на общечеловеческом (см. рамочная концепция) и мировом уровнях, хотя они однотипны с теми, что изучаются классической социологией (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм) на уровне «общества». Оно не может быть перенесено на характеристику цивилизации в целом или отдельных цивилизаций, ибо имеет дело с междивизиационными связями и отдельными цивилизациями лишь постольку, поскольку они участвуют в этих связях или их генерируют. Понятие глобальность не тождественно и понятию прогресс, но перекрещивается с таковым, характеризуя его особую ипостась, развертывающуюся исторически как по восходящей, так и циклически. Короче говоря, оно хотя и входит в «семью» предельно общих понятий, но в то же время «частично» по отношению к некоторым макрокатегориям.

Наше понятие полезно тем, что позволяет изучать особые механизмы поступательного движения человечества, такого движения, в котором выражена сквозная закономерность его эволюции как в сторону соединения, так и в сторону разделения, в направлении как всеобщности, так и особенности, как универсализации, так и различения. Такое понятие глобальность при всей его нагрузке и значимости не может быть «ключом» к пониманию фундаментального смысла/содержания человеческого бытия, сознания и эволюции. В плане онтологическом глобальность глубоко проникает во все аспекты современного человечества, но вряд ли играет роль основного «мотора», генератора его развития: скорее это один из ме-

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

ханизмов воспроизводства и развития человечества, который особенно активно действует на нынешней фазе его истории.

Наша позиция (и мы пытались ее обосновать) иная: «глобальность – во всём, но не всё» (см. Введение). Такое понятие не может быть сопоставимо с концепцией модернизации, ибо они располагаются на разных уровнях обобщения, если, конечно, не трактовать модернизацию в самом широком смысле как новацию. Поэтому вряд ли верна постановка вопроса как о преемственности (В. Федотова)³⁸, так и о разрыве модернизации и глобализации (В. Межуев)³⁹. Подобная постановка предполагает глобальность как *отдельную фазу общественного развития*, что расходится и с поиском исторических корней глобализации и с нашим представлением о глобальности как сквозном механизме эволюции человечества, в том числе и через оба Модерна по У. Беку (оставив в стороне обоснованность идеи второго Модерна). Широко распространено и отождествление глобализации с феноменом постиндустриализма как особой фазой мирового развития. С нашей позиции глобализация предстает как один из важнейших механизмов не только экспансии, но преобразования постиндустриализма из явления регионального (Запад или Север) в общемировое явление. Строго говоря, такой механизм «перевода» масштаба глобальности (в ее «соединяющей» ипостаси) действовал уже в эпоху становления капитализма, генерируя, однако, не капитализм как таковой, но (подчеркнем) лишь его мировое издание, отличное от его регионального прототипа, понятого К. Марксом как эталон капитализма вообще, в том числе мирового. Напротив, И. Валлерстайн сделал из мировой версии капитализма норму капитализма вообще, но в этой операции роль глобальности хотя им была угадана и описана (через разделение труда, рынок), но полностью погружена в содержание его версии концепции так называемого исторического капитализма. Что же касается более близких к глобальности понятий, таких, как интернационализация и интегрированность, то их соотношение в нашей интерпретации выглядит следующим образом: интернационализация есть особая фаза и/или форма глобальности, а интегрированность характеризует целостность как сбалансированность в ее структуре работы двух механизмов, со(единяющих) и рас(членяющих) человечество. Заметим, что расчленение (и дифференцированность) не тождественно фрагментации (разбалансированности наших двух механизмов), а за балансом со/раз/единения человечества стоит проблема предельности членения этой популяции⁴⁰. Мы уже не говорим о том, что эти два понятия сформулированы с позиции социоцентризма, в отличие от интегрального подхода, лежащего в основе нашего понятия «глобальность».

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

Во всяком случае, надо четко осознавать, что в глобалистике есть огромная область незнания⁴¹, которую надо определить не менее четко, нежели область наличного и проблематичного знания. Выше мы указали, что к области незнания относится понимание «вклада» глобализации в мировое неравенство. Добавим к этому проблему соотношения глобализации и демографического кризиса, который привычно называется глобальным⁴². Не уяснив объема незнания, мы будем вынуждены связывать представление о глобализации с ее, хотя и тривиальным, но достаточно сложным для понимания пространственным параметром (пространство – «место» – «почва»). Важная в плане практическом и популярная идея «глобальной спирали уничтожения» также располагается близко к сфере незнания: если глобальность и есть спираль, то эффект уничтожения задан не ее логикой, но социальной и техногенной логикой «Великого целого». В немалой степени наше «незнание» есть следствие отсутствия языка, адекватного этой области знания. Ныне ясно, что таковой не может быть «универсальным культурным подобием эсперанто», однако далеко неясно, чем он может и должен быть: множеством «переводных» языков и жаргонов или нечто иным? Решение этой проблемы в зоне незнания проистекает из другой проблемы той же «зоны», относящейся к компетенции скорее рамочной теории, нежели предмету глобалистики. Мы имеем в виду проблему человечества как целого (не целостности!), имеющего вид то ли «интегрированного многообразия», то ли «соседств разнообразий», то ли совокупности гибридов (метиссажей, «кентавров» и пр.).

Итак, можно сказать, что сделана попытка сфокусировать глобалистику, вводя необходимые категории. Это привело к *расширению* предмета, благодаря сначала *сужению* ее предметного поля (вычленение/отчленение), затем – *расширению* предмета, построенного на архетипе как идеальном первичном объекте, и, наконец, размежеванию с предельно общими понятиями. Если наше понимание основных аспектов внутреннего (и отчасти – внешнего) самоопределения глобалистики верно, то и попытка конструировать глобалистику продуктивна для прогрессирующего становления этой области знания. В этой связи, однако, возникает вопрос о месте этой нашей попытки логической систематизации в русле становящейся так называемой постнеклассической науки, открытой всем формам познания и лишенной научного «гегемонизма». Нам представляется, что разработка проблем (и категорий) субъекта/субъектности позволяет избежать линейности и детерминизма, однозначности толкования проблем общественного развития, присущих классической социологии всех видов – от либеральной до марксистской. Интегральный подход в свою очередь блокирует и

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

возврат к социоцентризму. Что же касается категорий и их системы, то без них, кажется, не может обойтись любая историческая форма научного знания и любой вид рациональности, в том числе и открытых для диалога с не/вне/научным знанием через, скажем, понятие – образ или принцип «эстетической дополнителности» (А. Рубцов). Более того: в так называемой Новой науке научное знание должно заново самоопределиться, дабы не потерять своего лица, что и стимулирует постоянное ее обращение к своим базовым принципам. В такой ситуации, признаем, прогрессирование глобалистики остается и даже становится (!) проблематичным, открытым для отката. Поэтому будет полезным прогнозировать дальнейшую динамику, исходя из опыта организации научного знания в соседних дисциплинах и современного научного знания в целом.

Заключение

Критической проблемой для глобалистики выступала, выступает и будет выступать ее междисциплинарность и связанная с нею организационная форма глобальных исследований. Идя по пути от *много*дисциплинарности к междисциплинарности, глобалистика разрабатывает различные уровни междисциплинарных связей – от общетеоретических до прикладных, практикуя союзы и коалиции отдельных дисциплин и даже встроенность проблематики разных дисциплин в одну – материнскую – отрасль научного знания. Прогресс в направлении междисциплинарности в сфере глобалистики может опереться и на опыт таких новых направлений, как так называемая геοэкономика. Здесь, судя по работам Э. Кочетова и А. Неклессы, выработана такая форма междисциплинарности, которую можно условно назвать гроздеподобной. Суть ее заключается в том, что на ось *общего* принципа или базового понятия как бы насаживаются *различные* дисциплины. Таковые, сохраняя свой «привычный» предмет, фокусируются на стержневое понятие, которое играет не только методологически-организующую роль, но и выступает в виде центрального понятия, имеющего специфические предметно-дисциплинарные нагрузки. В гроздеподобной организации ключевую роль играет исходное понятие или даже шире – исходная идея. По Э. Кочетову, в геοэкономике таким понятием выступает принятие стратегических решений, а базовой идеей, на наш взгляд, служит идея Субъекта. В версии А. Неклессы центральное понятие есть цивилизация, а базовая идея, видимо, человечество⁴³. Помимо этих исходных элементов здесь же практикуются и другие исходные понятия/идеи, например, Пространство и Время, применение которых

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

позволяет «свернуть» разнородное знание. Причем «свертывание» происходит иначе, нежели в естественных науках. Примерно так же можно представить и междисциплинарную организацию глобалистики, где исходным понятием является Целостность, а базовой идеей – Человечество. Понятие Целостность в его широком значении, то есть покрывающим оба механизма глобальности, применяется в разных дисциплинах, позволяя различать Целостность экономическую, политическую, культурную, когнитивную, не сводя их друг к другу и не соподчиняя по принципу первичности-вторичности, но соединяя их все вместе по принципу равноположенности в рамках общего понятия, опирающегося на интегральный подход, что не дает распасться этому комплексу.

Для организации междисциплинарности большой интерес представляет эволюция экологического знания, подъем которого совпадает с рождением и глобалистики. Опыт экологических наук полезен тем, что демонстрирует возможность много- и разнодисциплинарных направлений в рамках общего понимания предмета, а также стремление выработать интегративный подход в том их направлении, которое называется «экологией человека». Стремления сомкнуть разные дисциплины этого «куста» особенно заметны в применении идеи коэволюции к таким темам, как общество и природа, человек и природа, исследования генов и исследования культуры⁴⁴. Для нас поучителен итог разработки последней из этих тем, когда констатируется, что можно исследовать коэволюцию генов человека, с одной стороны, и коэволюцию идей в культуре – с другой, *но замкнуть эти процессы друг на друга в рамках единой количественной теории* (курсив наш. – М.Ч.) на данном этапе вряд ли возможно. В глобалистике ситуация несколько иная, ибо здесь отсутствуют не только количественные, но вообще исследования прикладного уровня, и речь идет о другой «смычке» – теории, так сказать, высшего и среднего уровня разных дисциплин. Представляется, что эта задача решаема и методологически, и организационно с учетом так называемой гроздеподобной оргформы междисциплинарного знания. Правда, для этого необходим «пустычок» – общее понимание предмета, что имеется в экологическом знании и отсутствует пока в научном знании о глобальных феноменах. Такое намечается в современной «мировой социологии», которая, связывая отдельные дисциплины, естественно, остается социоцентрической, как и политология. Однако именно в этой сфере знания особо остро ставится вопрос о гомогенизации – гетерогенизации мира (см. социология одного мира vs локальные, «индигенизированные» социологии)⁴⁵, что резонирует с нашей базовой проблематикой (глобальность – дифференцированность) или со(единением)

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

и раз(единением) человечества и, в частности, его социального бытия (см. проблему мировой социетальности, адекватной нынешнему состоянию человечества и его «родовой» природе).

Прогнозирование эволюции глобалистики предполагает и постановку таких вопросов, решение которых связано с процессами, происходящими в современном научном знании в целом. Речь идет о соотношении глобалистики с другими кустами научного знания, скажем, теориями общения (коммуникативные теории) и науками о связях в целом. Встает и вопрос о положении глобалистики в балансе двух классов наук, уподобляемых, образно, «часам и облакам». Можно предполагать, к какому классу будет принадлежать глобалистика, но ныне видна ее принадлежность преимущественно классу «часов», хотя и имеется сильная культурологическая тенденция направить глобалистику в сторону «облака». Проблема «класса» возникает уже сейчас, в частности, когда глобальные исследования противопоставляются цивилизационным (по И. Следзевскому)⁴⁶. Точнее же, на наш взгляд, говорить о том, что оба эти направления включают ориентации на два больших класса научного знания.

Сравнение с другими дисциплинами полезно и для уточнения предмета глобалистики. Так, его (предмета) дифференцирующая (разделяющая и различающая) ипостась сопоставима с диссипативными процессами и структурами, изучаемыми в химии. Ипостась же, связующая и – условно – обобщающая, имеет аналогом в физике понятие межатомных сил, объединяющих атомы в молекулы и молекулы в макроскопические тела (Г. Лоренц), физические теории отталкивания и всемирного притяжения, биологические теории эволюции и видообразования и т.д. и пр.

Резюмируем: «наша» отрасль знания охватывает феномены как расширения и соединения, так и разделения и различения, присущие эволюции и истории человечества. Она отвечает на вопросы: как работают эти механизмы, *кто* их создает, каковы результаты их работы, и в итоге – как мир становится взаимосвязанным, «одним» (*single*), вырабатывая *свою единичность* (*the oneness*), *не становясь единым* (как это часто смешивается). Но не отвечает и не должна отвечать на вопрос: почему они работают, ибо последний относится к сфере общей теории эволюции, развития, истории человечества. Только определив точно эти правила (что допускается, что нет), мы можем операционализировать понятие глобальность, но мы не можем это сделать, заменяя этим понятием другие общие категории. Точно так же и проблема управляемости (направляемости) глобальных процессов не подлежит решению, когда глобальность растворяется в этих предельно общих понятиях. И, напротив, она вполне решается, когда управлению/направ-

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

лению подлежат связи, потоки, сети и пр., что и составляет скелет «нашего» предмета глобалистики в его современном виде. Судя по тому, что предмет глобалистики еще далеко не зафиксирован, эта отрасль научного знания находится пока в *преддверии* своего формирования, и чтобы перейти этот порог, необходимы разные механизмы научной деятельности, в том числе и такой, как конструирование науки. Эффективность этого способа станет ясной, видимо, в ближайшие годы. Пока же очевидно, что конструирование должно быть не «социальным», но теоретико-методологическим, что путь операционализации⁴⁷ (неизвестного в его сущности) объекта/предмета вряд ли здесь эффективен. Таковой полезен, однако, для освещения частных и актуальных проблем, но при условии, что глобалистика не будет пониматься как «наука обо всем»⁴⁸.

Примечания

¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 92.

² Что особенно проявляется в так называемых антиглобалистских выступлениях 1990-х годов. См. дискуссию на эту тему: Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12; 2002. № 4, 5.

³ Отметим лишь те, что наиболее значимы для нашей науковедческой темы: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию; Globalization, Knowledge and Society / M. Albrow and E. King (eds.). London, 1990; Held D. Political Theory Today. Stanford, 1991; Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992; Waers M. Globalization. London — New York, 1995. Работы отечественных авторов указаны в тексте.

⁴ Clark R. Global Life Systems: Biological Dimensions of Globalization // Global Society. 1997. Vol. 71. № 3. P. 299-324.

⁵ Именно поэтому мы рассматриваем миросистемный подход И. Валлерстайна, а также концепции мирового (*international; world*) развития как составляющие знания о мировых и глобальных феноменах (далее — ЗМГФ), но вне глобалистики как особой научной области. См.: Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 131-132.

⁶ Этос глобального мира / Сост. и ред. В.И. Толстых. М., 1999. С. 8, 49, 131.

⁷ Труды Фонда Горбачева. Том 7. Проблемы глобализации. М., 2001. С. 199-202.

⁸ Бек У. Указ. соч. С. 80.

⁹ Bairoch P. The Constituent Economic Principles of Globalization in Historical Perspective. Myths and Realities // International Sociology. 2000. Vol. 15(2). P. 212.

¹⁰ Наиболее полно это видение выражено в концепциях рефлексивного мирового или (глобального) общества, в том числе «общества риска». См.: Beck U. Risk Society. London, 1992; Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность / Отв. редактор-составитель А.Д. Вознесенский. М., 2000 (особенно: с. 257-259).

Раздел I. Между глобалистикой «узкой» и «беспредельной»

- ¹¹ Цит. по: Бек У. Указ. соч. С. 187.
- ¹² Там же. С. 54.
- ¹³ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М., 2000. С. 16, 18-19.
- ¹⁴ Бек У. Указ. соч. С. 54.
- ¹⁵ Этос глобального мира. С. 131.
- ¹⁶ См. об этом: Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 4, 5.
- ¹⁷ *Pieterse J.N.* Globalization and Hibridization // *International Sociology*. 1994. Vol. 9. № 2. P. 161-184.
- ¹⁸ *Forte M.C.* Globalization and World System Analysis // *Review*. 1998. Vol. XXI. № 1. P. 29-102.
- ¹⁹ См. об этом: *Мамчур Е.А.* Применима ли концепция возможных миров к миру научного познания? // *Науковедение*. 2001. № 2. С. 133.
- ²⁰ *Энгельгардт В.А.* Интегризм — путь от простого к сложному в познании явлений жизни. М., 1970.
- ²¹ *Неклесса А.И.* Антропокод истории // Конспект. 1989. № 3. С. 14-20.
- ²² Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. М., 2001. С. 186-196.
- ²³ *Азроянц Э.А.* Глобализация как проект // *Глобальный мир. Клуб ученых*. Выпуск пятый. М., 2001. С. 4-32
- ²⁴ Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада. С. 375-382.
- ²⁵ Там же. С. 286-289.
- ²⁶ Глобальный мир. Выпуск 6. М., 2001. С. 4-31.
- ²⁷ *Шахназаров Г.* Глобализация и глобалистика — феномен и теория // *Pro et Contra*. 2000. Том 5. № 4. С. 186.
- ²⁸ Глобальный мир. Выпуск третий. М., 2001. С. 35-39.
- ²⁹ О «философии соседств» в отличие от философии сути // Этос глобального мира. С. 59.
- ³⁰ Бек У. Указ. соч. С. 154.
- ³¹ См. об этом: Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века / Отв. ред. Д.П. Баженов. М., 1999; РГНФ: Обсуждение книги В.С. Степина «Теоретическое знание». Материалы «круглого стола». 1 июня 2000 года // *Науковедение*. 2000. № 3. С. 7-47.
- ³² *Кочетов Э.Г.* Геоэкономика. М., 1999. С.115-116.
- ³³ *Чешков М.А.* Глобальный контекст постсоветской России. М., 1999. С. 39, 44.
- ³⁴ Последние, взятые в процессе, часто отождествляются с дифференциацией, хотя таковая включает различие наряду с разделением.
- ³⁵ В его применении У. Бек (Указ. соч. С. 84-92).
- ³⁶ Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 29-30.
- ³⁷ *Липкин А.И.* Концепции современного естествознания (Дополнительные главы). М., 2000. С. 25. Это понятие адресовано естественным наукам, но его методологическая «сила» распространяется и на социогуманитарное знание.

Глобализация «без берегов» и самоопределение глобалистики

- ³⁸ Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 83-93.
- ³⁹ Глобальный мир. Выпуск десятый. М., 2001. С. 4-18.
- ⁴⁰ См. об этом в ряде публикаций В. Максименко.
- ⁴¹ О четкой постановке этой проблемы см.: *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. С. 10. Здесь же «незнание» включает и области, лежащие вне компетенции глобалистики, то есть то, что она не должна знать.
- ⁴² Там же. Глава 4.
- ⁴³ См.: Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме).
- ⁴⁴ Эта тематика тесно связана с пониманием Глобальности в ее соотнесенности не только с социо- или антропо-, но и с биосферой.
- ⁴⁵ Обе позиции не выглядят взаимно исключающими. См.: *Akiwowo A.* Indigenous Sociologies. Expanding the Scope of Argument // *International Sociology*. 1999. Vol. 14. № 2. P. 115-138.
- ⁴⁶ Глобальный мир. Выпуск третий. М., 2001. С. 21-34.
- ⁴⁷ Применительно преимущественно к экономическим аспектам глобализации, где таковая характеризуется показателями включенности в мировую торговлю, потоков капиталов и пр. См., например: *Kaufman R.R. and Seguro-Ubiergo A.* Globalization, Domestic Politics and Social Spending in Latin America: A Time-Series Cross Section Analysis, 1973-1997 // *World Politics*. 2001. Vol. 53. № 4. P. 553-587. Представляется, что операционализировать и даже квантифицировать вполне возможно и по отдельным общим, теоретически-определяемым признакам, как, например, интенсивность и разнообразие связей всех видов, число их агентов, направленность разнородных (финансы, товары, информация) потоков, что особенно полезно для уяснения феномена Регионализации в контексте глобализации.
- ⁴⁸ Подобные амбиции вполне понятны в силу и молодости глобалистики, и значимости этих феноменов, особенно в общественном сознании.

Раздел II.

ИЕРАРХИЯ КАТЕГОРИЙ

Предмет и статус глобалистики

И. В современную эпоху три феномена – постиндустриализация, постмодернизм и глобализация, развертываясь по существу одновременно, определяют и настоящее, и ближайшее будущее человечества. И вот, кажется, впервые за прошедшее десятилетие отечественные дискуссии повернули от обсуждения проблем глобализации к осмыслению научного знания об этом феномене, поставив, наконец, вопрос: что есть глобалистика как специфически научный дискурс, и каков статус глобалистики в современном научном знании. Возникнув на стыке социогуманитарного и естественнонаучного знания, глобалистика за последние 30 лет складывается как особая область или направление научного познания. Ее объективным референтом предстает не мир или человечество как целое, а особый параметр этого целого — взаимосвязанность его частей или целостность (когерентность). В качестве предмета глобалистики выступают, на наш взгляд, особые закономерности, действующие на разных уровнях бытия, сознания и жизнедеятельности человечества – как те, что соединяют, стягивают различные компоненты человечества, стимулируют их всеобщие свойства и взаимно конвергируют эти же компоненты, так и те закономерности, которые определяют обособление компонент, их особые и единичные свойства и дивергентность этих свойств. Отсюда краткое определение предмета глобалистики по формуле «со/раз» (см. Анаксагор), обе части которой работают, кстати, на уровне и фундаментальной, и прикладной глобалистики, вопреки мнению, адресующему первую половину формулы лишь фундаментальной науке, а вторую – лишь прикладной (Ю. Сачков). Такое определение предмета стало возможным в силу развития глобалистских исследований в направлении поиска логики и динамики глобализации как особого, частичного феномена жизнеустройства человечества и в стремлении охватить этот феномен и его последствия во всей полноте, всесторонности и единстве. Парадокс, но стимулирующую роль в становлении гло-

Предмет и статус глобалистики

балистики сыграли антиглобалистские выступления, которые прямо-таки заставили исследователей отказаться от однозначного видения глобализации и ее понимания как той или иной разновидности идеологического мифотворчества. Если говорить коротко, то глобалистика выглядит отраслью научного знания, предмет которой есть так называемые *совместно-раздельные отношения* (Д. Риндос), это важнейшее основание неравенств и различий, возникновения и разрешения противоречий, связанных с этими «вечными» свойствами человеческой природы.

При таком определении предмета глобалистика легко сопоставляется, скажем, с разделами физики, изучающими притяжение и отталкивание молекул, идеей коэволюции в биосоциальных дисциплинах, наконец, с такими разделами политической экономики, как международное разделение труда и с такими школами, как школа регуляции, с идеями Л. Мечникова о соотношении кооперации и дифференциации, дифференциации и интеграции Э. Дюркгейма. Динамику глобализации можно сопоставить и с идеями расширяющейся и сжимающейся Вселенной. Помимо разработки представления о своем предмете, глобалистика имеет и другие признаки особой единицы научного знания, а именно: философские предпосылки в виде идей И. Канта и современного холизма (Д. Бом); совокупность различных познавательных моделей, включая модели системные, диатропические, синергетические; складывается и общий язык со своей терминологией и понятиями (глокальность). Как и всякая область научного знания, глобалистика конституирована собственной предельной проблемой. Таковая выглядит как проблема поиска *оптимального баланса* закономерностей соединения и разъединения, всеобщности и различий, баланса оптимального, исходя из интересов человечества, его отдельных совокупностей и, конечно, индивида. Эта трактовка предельной проблемы выводит глобалистику к практической деятельности в духе согласия и доверия по выработке стратегий оптимальной совместимости мировых неравенств и различий. Наконец, глобалистика ныне может опираться на такую единицу собственного знания, как идеальный предельный объект. В этой роли выступает понятие архетип глобальности, суть которого выражается как всеобщая связь неоднородностей. Это понятие аналогично марксовому понятию стоимости, всеобщность которой выражает категория меновая стоимость, а особенность и единичность – категория потребительная стоимость.

Чтобы сформулировать такое представление об идеальном первичном объекте, глобалистика нуждается в системе категорий, а чтобы эта система стала продуктивной, она строится как иерар-

Раздел II. Иерархия категорий

хия идей, понятий и категорий, соподчиненных по принципу их развертывания от абстрактного к конкретному. Она охватывает различные сферы знания – философского, методологического (общенаучного) и частнонаучного. По этой схеме базовое или исходное понятие «глобальность» есть сложное, многосоставное понятие, которое последовательно выступает как идея общения (вitalная потребность человека), единство принципов нераздельности и неслиянности ядра глобальной общности человечества (см. ниже рамочная концепция), понятий «архетип», «генотип» и «исторические формы». Если понятие архетип выражает абсолютное, имманентное свойство глобальности как родового общечеловеческого свойства, то два последних понятия характеризуют устойчивую структуру глобальности, сложившуюся в индустриально-модернистскую эпоху, а понятие исторических форм характеризует различные временные и пространственные конфигурации соединяюще-всеобщих и разъединяюще-различающих механизмов глобальности. Эта категориальная лестница полезна тем, что подобное сквозное понятие позволяет видеть предмет глобалистики в его общечеловеческом измерении, и в то же время – исторически творимом и модифицируемом различными субъектами глобальности. Соответственно такой трактовке базового понятия глобалистика выступает как антропоисторическая область знания. Основная трудность в определении предмета заключается в том, чтобы выделить собственно глобальность из ее мирового онтологического контекста, как бы этот «контекст» ни осмысливался (человечество, цивилизация, Вселенная), найти собственные закономерности глобальности как процесса и структуры, ее субъектов и их выборов, ее собственное пространство и время, что позволит здраво судить о действительных и мнимых пороках глобализации.

Определение предмета и раскрытие его базового понятия через систему категорий образует глобалистику в ее наддисциплинарном виде. Вокруг этого, как ядра глобалистики, складывается набор различных частнонаучных дисциплин, по отношению к которым «ядро» выполняет функции интегратора, переводчика, дополнительного знания, что не только переводит эти дисциплины в режим работы наддисциплинарного ядра, но и в конечном счете порождает глобалистику как широкий комплекс междисциплинарного знания. Ее междисциплинарность сходна с междисциплинарностью синергетического знания, которое в трактовке Г. Хагена акцентировала согласованность взаимодействия частей при образовании структуры как целого (по В. Аршинову). Правда, междисциплинарность нашей версии глобалистики включает «взаимодействие» под углом не только согласованности, но и

Предмет и статус глобалистики

рас(согласованности), и не целого, но целостности. В этом комплексе решаются и общетеоретические задачи, и те, что свойственны так называемым проблемно-ориентированным областям научного знания с их выходом на операциональный уровень и квантификацией основных параметров глобальности. В нынешней ситуации только начинается «притирка» ядра к различным конкретно-научным дисциплинам. Например, глобалистика вторгается в область истории, где на этом разрабатываются (А. Назаретян) различные версии истории (мировая, всеобщая, так называемая Большая история). Выход в историю, в свою очередь, позволяет уточнить проблемы глобалистики – время ее начала, соотношение спадов и подъемов, анализировать ситуации, где общность (культурно-цивилизационных) признаков реализуется без сильных связей (так называемое Осевое время). Вряд ли верно считать, что нам ныне предстоит лишь «завершить отделочные работы» и «заселить здание глобалистики», ведь пока (и это признается) мы далеки от понимания закономерностей и утверждения фундаментальных категорий глобалистики (Ю. Яковец). Хотя глобалистика имеет ряд важных признаков междисциплинарного знания (по меньшей мере – два из четырех, по Г. Ленски), мы тоже склонны признать (вместе с Е. Рашковским), что преждевременно говорить о разработанности структуры глобалистских знаний, ибо еще не освоена стоящая за этими знаниями реальность.

Намеченное выше понимание глобалистики как области научного знания при всей его предварительности можно считать относительно достаточным для демаркации глобалистики от других дисциплин и видов знания. В иных определениях глобалистики, предложенных в нашей дискуссии, специфика и статус этой области выявляются, на наш взгляд, не вполне достаточно. Так, если глобалистика понимается как геоэкономика, в рамках которой подчеркивается примат экономических закономерностей (Э. Кочетов), то мы имеем дело с особой разновидностью экономического знания (своего рода однодисциплинарная multidisciplinaryность), к которому применяется термин «глобалистика». Если предметом глобалистики выступает изучение глобальной цивилизации (Ю. Яковец), то глобалистика выглядит отраслью так называемой цивилизациологии или цивилиографии. В этом случае вряд ли обосновано видеть в глобалистике такую же равноправную составную ядра новой парадигмы, как и цивилиографию. В обоих случаях глобалистика выглядит ветвью того или иного частнонаучного знания, но не имеет статуса особой области или направления со своим объектом и предметом познания. Некоторые иные ответы на вопрос, что такое глобалистика, или недостаточно

Раздел II. Иерархия категорий

фундированы, или уходят за границы частнонаучного знания. Так, признавая глобалистику наукой о целостности мира, Н. Косолапов, специфику глобальных отношений, изучаемых глобалистикой, в отличие от теории международных отношений, видит в наличии новых субъектов. Это действительно важно для понимания предмета глобалистики, но вряд ли достаточно, чтобы демаркировать ее от теории международных отношений. К тому же в определении глобалистики как у Н. Косолапова, так и у Э. Азроянца понятия целого и целостности нередко тождественны, что, на наш взгляд, и мешает увидеть специфический объект глобалистики и растворяет таковой в том или ином «Великом целом», с которым наш предмет далеко не совпадает, ибо понятие «глобальность» идет как бы сквозь понятия «цивилизация», «модернизация», «капитализм» и т.д. Идя по пути «расширения» в поисках статуса глобалистики, легко пересечь границу, отделяющую эту отрасль частнонаучного знания от знания предпосылочного – философского, будь это историософия (Е. Рашковский) или социальная философия (Э. Азроянц). Кажется, что точнее к определению предмета глобалистики подходит трактовка, отождествляющая эту область знания с изучением глобальных проблем (А. Чумаков), хотя следует заметить, что изучение глобальных проблем само по себе еще не «дает» предмета глобалистики и есть скорее состояние протогобалистики.

Если эти критические замечания обоснованны, то мы не вправе заключать, что перед нами в ходе дискуссии обнаружилось множество глобалистик; скорее речь идет об одном названии для многих разных дисциплин. Однако за этой констатацией скрывается более сложный вопрос: если признать, что понятие «глобальность» по существу множественно, а не только единично (см. архетип как всеобщая связь неоднородностей), то мы должны в принципе признать и множественность глобалистик. Такой вывод ставит принципиальный вопрос о единстве или множественности научного знания, особенно в эпоху постнеклассической науки (см. пункт III).

II. Если предположение Н. Моисеева о том, что философия все более становится наукой, можно оспаривать, то, напротив, безусловно другое – растущая потребность науки в философском знании и даже невозможность развития научного знания без или вне знания философского. Тем более, что эта «тяга» к философии присуща молодым зарождающимся отраслям научного знания, каковой и является глобалистика. Надо признать, что эта «тяга» несет в себе определенные опасности, особенно для науки, не ставшей на ноги. Эта опасность видится в том, что знание философ-

Предмет и статус глобалистики

ское замещает собой знание научное, которое, стремясь обрести философствующий облик, теряет свой предмет. В глобалистике эта тенденция особенно заметна и в первую очередь – в отечественной глобалистике, которая более тесно связана с философией, нежели с антропологией (И. Ионов), и в традиционной российско-советской манере стремится поднять планку теоретической абстракции все выше и придать любому частнонаучному знанию характер знания тотализирующего и даже тотального (что достаточно заметно и в западной глобалистике, особенно работах И. Валлерстайна). Эта тенденция кажется заметной в концепции мегасоциума (Э. Азроянц), которая сформулирована на стыке различных философских дисциплин. Эта конструкция при всей ее полезности не может стать формулой, определяющей предмет глобалистики: она явно контрастирует с другим определением того же автора, соответственно которому глобализация (основное понятие глобалистики) есть «соединение разного в одно целое (что очень близко нашему представлению о понятии глобальности и предмете глобалистики). Причина данного противоречия как раз и заключается в том, что знание философское (мегасоциум) растворило в себе знание частнонаучное; или, говоря иначе, философское осмысление «контекста» глобализации заменило осмысливание самой глобализации. Повторимся: невозможно размышлять о *глобализации, глобальности и глобалистике* вне такого философски осмысленного контекста, но и нельзя терять тонкую грань между философией, философской конструкцией, предназначенной для конкретно-научного знания, и частнонаучным знанием о глобальности. В порядке самокритики признаем, что в своих работах мы допускали подобные смешения, описывая человечество как глобальную общность, хотя подобное описание было необходимым для того, чтобы сформулировать понятие глобальность и предмет глобалистики в более узком или специальном виде. Противоречия между знанием философским и конкретно-глобалистским возникли в процессе становления этой новой области знания, которая на первых порах не имела четкого предмета (набор глобальных проблем). Затем ее предмет был сужен, сведен по существу к идее взаимосвязанности мира, и только поиск предмета во всей его полноте привел к необычному расширению рамок предмета, раздутию понятия «глобальность» до космических масштабов, что и стимулировало философское видение данного предмета. В своей категориальной схеме (см. пункт I) мы ввели философское знание в качестве предпосылочного на первом уровне развертывания понятия «глобальность». Таким образом стало возможным и не порывать с философией, и не подменять ею наше ча-

Раздел II. Иерархия категорий

стнонаучное знание, но, так сказать, *интериоризировать философию в знание о глобальности*. В этом знании философия представлена идеей общения, которая не заменяет и не может быть заменена чисто философскими рассуждениями о коммуникативной природе человека. Точно так же понимание этой идеи как витальной потребности есть лишь конкретизация философской концепции коммуникативной природы человека и философии коммуникативной деятельности, понимаемой в самом широком смысле (В. Аршинов). В этой же схеме знание философское отделено от знания методологического (что, может быть, дискуссионно), и последнее также интериоризировано в понятие «глобальность» средствами общенаучного знания. Подобное видение места философии позволяет, на наш взгляд, избежать как опасных для молодой глобалистики тесных связей с философией, так и претензий глобалистики заменить собою (или поглотить) предельно общие понятия социогуманитарной мысли. Не менее важны в том же направлении операции по выделению специфических философских предпосылок предмета глобалистики, что, собственно говоря, в свою очередь зависит от понимания предмета глобалистики. Так, в нашей версии эти предпосылки надо искать в первую очередь в идеях И. Канта, но не К. Маркса (по А. Чумакову). То есть в идеях, имевших, во-первых, совершенно иной предмет, и во-вторых, представлявших глобализацию односторонне – как процесс только универсализирующий («Манифест»). С другой стороны, наша формула глобалистики «со/раз» позволяет конкретизировать применение в этой научной сфере философских категорий целое – часть, внутреннее – внешнее, первичное и вторичное. Все эти соображения о соотношении философского и научного знания подлежат переосмысливанию, в первую очередь в русле философии науки, а точнее – постнеклассической философии, что выводит нас к проблеме современного научного знания.

III. Зарождение глобалистики происходит на переломном этапе истории научного знания, когда складывается «новая историческая формация науки» (В. Швырев) с ее постнеклассической философией науки (В. Степин). Эта ситуация, с одной стороны, затрудняет становление глобалистики, а с другой – стимулирует ее, хотя бы в силу отсутствия в этой области сколь-либо прочной научной традиции и поэтому открытой новациям научной мысли. В какой-то мере глобалистика становится тестом на эффективность этой (условно) Новой науки, более того – тестом бытия науки вообще как особой формы общественного сознания. В таком контексте глобалистика может складываться по трем основным траекториям: как новая разновидность научного знания, как ва-

Предмет и статус глобалистики

риант некоей всеобщей науки о человеке и вселенной и, наконец, как составная совокупного человеческого знания. Первая траектория реализуется так, что глобалистика выглядит нормальной или парадигмальной наукой, само рождение которой есть одновременно как дифференциация, так и интеграция (см. наше определение предмета по формуле «со/раз») или, говоря короче, продолжение исторического процесса наукогенеза. На этом пути возможны определенные развилки, например, при разделении двух направлений становящейся науки – то ли как объясняющей, то ли как понимающей (в последнем случае под сильным воздействием культурологии). Другая развилка намечается между глобалистикой как предметно-содержательной наукой и ее же обликом как науки методологического порядка. Воздействие культурологии на становящуюся дисциплину очень позитивно, придавая ее фундаментальным категориям необходимую полноту (см. пункт I), но, однако, в нынешней ситуации глобалистика становится скорее наукой объясняющей, более близкой традиции классической науки (как это отметил И. Следзевский). Проблема в этой точке бифуркации уходит корнями к вопросу о соотношении наук точных и неточных, или «наук о часах» и «наук об облаках» (по выражению К. Гачева). Представляется, что глобалистика будет двигаться, хотя и весьма неравномерно, по обоим рельсам, но при продолжении нынешнего бума гуманитарного знания может скорее обрести черты «науки об облаках». Двигаясь по второй траектории, глобалистика вырабатывает в себе качества методологического знания (см. ядро в нашей версии глобалистики). Тем самым она попадает в большую семью так называемых универсальных дисциплин или – в привычной терминологии – общенаучного знания, к которому ныне относят (А. Крушанов) не только системологию, синергетику и др., но и ритмологию, изучение циклов, симметрии, экстремологию, глобальный эволюционизм. В этом семействе универсальных дисциплин, изучающих общие признаки самых разнородных объектов, глобалистика полностью сохраняет свой предмет, каковым в нашей версии выступает диада, связующих и разделяющих феноменов. Этот вариант вовсе не исключает другого направления, где глобалистика, становясь разновидностью новой универсалистики, складывается одновременно в двух разных видах, как и в движении по первой траектории. Возможно, что как новая наука глобалистика своеобразно проигрывает в своем становлении пройденные эпохи в развитии научного знания в целом. Спорным моментом глобалистики как универсально-методологического знания остается вопрос о том, имеет ли таковое свой предмет или же лишено его в силу методологи-

Раздел II. Иерархия категорий

ческой функции (О. Румянцев). Мы же склоняемся к тому, что методологичность знания не отрицает его особой предметности как совокупности самых общих признаков, взятых вне признаков особенных и единичных.

Остановимся еще на двух фундаментальных проблемах глобалистики, имеющих прямое отношение к принципам новой постнеклассической науки: единичности или множественности данного знания и его парадигмальной организации. Разброс мнений в ответе на вопрос «Что есть глобалистика?» можно объяснять по-разному: и состоянием знания, и объективными условиями, и столкновениями различных идеологических дискурсов. Да и оценивать по-разному: то ли как недостаток, то ли как позитивное качество. За всем этим лежит коренная проблема: имеем ли мы дело с одной или со многими глобалистиками? единична или множественна эта область научного знания? Тезис множественности соответствует принципу плюрализма, утвердившемуся в современном научном знании, плюрализма как объектов знания, так и способов их познания. В то же время в современном научном знании усиливается тенденция – как реакция на онтологический и гносеологический плюрализм – к признанию однородности мира на всех уровнях материального бытия и поиску некоей всеобщей науки, или меганауки, то есть к возрождению идеала единой науки. Последний тезис сталкивается с иным утверждением, не менее популярным: «идеальной целью науки является не единство, а величайшая множественность» (Г. Хаген). Как видим, проблема науки как некоего единого целого или некоего множества весьма актуальна и возникает вопрос: насколько она актуальна для нынешней глобалистики. Литература по глобальным проблемам подтверждает реальность этой проблемы, а решение ее может быть различным. Одно из них, например, утверждая принципиальную множественность феномена глобализации, а следовательно, и множественность глобалистики, опирается на идею двух логик в этом феномене – той, что задается структурой, и той, что задается агентом (Г. Тхорнборн). Со своей стороны, исходя из формулы архетипа глобальности как всеобщей связи неоднородностей (см. пункт I), мы заключаем, что глобалистика и единична (имея предметом всеобщую связь), и множественна (имея предметом неоднородности, включенные в эту связь). Заметим, что идея однородности мира не означает признания единой науки, ибо, по меньшей мере, не исключает возможности познания этой однородности разными науками.

В рамках современной науки идея ее множественности усилена еще и тем, что современное научное знание реализуется лишь

Предмет и статус глобалистики

в соотнесенности с различными видами не- и вненаучного знания, что порождает различные гибриды – как типа научно-философских концепций, так и «кентавров», сочетающих научное и мифологическое, рациональное и иррациональное. Противоположный тезис – единой науки – ныне также популяризируется, и особенно в глобалистике, когда таковая определяется как наука о наиболее общих закономерностях развития человечества, цивилизации, а то и Вселенной (в духе концепции глобального эволюционизма Э. Янча). В этом последнем виде, на наш взгляд, есть два порока понимания глобалистики: в нем снимается собственный предмет этого вида знания и абсолютизируется единство науки, которое, на наш взгляд, если и реально, то лишь в виде своего рода *конфедерации науки, ненауки и вненауки*, где основные компоненты взаимосвязаны, а границы между ними подвижны. Сохраняется ли в этой конфедерации принцип парадигмальности науки вообще и глобалистики в частности? Представляется, что идея множественности науки и соответственно множества несовместимых парадигм лишает идею парадигмальности ее смысла (хотя ряд исследователей считает возможным рассматривать, скажем, синергетическое мышление как мульти- или межпарадигмальное). И все же неслучайно предлагается заменить это понятие иными понятиями, скажем, «эпистема», «гносеологические установки», «модели познания», «исследовательские программы» и т.д., оставив таким образом парадигмальность за рамками Новой науки и ее постнеклассической философии и провозглашая рождение не- или постпарадигмальной науки. Попытки «парадигмизировать» организацию науки опасны и тем, что сопровождаются вульгаризацией или, точнее, онтологизацией этого понятия (см. «парадигма постиндустриальной цивилизации» у Ю. Яковца вместо парадигмы научного знания о постиндустриальной цивилизации).

Если не идея конфедерации «наука-ненаука-вненаука», то представление о глобалистике как науке «обо всем» или меганауке явно стимулирует попытки вывести глобалистику из круга собственно научного знания и стремления увидеть в ней особый компонент совокупного человеческого знания (Э. Азроянц). Тем самым исчерпывается история научного знания в целом и, видимо, история глобалистики, которой в этой перспективе так и не суждено стать особой наукой. Идея совокупного человеческого знания как знания постнаучного стимулировано не только идеей «смерти науки», обосновываемой ее сверхсложностью, бесполезностью и пр. Еще в большей мере ее питают разногласия относительно специфичности научного знания, его конституирующих признаков

Раздел II. Иерархия категорий

(метод, рациональность, обоснованность). В такой ситуации понятие совокупного человеческого знания в версии Э. Азроянца плодотворно, хотя и оставляет открытым вопрос о том, как изменяются различные виды и формы познания в этой «совокупности» или, говоря точнее, остается ли здесь наука наукой, то есть знанием об объективном. И тот же вопрос может быть отнесен и к судьбе глобалистики. Э. Азроянец говорит о синкретизме совокупного знания, что предполагает возникновение здесь неких нерасчлененностей «науки-ненауки-вненауки». Не означает ли это, что совокупное знание выглядит неким подобием мифологического сознания, симметричным историческому бытию мифологического сознания? Если это так, то динамика совокупного знания выглядит как движение от его ранней синкретической формы через его дифференциацию на сознание религиозное и научное и возвращение его на новом витке к исходному состоянию, безусловно, обогащенному предшествующими формами. Очень часто для характеристики современного научного знания, и в частности того же совокупного знания, ссылаются на формирование «синтезированных» форм, включающих науку, философию, образное сознание. При этом подчеркивается, что «наука остается наукой» (С. Перуанский). Последнее заключение, кажется, расходится с идеей синтетического формообразования, которое по определению должно качественно отличаться от его составляющих.

Итак, и в концепции совокупного знания, и в концепции синтезированных формообразований рождение глобалистики как вида научного знания просто исключено. В построениях, отождествляющих глобалистику с «современной формой знания о всеобщей картине эволюционирующего мира» (С. Борзенко) и иных построениях того же типа, от глобалистики остается лишь термин, охватывающий самые различные философские и научные представления. Поэтому в нынешней ситуации нет ответа на вопрос: «Что такое глобалистика?». Исследования мировых и глобальных феноменов (и различие между таковыми дискуссионно вот уже 30 лет) оказываются ныне, как витязь на распутье: пойдешь налево – потеряешь науку вообще; пойдешь направо – получишь некую всеобщую науку; пойдешь прямо – можешь обнаружить междисциплинарную область научного знания, относящуюся к классу так называемых универсальных наук. В современную эпоху наибольший социальный спрос предъявляется на концепции первого и второго направления. Не отвергая таковых, но, опасаясь их деформации именно под воздействием повышенного социального спроса по правилам игры на повышение, мы предпочитаем срединный путь, где глобалистика выглядит компонентом

Предмет и статус глобалистики

науки в ее конфедеративной соотнесенности с другими формами знания и сознания. Кажется, что это направление не противоречит нормам постнеклассической философии науки и синергетической методологии, хотя, признаем, проблемы соотношения глобального сознания и глобалистики (см. С. Перуанский), субъекта, познающего и реализующего глобализацию, остаются здесь пока открытыми, а принципы конфедеративности далеко не прояснены. Во всяком случае, эталонность, модельность любой формы знания в ней исключены, а диалог на равных – сомнителен. Единственное, что можно сказать пока определенно, что все составные этого конфедеративного знания взаимно необходимы и поэтому (Е. Рашковский) взаимосоотносятся, а не редуцируются. Это относится и к будущей глобалистике независимо от того, что будет включать этот термин (частичную науку как вид универсального знания, меганауку, совокупное знание).

В свете такого описания состояния науки, и в частности ее глобалистской составляющей, вряд ли обосновано считать возможным преодоление трудностей современной цивилизации «только на путях дальнейшего развития науки» (Л. Баженов). Это представление явно восходит к эпохе, когда наука считалась эталонной формой культуры/цивилизации. Ныне ее позиция, а значит, и вклад в решение общечеловеческих проблем хотя и не меньше, но больше, нежели ранее, но при условии ее соотнесенности с другими формами познания.

Прорыв в категориальном анализе

На общем фоне отечественных работ по глобализации, где тональность задается философским эссе, публицистическими очерками и культурологическим кликушеством («гребаная глобализация» по К. Гачеву), книга Э.А. Азроянца «Глобализация: катастрофа или путь к развитию?» (М., 2002) отличается ярко выраженной склонностью к теоретическому осмысливанию того, что условно можно назвать глобальными феноменами. Эта тенденция в последнее десятилетие сильно проявляется в зарубежной литературе, где всесторонность и полнота подхода сочетается со стремлением выявить закономерности глобализации как таковой, ее сущность, логику и историческую динамику (см. работы, например, Р. Робертсона, У. Бека и др.). Подобный тренд прослеживается, хотя и слабее, в работах отечественных авторов, но и там, и здесь теоретизация феноменов глобальности уже дошла до попыток «освоить» таковые посредством специальных категорий или, другими словами, *категоризировать научное познание* этого объекта. Эта тенденция в научном знании о глобализации разворачивается в столкновении с другой, куда более мощной тенденцией, заключающейся в том, чтобы перенести термин (да и понятие) глобализация на самые общие параметры бытия и существования человечества или, так сказать, контекстуализировать и тотализировать (по М. Арчер) представление о глобализации. Иными словами, в этом направлении научного знания происходит явная борьба двух направлений (условно) сужающего и беспредельно расширяющего представления о глобальных феноменах. Отсюда – такая ситуация, когда, по словам И. Бартенсона, все знают, что глобализация есть реальный факт, но не знают, что она есть сама по себе. Чтобы разрешить эту неопределенность, теоретическое мышление не может обойтись без категориального инструментария, каковой наметен и в работах отечественных исследователей (например, Н. Косолапов, М. Ильин и др.) и представлен уже в развернутом виде в рецензируемой работе: сам Э. Азроянц подчеркивает, что он начинает изложение с выбора и определения категорий (с. 64). Именно на этом одном, на наш взгляд, ключевом моменте мы и остановимся ниже. Наши замечания будут излагаться по двум направлениям: первый их адресат – общая или рамочная теория, которая включает, в первую очередь, концепцию Мегасоциума; второе направление – собственно теория глобализации, то есть те категории, с помощью которых автор раскрывает сущность, характер, исторические формы этого объекта.

Прорыв в категориальном анализе

Начнем с общей или рамочной теории, в структуре которой центральная роль принадлежит теории Мегасоциума, выражающей неразделимость и целостность Человечества и планеты Земля (с. 66). Формулируя данное понятие, автор стремится избежать сведения его к чисто социологической категории, утверждая, что не существует отдельных естественных, социальных, общественных и пр. законов, но есть законы Природы (с. 189). С другой стороны, понятие Мегасоциум конкретизируется в категории организм, противопоставляемой системе (с. 190 и др.). Таким образом, понятие Мегасоциума опирается на двойное отрицание – как социо-, так и системоцентризма, и направлено полемически против абсолютизации социологизирующего и системного подхода к глобализации. Такое двойное отрицание признанных абсолютов нам кажется безусловно полезным, ибо соответствует нынешним потребностям социально-гуманитарного научного знания. И все же здесь надо задаться вопросом: насколько обоснована категория Мегасоциум и насколько таковое демаркировано от понятий и объектов социального и системного порядков. Ответ на первый вопрос кажется скорее отрицательным, ибо предмет этого понятия определен лишь в его составляющих (Человек и Земля), но не выступает ни как целое, ни как целостность – даже тогда, когда вводятся ссылки на пространство, среду, ресурсы. Другими словами, это – категория агрегативного характера и если искать ее сущность в законах природы, как предлагает автор, то здесь необходимо обратиться скорее к концепции универсальной эволюции Э. Янча. Только в таком концептуальном контексте «соединение» человека с природой и космосом придаст концепции Мегасоциума необходимую сущностную целостность. Заметим также, что выдвигая эту концепцию, автору стоило задуматься над вопросом о том, можно ли теоретически освоить такой объект, как человечество, не выходя за его пределы и искать точку наблюдения вне данного объекта. При такой постановке вопроса категория Мегасоциум и может быть переформулирована в русле идеи универсальной эволюции.

Обратимся к другой категории – Организм, призванной раскрыть специфику бытия Мегасоциума, заметив, что связь этих двух категорий не выглядит достаточно проясненной. Важнее, однако, другое: Организм несет в себе печать и социального, и системного. Эта печать заметна, ибо социум все время фигурирует в описании основных параметров организма, например, когда, автор указывает на религию как доминанту социума. С другой стороны, те признаки, по которым автор отличает Организм от системы, не выглядят отличительными, ибо не только Организму, но и Системе

Раздел II. Иерархия категорий

присущи естественность, динамизм, целеполагание (с. 190-191), а параметры Организма (элементы, связи, процессы, смыслы) вполне могут быть свойственны объектам системного класса. Поэтому отличие Организма (как включающего смыслы и процессы) от Системы не выглядит убедительным. Социальность вкупе с Системностью полностью торжествуют в своих правах, когда автор определяет исторический процесс как развитие социальной системы (с. 64). Этот тезис, противоречащий идеям как Мегасоциума, так и Организма, можно было бы принять в качестве начальной фазы теоретического исследования там, где ставится проблема, признавая тем самым, что теоретическая мысль автора идет от уровня конкретного к уровню абстрактному (Мегасциум). Нам такая последовательность разворачивания категории кажется менее продуктивной, нежели ход от абстрактного к конкретному, но главное замечание заключается в том, что в работе не выражена эксплицитно какая-то соподчиненность категории разного уровня. По существу, можно говорить о разрыве или даже пустоте между описанием исторического процесса и его же категоризацией. Как видим, рамочная или общая теория скорее представляет набор отдельных категорий, нежели некое целое.

Итак, основная слабость категории Мегасоциум заключается в ее агрегативности, суммативности, что проявляется и в описании эволюции данного организма (см. ниже). Однако эта категория предпочтительнее чисто социологических конструкций (мировое или глобальное общество), хотя бы уже потому, что она ориентирует на поиск глубинных корней глобализации и раздвигает хронологические рамки этого процесса далеко за те пределы, которые обычно определяются в дискуссиях об исторических предпосылках глобализации (Осевое время, XVI век, эпоха индустриальной революции). Даже в своем суммативном виде эта концепция позволяет связать представление о глобализации как феномене, свойственном человеку и природе, и соответственно определять ее исторические, непреходящие, но, так сказать, абсолютные, антропоприродные истоки. Что ж касается антисистемного пафоса концепции Организм, то нам представляется более полезной не эта идея, которая превращает Мегасоциум в феномен Природы, но понятие общность как антипод системы. Категория общность может характеризовать объекты слабоартикулированные, где отдельные уровни и сферы имеют сильно выраженную «свою» логику, или, говоря коротко, где есть целое, но нет целостности. К этому «классу» могут принадлежать и социумы (в отличие от тех, что определяются понятием «общество») и цивилизации, и такие мироисторические образования, как Третий (или развиваю-

Прорыв в категориальном анализе

щийся) мир; в этот «класс» входят такие виды, как конгломераты, образования суммативные, мозаичные, агрегативные. Предлагая это понятие, мы не отказываемся, в отличие от автора, от понятия система применительно к Мегасоциуму. Если в данной работе Организм есть единственная форма бытия Мегасоциума, то мы предлагаем рассматривать Мегасоциум в его эволюции не как организм, а как образование, последовательно сменяющее свое оргбытие – от общности к системности. И здесь возникает проблема нынешней, третьей оргформы, которая может представляться по-разному в зависимости от того, будем ли мы рассматривать эволюцию Мегасоциума через формулу «триады» или некую иную призму. Такая схема полезна хотя бы тем, что позволяет не отказываться от понятия системы, но и не абсолютизировать системный подход и системную теорию.

Автор вполне логично переходит от описания Мегасистемы как организма к эволюции данного образования, описание которой составляет, пожалуй, наиболее интересный и даже виртуозно разработанный раздел работы. Не будучи специалистом по проблемам эволюции, я остановлюсь только на проблеме логической последовательности авторской характеристики Мегасоциума и его же эволюции. Вкратце замечания здесь таковы: Мегасоциум как некое целое в процессе анализа эволюции видится (и это обоснованно) через отдельные единицы (фракталы) – от простейших клеточных до социального организма. Эти единицы обладают своей собственной природой и логикой, но в описании таковых мы не находим следов того целого – Мегасоциума, к которому они принадлежат, а ведь помимо своей логики они «должны» подчиняться и логике целого. Этого «подчинения» мы здесь не находим и вынуждены признать, что понятие Мегасоциум распадается на отдельные составляющие. Подобный распад или превращение Мегасоциума в ходе эволюции в нечто вроде набора матрешек, к сожалению, неслучайны и заданы описательно-агрегативным пониманием Мегасоциума. Если наше понимание предлагаемой картины эволюции верно, то остается признать, что сквозная логика в анализе Мегасоциума – от Организма к его эволюции – выглядит явно нарушенной.

Перейдем теперь от рамочной концепции к концепции глобализации, как таковой, которая сформулирована автором очень продуктивна в двух пунктах: сущность глобализации и ее антиномичность, а также в описании механизмов эволюции Мегасоциума, которые могут быть, на наш взгляд, применены не только в рамках рамочной теории, но и непосредственно к осмыслению глобализации. Его понимание сущности глобализации четко и лаконично: это есть целевая функция исторического процесса, за-

Раздел II. Иерархия категорий

ключающаяся в достижении предельной целостности социальной системы (с. 64). Коротко говоря, глобализация есть цель этого исторического процесса (с. 65). Можно и должно согласиться с тем, что глобализация есть функция, реализующая целостность и отличная от функций, скажем, развития, изменения, трансформации. Но далее возникают вопросы: целостность чего? социальной системы? Однако таковая кажется поглощенной понятием Мегасоциум. Сомнительно, что можно рассматривать глобализацию как цель исторического процесса, тем более, что целеполагание автор связывает с идеей разума. Наконец, имеет ли смысл говорить о предельной целостности, поскольку в этом случае определяется целостность планетарного масштаба, но исчезают исторические формы той же целостности, складывающиеся в других пространственных масштабах. Это означает, что глобализация в своем исходном, антропоприродном виде как бы поглощает свои собственные исторические формы, которые, кстати, сам автор выделяет, указывая на разные исторические типы глобализации. Тезис антиномичности сильно подрывается тем, что автор отождествляет целостность и целое или – в его терминах – глобальность и глобализацию, когда он говорит о глобальном как целом и глобализации как предельной форме целого (*целостности*) (курсив наш. – М.Ч., с. 63, 66). Такое отождествление делает ненужным введение двух разных терминов: это имело бы смысл лишь при условии, что термин глобализация характеризует процесс, а глобальность – «продукт» или структуру, рождающуюся в этом процессе. Нам представляется, что *понятия целое и целостность необходимо развести*, как это делается, например, в системной теории, где целостность признана одним из параметров целого. Правда, остается открытым вопрос о том, насколько это разделение двух категорий приемлемо для организмической формы бытия Мегасоциума. Приняв, что целое и целостность различимы в объектах любого класса как системного, так и несистемного, можно определить целое как такое бытие объекта, где он в своей единичности (*openess*) отличен от других объектов. Понятие же целостность характеризует лишь одно измерение объекта – его когерентность или связанность. Наше намерение заключается в том, чтобы опираясь на авторское понимание глобализации как функции целостности, отделить это понятие от понятия целого в любом его виде, в том числе, и в том, каком предлагает автор (Мегасоциум). В результате этой «операции» глобализация или глобальность выглядит одной из тенденций, свойственных историческому развитию социума, который имеет свой «продукт» или свою структуру, отличную от структуры Мегасоциума. Предлага-

Прорыв в категориальном анализе

емое нами суженное толкование глобальности, хотя и продолжает линию, намеченную в работе, но при этом придает ей необходимую последовательность, ибо только так мы можем демаркировать предмет этого понятия от его Большого референта (Мегасоциума, Цивилизации, Развития и пр.), и только при этом условии изучение глобальных феноменов получает шанс стать особой, предметной областью научного знания.

Другой очень важный момент в авторском понимании глобализации заключается в акценте на антиномичность глобальных феноменов во всех их параметрах и во всех их проявлениях. Соответственно этому тезису мы могли бы (в отличие от автора) не противопоставлять понятие глобализации двум другим понятиям – интеграция и дезинтеграция, но рассматривать две последние категории как конкретизирующие антиномичность глобализации, избегая при этом терминов интеграция и дезинтеграция в силу их тривиально политической нагруженности. Кажется очень удачным авторское определение глобализации – несколько под иным углом – как процесса «...собрания в целое разных» (с. 65). Эта формула дает нам основание видеть в понятии глобализация (или точнее – глобальность) выражение единства двух разных процессов, соединяющих и разделяющих, унифицирующих и различающих (всеобще-обыденные) свойства отдельных компонент целого (того же Мегасоциума). Заметим: несовпадение «(раз)деления» и «(раз)личения», что опущено в авторской формуле, не компенсируется ссылками на механизмы дифференциации. Это определение содержательно родственно тому описанию центробежных и центростремительных процессов, которые даны в работе А. Лима-де-Фариа, цитируемую автором. Мы имеем в виду различие этих процессов по параметрам обмена энергией со средой, упрощения и усложнения структуры, однородности и разнородности, утраты частей и их присоединение (с. 205). Если к этому содержательному определению глобальности в ее антиномичной природе добавить указание на различные механизмы, организующие Мегасоциум вроде специализации, кооперации, комбинации (с. 209), то мы получим достаточное представление о структуре глобальности или о глобальности как структуре. На такой основе проблема глобализации предстает как воспроизводство баланса и дисбаланса различных компонент ее структуры, соединяющих и разъединяющих данное целое, как отбор и выбор вариантов этого целого. Например, собирание гомогенности и собирание гетерогенности, что выводит теорию к общественно-политической практике.

Такая полнота знания несет в себе и опасность, поскольку указанные антиномичные процессы и механизмы воспроизводят стру-

Раздел II. Иерархия категорий

ктуру не только глобальности как таковой, но и структуру ее контекста – Мегасоциума. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой демаркации глобальности и «контекста», теории глобальности и разных теорий контекста, их общего проблемного поля и в то же время, на наш взгляд, различных сфер компетенции. К сожалению, признаем, что мы не ощутили в работе беспокойства по поводу зыбкости этих демаркационных линий, что можно объяснить, видимо, воздействием на автора общего климата, царящего в глобальных исследованиях, климата, задаваемого антиглобалистскими настроениями. Если таковые видят глобализацию как нечто тотальное и внешнее, чуть ли не абсолютное зло, то этому видению резонируют в научной мысли идеи, растворяющие глобальность в предельно общих понятиях.

Сила этих воздействий ощущается по мере того, как автор переходит от теоретических конструкции к описанию реальности, где феномены глобальности почти лишаются своей, ранее теоретически провозглашенной антиномичности. Особенно это заметно в разделах, характеризующих неравенства современных мировых отношений: в их изображении сохраняется лишь одна доминанта, утверждающая неравенство, и нет иной – кооперативной, пусть и недоминирующей стороны этих отношений. Для такого однозначного видения есть предпосылки не только общественно-го характера, но и в теоретизировании автора о Мегасоциуме, когда выделяются разные способы его организации – как иерархические, так и поточно-сетевые. Если первые предполагают иерархию, а значит, и неравенство, то вторые отрицают иерархичность, а их воздействие на неравенство остается непроявленным так, что можно предполагать, что поточно-сетевое устройство может привести к размыванию по меньшей мере полярных неравенств. Однако дело не только в несоотнесенности разных типов оргустройства Мегасоциума, но и в том, что остается полностью за скобками проблема сущности так называемых глобальных отношений. Они определены в своей первичной, антропоприродной форме, но не в своих исторически содержательных аспектах, в том числе и в том виде, какой они обретают в современную эпоху кризиса цивилизации и Мегасоциума. В предельном виде проблема глобальных отношений и неравенства обозначена так: генерировано ли неравенство самими этими отношениями, или же они имеют вторичный характер, будучи производными от природы Мегасоциума? В работе мы не находим, понятно, ответа на этот вопрос, но что гораздо хуже – здесь нет и постановки этой проблемы. Путь к решению этой проблемы уже намечен, когда некоторые исследователи (П. Бэрш) подчеркивают, что трудно установить «вклад»

Прорыв в категориальном анализе

глобализации в основные беды современного мира, а другие (У. Бек) считают, что просто невозможно вычлениить негативные последствия глобализации из общей массы самых различных противоречий. Тем самым намечается путь к определенной «разгрузке» ответственности, возлагаемой на глобализацию и ее последствия (см. работы Г. Дилигенского, Г. Шахназарова). Со своей стороны, выскажем предположение такого рода: может быть, имеет смысл ограничить глобализацию проблематикой различий, выведя за скобки этого процесса и за сферу компетенции теории глобальности проблему неравенства, что не лишит феномены глобальности присущей им – по автору – антиномичности, но лишь сузит проблемное поле изучения этих феноменов.

Вернемся к исходному вопросу: что значит рецензируемая работа для исследования глобальных проблем – сдвиг или прорыв? Если сдвиг безусловен и в первую очередь виден в специальных категориях, то полного прорыва, пожалуй, не последовало: предложенные категории недостаточно точны, не соподчинены и не демаркированы внятно от рамочной теории. Тем не менее, выражаясь военной терминологией, прорыв намечен: введя целый ряд новых понятий, автор тем самым создал плацдарм для дальнейшего теоретического осмысления глобальных феноменов. На таком плацдарме открывается возможность углубления теории глобальности, что возможно в нескольких направлениях. Во-первых, и необходимо, и возможно ввести единое, общее и сквозное понятие глобальность, охватывающее разные параметры этих феноменов и включающее знание различных типов и уровней абстракции. На этом пути базовое понятие «глобальность» раскрывается последовательно через идеи общения (философский уровень), основных начал бытия, сознания и жизнедеятельности (общенаучного знания) и исходную категорию «архетип» на уровне уже частнонаучного знания. Последняя в свою очередь разворачивается через ряд категорий, соподчиненных иерархически по принципу движения от абстрактного к конкретному. Таким образом, вторая задача, подлежащая решению, «заключается в создании системы категорий, конкретизирующих базовое понятие «глобальность». Особая роль в решении этих задач, как мы считаем, должна быть отведена категориям архетип и генотип (генокод?) глобальности, содержание которой может быть адекватно выражено формулой «всеобщая связь неоднородностей». Это определение вытекает из философского понимания понятия глобальность как жизненной потребности человечества в общении, что вполне соответствует интенции автора выводить исходное глобальное отношение (связь) из единства человека и Земли.

Раздел II. Иерархия категорий

Рассмотренная работа позволяет извлечь не только позитивные, но и негативные уроки для формирующейся теории глобализации. Важнейший из таких негативов видится в том, что тенденция в плане гносеологическом растворения теории глобализации в более широких представлениях и тенденция к онтологической тотализации понятия глобальность остаются достаточно сильными и даже доминирующими. Преодолеть эти тенденции, можно лишь демаркируя теорию глобализации или «текст» и теоретическое осмысление «контекста», но разрывая связи обоих направлений теоретико-научной мысли. Говоря коротко: *демаркация без разрыва* – таков девиз в понимании баланса этих двух направлений исследовательской работы. Основываясь на этом принципе, мы можем рассчитывать на то, что глобалистика найдет свое место в среде других социально-гуманитарных дисциплин, сможет размежевать сферы компетенции с этими дисциплинами и определить то, чем она не должна заниматься. В данной работе эта цель далеко не достигнута (судя, в частности, по тому, что сфера глобалистики здесь еще сильно перекрывается сферой исследования международных отношений), но заложен фундамент для освоения этой проблематики по принципу «каждый возделывает свое поле», что, на наш взгляд, осуществить очень трудно, но и необходимо, и возможно силами современной постнеклассической науки.

Категории как средство познания

Такой вывод можно сделать, ознакомившись с работой известного немецкого социолога Ульриха Бека «Что такое глобализация? Ошибки глобализации – ответы глобализации» (М., 2001). Что делает ее особо ценной, так это стремление автора найти логику развития и динамику глобализации (с. 53) или развитие глобализации по ее «собственной логике» (с. 102), с одной стороны, и осмыслить эту проблематику посредством ряда организующих категорий (с. 52) – с другой. Тем самым в дискуссиях о глобальных проблемах и о глобализации¹, длящихся два, а то и три десятилетия был, наконец, найден действительный фокус и намечен адекватный способ познания глобальных феноменов². Усилиями У. Бека восстанавливается в своих правах категориальное мышление, подорванное в климате «конца науки». Хотя подобные настроения и обоснованы в силу ограниченности классического научного знания ныне становится все более ясным тот факт, что научное познание стремится сохранить свою специфичность и в русле так называемой постнеклассической или Новой науки³. Работа немецкого ученого позволяет не терять преемственности научной мысли даже тогда, когда она сталкивается с такой совокупностью разнородных проблем, которые называются термином глобальные. Освоение этой темы крайне затруднено ее восприятием общественным сознанием, где глобальность, по словам Бека, – кажется громадным, внешним, подавляющим все (с. 92), нечто вроде известного нам образа «Чудище обло, озорно, стозевно...». В силу такого восприятия вокруг этой проблематики сгустился туман мифов, идеологем, дискурсов, туман, не развеянный поныне (с. 20) и превративший само понятие глобальность в пустоту (с. 42). В немалой степени научное познание такой «туманности» тормозится реальной ситуацией в современном мире, где старые порядки разрушаются быстрее, нежели складываются основания нового строя (с. 45).

Беку удалось совершить действительный, а не мнимый Большой скачок (познание собственной логики глобализации средствами категориального мышления), базируясь на ряде предпосылок. Среди них важнейшими предстают: освоение накопленного в этой области знания теоретического опыта; использование широкого круга дисциплин и обращение к методологии современного научного познания. Он опирается на концепции таких известных англоязычных авторов, как Р. Робертсон, М. Олброу, А. Аппадурай, упустив, правда фундаментальные труды М. Кастельса. Его исследование опирается на материалы самого широкого круга дисциплин –

Раздел II. Иерархия категорий

от социологии и политологии, от экономических исследований до культурологии, а выход к социологии с культурологической ориентацией (см. ниже) придает его работе не только много-, но и междисциплинарный характер. Отказываясь от традиционного, ортодоксального метода классическо-социологического мышления или шире – национально-государственного мышления с его принципами детерминизма, однозначности, линейности, стадиальности, замещения, он опирается на принципы вероятности, многозначности познающего субъекта. Отсюда – его анализ феноменов глобальности, исходя из единства их противоречивой природы, единства, понимаемого не только по формулам «и...и», «не только, но и...», а также по принципу соединения воедино того, что считается несоединимым (с. 56, 100). И это «дает» ему глобальные феномены не только в их всеобщей, в том числе унифицирующей ипостаси, но и в аспекте их разнородности и разнокачественности. Такое видение действительно взрывает проблемное поле (с. 60), в котором доминировало монокаузальное мышление, основанное преимущественно на экономическом анализе. Подобный подход особенно актуален для нынешней отечественной глобалистики, которая лишь начинает проникать во внутренне-разнородную природу глобальных феноменов и с трудом признает их объективную данность, а не только идеологическую заданность. Иными словами, работа немецкого исследователя вполне приходится «ко двору».

Итак, можно говорить о тройном вкладе Бека в изучение глобальных феноменов: мы имеем в виду постановку вопроса о собственной логике глобализации, ее решении средствами категориального познания и на принципах современного – постнеклассического – научного знания. Все это, безусловно, стимулирует трансформацию разнородного и разнотипного знания (условно) о мировых и глобальных феноменах в особую отрасль научного знания – глобалистику. Нет возможности в одной рецензии охватить даже самые важные аспекты этого исследования. Поэтому мы оставляем в стороне разбор таких тем, как понимание общества Модерна, специфика современного капитализма, роль и характер государственности в современную эпоху, наконец, сам социологический профиль работы, ибо все это требует специального внимания. Мы же ограничиваемся лишь (!) вопросами логики и методологии научного познания, а говоря точнее, проблематикой его так называемых организующих категорий. Поэтому и наши оценки работы носят по необходимости частичный характер.

Рассмотрим последовательно каждую из основных категорий, а затем и их набор в целом, а также связки между отдельными категориями. Аппарат Бека включает 5 оргкатегорий: глобализм,

Категории как средство познания

глобализация, глобальность, нежелательные побочные эффекты и категорию глокальность, заимствованную из работ Робертсона. Однако первая из этих категорий – глобализм, строго говоря, не входит в научный аппарат, ибо призвана характеризовать особую идеологию. Категория такого назначения, безусловно, необходима, ибо тем самым модели и стратегии глобализации отчленяются от научного знания, что образует мировоззренческую предпосылку научного познания. Эта категория продуктивна и тем, что Бек указывает на связь глобализма с монокаузальным, однозначным мышлением, свойственным особенно экономическим наукам. Эффективно и расширение категории глобализм, которая включает идеи, как утверждающие мировой глобальный рыночный порядок, так и отрицающий его в виде различных разновидностей протекционизма – зеленого, красного, черного (с. 24). Последнее включение убедительно демонстрирует сущность антиглобалистской идеологии как негатива неолиберального глобалистского проекта. Полезен и совет Бека задуматься над тем, почему общественное сознание столь легко усваивает однозначное и особенно – негативное восприятие глобальных феноменов (с. 81). Как видим, в аппарате научного познания остается лишь четыре категории, но поскольку две из них производны (глокальность и нежелательные побочные эффекты), то весь аппарат по существу сведен к двум базовым оргкатегориям, что далеко недостаточно, но, безусловно, необходимо. Мы сосредоточим далее внимание в первую очередь на этих базовых категориях, а затем – на категориях производных.

Категория «глобализация» характеризует процесс, в ходе которого складывается сеть самоподдерживающихся связей и различных социальных пространств (с. 28). Глобализации свойственны противоречия двух видов – те, которые возникают с подключением национальных государств к паутине транснациональных акторов, и те, что возникают при взаимодействии локальных культур и рождении третьих культур (с. 26-28). Говоря коротко, глобализация по Беку выглядит как процесс, созидающий плотную многомерную ткань из взаимных переплетений и обязательств, образуемую транснациональными связями (с. 166). Это хорошее описание скелета глобализации, но достаточно ли подобного описания для понимания сущности (природы, содержания) данного процесса? Кажется, что Бек нам предлагает обобщение типа эмпирической генерализации, безусловно, полезное, но требующее дотройки или, вернее, надстройки (см. ниже). Его изображение, заметим, продуктивно уже тем, что содержит не только феномены объективно-данного порядка, но и активность субъекта, характеристику которого, на наш взгляд, имеет смысл разместить в отдельной нише теорети-

Раздел II. Иерархия категорий

ческого анализа (см. ниже). На этом уровне возникает и некоторая терминологическая неясность, связанная с взаимозаменяемостью терминов глобальность и транснациональность. На наш взгляд, было бы полезнее развести эти категории, рассматривая транснациональность как момент, аспект глобализации со своими пространствами, тем более, что и у Бека транснациональная форма поставлена в ряд с другими вариантами и пространствами – интернациональным, макрорегиональным, внутринациональным и пр. (с. 123). С этими вариантами (а также с над- и субнациональными регионализмами) Бек связывает многозначность глобализации, уводя тем самым «многозначность» с уровня сущностного на уровень конкретности. Связь глобализации и этих пространственных вариантов недостаточно прояснена, поскольку автор считает, что глобализация или сама «поощряет» данные феномены, или же таковые порождены «эффектом маятника». В этих характеристиках проявляется потребность теоретически артикулировать различные *функции глобализации*, выделяя, например, функции поощрения или стимуляции, порождения и сведения воедино различных аспектов мировых связей. Все эти моменты присутствуют в работе, и есть необходимость лишь придать им статус особого понятия (функции глобализации).

Более существенна уже упомянутая проблема многозначности глобализации или (что не совсем совпадает с первым термином) ее многоаспектность. По Беку, множественность проистекает не только из «эффекта маятника», но и наличия «своей» логики в каждой из «сфер мировых отношений» (с. 48). Последний аргумент теряет силу, поскольку автор, кажется, не принимает идею сферического членения мирового социума. Проблема плюральности имеет, однако, и более глубокий смысл, ибо за ней скрывается понимание множественности как параметра то ли сущности глобализации, то ли проявления этой сущности. Эти два аспекта смешиваются и терминологически, когда говорится о глобализации экономической, политической и пр., с одной стороны, и о глобализации в той или иной «сфере» – с другой. В первом случае мы имеем дело с множественностью как сущностной чертой самой глобализации, а во втором – с множественностью ее реализаций. К сожалению, привычная терминология (многоаспектность, многомерность и пр.) маскирует указанное фундаментальное различие в плюрализме данного феномена.

При всех этих замечаниях мы полностью согласны с автором, когда он констатирует, что связи в ходе глобализации создают новое качество (с. 63). Это новое качественное состояние характеризуется им через категорию глобальность и, конкретнее, концеп-

Категории как средство познания

цию мирового общества, заимствованную у М. Олброу. Для нас важен, однако, не сам факт заимствования, а *отождествление* глобальности с подобным мировым социальным образованием. Говоря точнее, Бек выделяет два мировых общества: то, что создано транснациональными образованиями с «их» государством, и то, что создано национальными государствами и/или обществами (с. 168). В силу подобного разнообразного состава, добавляя к этому культурную гетерогенность (см. категория глокальность), мировое общество фрагментировано, дезинтегрировано, ибо лишено некоей общей государственной инстанции. Такое описание ставит под вопрос представление об этом социальном образовании не только о как некоем целом, но и как о *целостности* (взаимосвязанном, когерентном целом). По Беку, целостность дана процессом глобализации, а целым, то есть единичным, выступает сам мировой социум. Если целое не интегрировано и в то же время взаимосвязано, то налицо противоречие в содержании двух оргкатегорий – глобальности и глобализации. Бек разрешает это противоречие блестящей формулой «невзаимосвязанная взаимосвязь» (с. 148-149), построенной на его методологическом принципе «соединение несоединимого». Подобное определение, первая часть которого дается категорией глобальность, а вторая – категорией глобализация, отражает, видимо, глубинное противоречие между двумя параметрами глобальных феноменов – структурным и процессиальным. Однако тут же возникают сомнения: можно ли описанное выше мировое общество адекватно характеризовать как структурное или системное образование? Не имеем ли мы дело с образованием аструктурным и асистемным?

Предположение о «принципиальной» (нормативной) несистемности мирового общества отчасти опровергается указанием Бека на уже достигнутый ныне уровень степени интегрированности этого социума. Однако тем самым не снимается, на наш взгляд, основная неясность в характеристике мирового общества, а именно: задано ли его нынешняя состояние – аморфность, фрагментированность, отсутствие единства и пр. – ситуацией, переходностью, или же это есть «норма» воспроизводства данного образования? Неясность не снимается и тогда, когда Бек говорит о том, что в этом социуме само отклонение есть норма, ибо при этом утверждении мы можем лишь отказаться от идеал-типической модели мирового общества (с ее жестким разделением нормы и отклонения), но не получаем представления о логике воспроизводства и динамике этого мирообразования. Внесем ясность в нашу критику: мы вовсе не против концепции мирового общества⁴, даже если она не имеет пока достаточно теоретического основания, но мы против лишь (!) отожде-

Раздел II. Иерархия категорий

ствления глобальности с мировым обществом, а глобализации – с его важнейшими процессами, будь то процесс всемирного передела богатства, власти, суверенитета и пр. (с. 168-169) или процесс концентрации и централизации, капитала, власти, информации и пр. (с. 94). Подобное тождество означает, что оба базовых понятия растворяются в их более широком контексте, так сказать, контекстуализируются⁵ становятся синонимом и знаком современного миросостояния. Против такого видения, присущего массовому сознанию, выступал Бек, но оказался сам поражен тем, что он назвал «вирусом глобальности».

Сведения к контексту можно было бы избежать, если рассматривать глобализацию и глобальность лишь как один параметр (пусть и важнейший) современного бытия человечества, параметр, понимание которого все же не может быть, как признает сам Бек, универсальным ключом к пониманию всех современных реалий⁶. Когда глобальность понимается как мировое общество, возникает и противоречие между этим понятием и категорией «глобализация». Чтобы снять это противоречие формулы Бека («несвязанная взаимосвязанность») здесь тоже недостаточно, ибо мы не знаем, как воспроизводится несвязанность или почему связанность поражает несвязанность. Мы могли бы принять это определение как характеристики двух разных параметров (см. выше) одного общего феномена. Однако для такого предположения необходимо ввести дополнительную категорию, обобщающую, объединяющую и опосредующую те категории, которые характеризуют отдельные параметры общего феномена. Иными словами, на стыке обеих базовых категорий ощущается потребность категоризации более высокого уровня, нежели уровень эмпирических генерализаций.

Категория «глокальность», также заимствованная (из Р. Робертсона, и из словаря японских менеджеров), характеризует – по Беку – образования, представляющие собой смесь несовместимых компонентов, не ограниченных определенными пространственными и временными рамками, но не лишенных местоположения, а открытых вовне. Поскольку они обладают – по Беку – локально-всеобщей природой, то тем самым снимается противопоставление Универсального и Локального в «сфере» Культуры (в широком смысле), да и сведение Культуры к локально-различному. Все эти позитивы реализованы в комбинациях Универсализма и Партикуляризма, что также представляется вкладом Бека в культурологию в целом, а не только в изучение глобальных феноменов. Для понимания же таковых важно, что «глокальность» выступает как конкретизация обеих его базовых категорий, а не только глобализации, как это считает Бек (с. 154). Эта категория получает в рабо-

Категории как средство познания

те ученого вполне оригинальное основание, поскольку она базируется на идее особого, инклюзивного способа включения в мир культур и социума локального порядка. Это включение противоречивое и далеко не обязательно унифицирующее. Такой способ включения Бек справедливо считает особенной чертой мирового общества (или общества второго модерна) с его разнообразием при отсутствии единства в отличие от общества первого модерна, где единство сочетается с ограниченным разнообразием и так называемым эксклюзивным различием. Подобная методологическая новация позволяет Беку преодолеть распространенные трактовки локальности то ли как традиции (в теориях модернизации), то ли как эпифеномена современности (миросистемный подход И. Валлерстайна), и объяснить парадоксальное сочетание растущей взаимосвязанности и бума локальных идентичностей. Важно и то, что на основе все того же инклюзивного различия понятие глокальности применяется автором не только к культурам. И все же данная оргкатегория также нуждается в некоторых уточнениях, ибо остается открытым вопрос о теоретическом статусе глокальных и других «единиц» мирового общества, в первую очередь транснациональных образований: равноположены ли они или же предстают как первичные и вторичные образования, являются ли они образованиями, так сказать, нормативного или ситуационного порядка? Противоречиво понимание соотношения глобальности и локальности: в одном случае они описаны как параллельные феномены (с. 192), а в другом глокальность определяется как аспект глобальности (с. 91). Сомнителен и синтезирующий – по автору – характер этой оргкатегории, поскольку ее референты выступают, как правило, скорее в виде симбиотических, конгломеративных, синкретических, нежели синтетических образований. Было бы, на наш взгляд, полезно сопоставить глокальные и гибридные формы, роль которых оживленно дискутируется культурологией и социологией. При всех достоинствах этой оргкатегории в ней смешаны, а точнее, погашены различия глобализации и глобальности, и тем самым усугубляется тот недостаток, который мы назвали выше контекстуализацией глобальности.

Смешение различий двух базовых категорий еще более сказалось и в последней из ряда оргкатегории – *нежелательных побочных эффектов* глобализации. Само выдвижение подобной категории, несомненно, позитивно, поскольку она предполагает разделение глобализации как причины и ее же последствий, а также различение следствий побочных и основных, желательных и нежелательных (позитивных и негативных). Предложив такую категорию, Бек указал и на ее прямую связь с глобальными рисками, ко-

Раздел II. Иерархия категорий

торые выглядят следствием или проявлением указанных эффектов и являются характерной чертой мирового общества или так называемого общества риска. Последнее (как и мировое общество), однако, вновь как бы поглощает уже не собственно глобализацию-процесс, но ее эффекты, судя потому, что Бек отрицает существование глобальных опасностей как таковых на том основании, что они перемешаны *«до неузнаваемости»* (курсив наш. – М.Ч.), «нагружены социальными этническими и национальными конфликтами» (с. 80). Этот вывод просто перечеркивает все усилия автора категориально осмыслить феномены глобальности и даже делает их бесполезными! Оставаясь на уровне реальности, где нет глобальных рисков как таковых, Бек занимает довольно нечеткую позицию и по такой острой проблеме, как «глобализация – мировое неравенство». В отличие от точки зрения З. Баумана, который видит в неравенстве результат глобализации (с. 170), Бек скорее подчеркивает качественную новизну этого неравенства, отличая его от пролетаризации XIX–XX веков (с. 171), или же указывает на иные возможные последствия глобализации. К последствиям такого рода он относит, например, возможность смягчить насилие (с. 193) и «омолодить» политику (с. 197), а реализацию таких последствий связывает с политико-институционально фантазией акторов (с. 214). В принципе Бек идет и дальше, указывая на возможности сохранения и обновления традиции национальной государственности и понимая глобализацию как процесс, отличный от того, где игра идет с нулевым результатом, что свойственно капитализму. Последнее означает противоречивость его взгляда на мировое общество как специфическую разновидность капитализма. Представляется, что, описывая последствия глобализации, Бек отходит от своего метода, предполагающего «совмещение несовместимого», или, вернее, применяет эту формулу лишь (!) на уровне практически-политическом, что разрывает логическую связь между категорией «эффектов» и базовыми категориями, которые к тому же потеряли свои различия при описании мирового общества. Все это означает, на наш взгляд, что межкатегориальное содержание⁷ (с. 52) стало не столько амбивалентным (в отличие от оргкатегорий «внутреннее» и «внешнее», построенных по национально-государственному принципу) но скорее невятным и даже тавтологическим.

Разбор оргкатегорий и связок между ними показывает, что они представляют ограниченный и весьма нечеткий набор отдельных категорий. Бек, стремясь их систематизировать, намечает иерархизацию этих категорий, помещая глобализацию и глокальность на уровень более высокий, а глобальность – на уровень, более жестко привязанный к реальности (с. 154). Эта иерархизация

Категории как средство познания

вызывает вопросы, относящиеся, во-первых, к последовательности соподчинения базовых категорий и, во-вторых, относительно того места, которое занимают в этой иерархии категории производные – глокальность и так называемые нежелательные последствия. Требуется обоснования выбора в качестве исходного пункта категории глобализация, а не глобальность и их референтов – процесса и структуры, ведь вполне можно обосновать и обратную последовательность.

Как видно, набор категорий, предложенный в работе Бека, далек и от полноты, и от системности, а поэтому решение сверхзадач, им же поставленных – выявить логику и динамику глобализации как таковой – этими средствами просто невозможно: инструментарий не адекватен поставленным задачам. Тем не менее, даже если данный инструментарий и не удовлетворителен, то способ решения задач – категоризация – продуктивен, и мы можем продолжить начатую Беком категоризацию теоретического знания о глобальных феноменах.

Первый и основной шаг в этом направлении видится в введении *обобщающего или сквозного* понятия глобальность (*globalité, globality*), которое призвано охватить важнейшие параметры глобальных феноменов (процесс, структура, субъект), но не разом, а последовательно, через иерархию отдельных категорий, каждая из которых получает свой уровень, предмет и обладает своей силой обобщения. Такая конструкция включает знание разнородное – философское, методологическое (общенаучное) и конкретно-научное (о глобальных феноменах), строится – как и у Бека – по принципу возрастающей конкретности. Это общее понятие (глобальность) раскрывается на уровне частнонаучного знания через специальную категорию, которой нет у Бека: условно – архетип (генотип? код? базовый образ?) глобальности, содержание которой есть всеобщая связь неоднородностей. Такая исходная частнонаучная категория позволяет раскрыть обе разные стороны базового понятия (глобальность) и ту, что связана с феноменами соединения, всеобщности и конвергенции, с одной стороны, и ту, что означает разъединение, различие и дивергенцию. Введя эту категорию (архетип глобальности), мы получаем возможность решить задачи, поставленные в работе Бека. То есть определить, во-первых, *сущность* глобальности как баланса указанных выше сторон или, коротко, двух механизмов – соединения и разъединения – в эволюции человечества; во-вторых, *логику* глобальности как процесса воспроизводства и сбалансирования, взаимодополняемости обоих этих механизмов; в-третьих, *динамику* глобальности как процесса усложнения обоих механизмов, и в особенности при возрастающей

Раздел II. Иерархия категорий

роли субъекта/индивида. Категория «архетип» полезна и тем, что, соединяя глубинные (антропологические) основания и исторические формы глобальности, она тем самым преодолевает аисторичность схемы Бека, в которой глобальность сведена к ее новейшей, современной разновидности. Наконец, наша конструкция очерчивает предмет глобалистики как единства соединительных и разъединительных механизмов и тем самым стимулирует трансформацию разнородного знания о мировых и глобальных феноменах в особую область научного знания (глобалистика).

Чтобы реализовать эти сравнительные преимущества нашей схемы, надо, однако, изменить сам жанр научного знания, которое у Бека остается социологическим, хотя сам автор признает проблематичность понятия общества в применении к его предмету и обращается к новым категориям («общность»), а в ряде случаев, связывая глобальность с «формами жизни», выходит, как представляется, за пределы и социоцентризма, и социологоцентризма⁸. Последний выход особенно заметен, когда он подчеркивает не только необходимость культурологической ориентации социологического знания, но и *«эталонную» роль культурологии в научном знании*. Исходя из этих замечаний, мы склонны строить иерархии категории на основе не социологического, но – условно – интегрального подхода, полагающего глобальность как единство социального, природного и духовного.

Движение мысли Ульриха Бека глубоко противоречиво: сосредоточив все внимание на глобальных феноменах современной эпохи, он потерял их глубинные корни и даже ближайшие исторические прецеденты. Обоснованно разделив глобализацию и интернационализацию, он разорвал связи между двумя историческими разновидностями глобальных феноменов; подчеркивая многомерность и многозначность глобальности, он не разделил множественность сущностей и форм их проявления. Отделив глобализм (идеологию) от категорий глобализация и глобальность, он утопил две последние в мировом социуме и в итоге смешал обе категории в так называемых нежелательных последствиях. Выводя знания о глобальных феноменах за пределы социологии, он по-прежнему ограничивает эту тему проблемами социальности и общества. Одним словом, «подняв знамя борьбы» с представлениями о глобализации как нечто громадном, внешнем, как о Великом целом и универсальном ключе познания, он остался в плену этих стереотипов, поскольку не выявил глобализацию и глобальность как особые и частичные, пусть ныне и важнейшие, аспекты современного бытия и сознания человечества. Его недостатки и поражения стоят, тем не менее, многих побед, ибо его усилиями процесс категоризации на-

Категории как средство познания

учного знания о глобальных феноменах все же пошел. Не будем, однако, чересчур оптимистичными, ибо этот способ познания – даже не как абсолютный, но один из многих и необходимых иных способов – вряд ли ждет скорое и единодушное признание.

Примечания

¹ Первые относятся к 1970-м годам, вторые – к 1980 – 1990-м.

² Объединим тематику обоих этапов дискуссий.

³ РГНФ: Обсуждение книги В.С. Степина «Теоретическое знание». Материалы «круглого стола». 1 июня 2000 года // Науковедение. 2000. № 3. С. 7-47.

⁴ Что требует разбора этой концепции. См.: Бек У. Общества риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

⁵ Не только в том смысле, что обуславливаются социально-культурным контекстом (как часто обозначается этим термином).

⁶ Другое дело, что это состояние в значительной мере определяется «фактором» глобализации, что оправдывает расхожий термин «глобальная эпоха».

⁷ Здесь, впрочем, как и в ряде других мест, перевод кажется не достаточно точным: ведь речь идет не о «межкатегориальном содержании», но о содержании, раскрываемом через набор ряда категорий.

⁸ Чего не заметно в тексте автора послесловия (А. Филиппов).

«Акупунктура» для отечественной глобалистики

На рубеже XX–XXI веков, со сменой режима власти в России, обозначился и поворот в восприятии российским общественным сознанием процессов и феноменов глобализации – от отчуждения и полностью негативной оценки к осторожной открытости, базирующейся на понимании, если не позитивности этого процесса для России, то его необходимости и даже императивности. Этот поворот только обозначился, он далеко не закреплён в российском не только массовом, но и в элитарном сознании. В определенной мере его закрепление зависит от научного освоения феноменов глобализации, что в свою очередь было стимулировано наметившимся поворотом и вылилось даже в бум отечественной литературы, изучающей феномены глобализации. Основное, что было достигнуто за последние два-три года, – это отношение научного сообщества к глобализации как объективной данности; оно явно потеснило различные теории «заговора», охвативших воспаленное воображение отечественных митрофанов, этих вполне реальных наследников литературных героев М.Е. Салтыкова-Шедрина.

Это изменение в восприятии научной общественностью глобальных процессов опирается в меньшей мере на традиции отечественной глобалистики, восходящей к 1970-м годам, и в большей – на разработки последних десятилетий. Подобные заделы, однако, с трудом соединяются в одном русле в исследованиях глобальной проблематики, ибо в первой волне при изучении так называемых глобальных проблем упор делался на идеи пределов развития и «выживания» человечества, а в работах второй волны, особенно начала 1990-х годов, акцентировалась взаимосвязанность и целостность современного мира.

Если на первом этапе в глобалистике доминировали философы и экологи, то на втором этапе инициатива переходит к представителям различных частнонаучных дисциплин, что сопровождается потерей интересов к философскому и общенаучному осмыслению всей этой проблематики. Поэтому нынешняя отечественная глобалистика в новом, уже более благоприятном для нее общественном климате сталкивается с задачей конституирования *своей единой научной традиции*, что сделать непросто, и для этого необходимы, возможно, усилия в духе «переключения гештальта» (сознания). Эта задача затруднительна для представителей и философии, и частнонаучного знания, и науковедения. Если даже некоторые философы готовы свести глобализацию к конкретным феноменам эпохи

«Акупунктура» для отечественной глобалистики

информационной революции, то частнодисциплинарное знание, воспроизводя свои фрагментарные изображения глобализации, отказывается от поиска ее фундаментальных корней, видя в таковых бесполезную – в лучшем случае – игру абстракций.

В такой ситуации имеет смысл выявить важнейшие «болевые точки» отечественной глобалистики в том ее виде, в каком она представлена работами рубежа веков. Предпринимая такую попытку, мы постараемся уяснить, каким предстают мир и человечество в целом в отечественной глобалистской литературе, оставляя в стороне присущее ей стремление понять глобализацию в первую очередь через призму того, что она дает для России и что Россия дает для нее. Безусловно, этот угол зрения чрезвычайно актуален, но он подвержен старой российско-советской болезни, заключающейся в том, чтобы объять весь мир, растворить его в себе (как некогда говаривал М. Гефтер). Поэтому мы и выбираем другой, «обходной» ракурс – идя не от России к миру, но от мира к России. Определяя «болевые точки», имеет смысл следовать логике самой формирующейся глобалистики, которая развивается преимущественно не как системно-определенное направление, но исторически. С другой стороны, в этих «болевых пунктах» концентрируется и проблематика глобалистики как вида научного знания, и отражение в ней реальных процессов глобализации, ее структур, механизмов, субъектов.

За последнее десятилетие в процессе становления отечественной глобалистики выделялись следующие «болевые точки». Первая из них обнаруживается на стыке теоретического освоения общих проблем бытия и сознания человечества в современную эпоху, с одной стороны, и феноменов глобализации – с другой. И в этом пункте анализ состояния глобалистики не отделим от понимания глобальных явлений. Вторая точка возникла в связи с осмыслением природы глобализации, и в частности ее исторического измерения – определения ее исходного пункта, этапов, особенностей современной фазы и перспектив. Третья точка проявилась сравнительно недавно и стимулирована антиглобалистскими движениями: она связана с пониманием внутренних противоречий глобализации или так называемого глобального парадокса; наконец, две последние по времени выявления «болевые точки» проявляются в начавшемся обсуждении как различных способов построения общей теории глобализации, так и возможностей ее операционализации, то есть выхода на уровень практического применения. Выделяя основные «нервные узлы», необходимо фиксировать и «болевые ощущения», или, говоря иначе, осознать не только проблематичность решения тех или иных проблем теории глобализации, но и появление точек бифуркации в ходе движения исследовательской мысли.

Раздел II. Иерархия категорий

В ареале *первого «нервного узла»* актуальной остается демаркация глобалистики как отрасли научного знания и различных форм обыденного и «ложного сознания» так же, как и вычленение предмета глобалистики из различных теоретических схем, характеризующих состояние человечества в современную эпоху. Так, необходимо отделить глобалистику от ее наукоподобных версий, присущих массовому сознанию, творимому масс-медиа, например таких трактовок глобализации, которые сводят специфику этого процесса или к его масштабам (глобальное–мировое–глобальное), или к очевидностям, лежащим на поверхности, точнее, проявлениям или предпосылкам глобализации (глобализация как информатизация и создание единого мирового финансового рынка¹). Заметим, что в этих проявлениях, однако, нащупывается подлинная структура глобализации, хотя и преломленная обыденным сознанием. Не меньшие искажения вносятся в глобалистику, когда таковая отождествляется с той или иной идеологией – неолиберализма, гегемонизма, глобального капитализма. Однако даже в этих формах ложного сознания можно обнаружить научно-продуктивные зерна, например, когда глобализм понимается (В. Максименко) как некий компромисс либерализма и коммунизма², за которым стоит и новая социально-историческая реальность. Последняя раскрывается в различных теоретических описаниях современного состояния человечества, состояния, которое можно считать контекстом глобализации. Нет смысла разбирать здесь многочисленные интересные конструкции такого рода, важнее выделить основные позиции, на которых строится видение контекста.

Одна из них – социоцентрическая, сводящая контекст к объектам социального класса, особенно тех, что укладываются в социально-экономические (глобальный капитализм) и мирополитические схемы и соответствуют теории международных отношений³. Другая позиция – культурно-центрическая, задающая видение мира через призму взаимодействия различных цивилизаций (реже – мировой или универсальной цивилизации⁴) с явной ориентацией на их духовно-культурную составляющую. Наконец, третью позицию можно определить как позицию интегрального видения, постулирующую, что человечество есть единство социального, природного, духовного и является частью Универсума. Она представлена в концепциях Э. Азроянца⁵, О. Побоя⁶, М. Чешкова⁷, Ю. Яковца⁸. Все эти подходы и концепции полезны тем, что вводят изучение глобализации в мир планетарных наук, как бы сигнализируя о конечности (скорее теоретической, чем реальной) планетарно-человеческого этапа (условно) глобализации и отвечая на вопрос «Что после глобализации?». Этот вопрос обоснован, коль

«Акупунктура» для отечественной глобалистики

скоро мы ищем начало глобализации и не применяем здесь формулу шестидесятников («Нет у революции начала, нет у революции конца»). С другой стороны, некоторые из этих концептуальных построений настолько широки, что в них растворяется феномен глобализации и предмет глобалистики. Тем самым они или погружают глобалистику в энергоинформационное поле Вселенной или работают в режиме, сходном с массовым антиглобалистским сознанием, для которого глобализация тождественна современному миру, отражая все его пороки. В этом пункте «болевое ощущение» относительно слабо, хотя сам по себе этот «нервный узел», где понимание контекста и глобализации чуть ли не сливаются, крайне важен для становления глобалистики. К сожалению, приходится констатировать, что здесь не ощущается бифуркации, разделяющей представления о целом и его части (в отличие от той точки, которая четко определилась при сопоставлении глобалистики и ложного сознания).

Если важно разделить представления о контексте и ложное сознание от рождающейся глобалистики, то еще важнее вычленив глобалистику из этого мирознания. Здесь мы вступаем в зону *второго «нервного узла»*, где основной нерв – определение понятия глобализации и ряд категорий, раскрывающих сущность феноменов глобальности. Хотя некоторые исследователи считают, что само это понятие одно из наиболее неясных, нам представляется, что дело не столько в неясности, сколько в множественности значений, и особенно в отсутствии соподчиненности его разных смыслов. Заметим, что этот недостаток связан с недостаточным ясным выделением данного понятия из описания «контекстов». Тем не менее, наиболее общее толкование данного термина, предложенное покойным Г. Шахназаровым, кажется весьма полным: глобализация означает или реализует три потребности: во взаимопонимании, общении и объединении (в род, племя, государство, нацию, мировое сообщество⁹). «Болевая точка» в понимании сущности глобализации возникает лишь тогда, когда эта потребность объясняется или как свойство человечества (и человека), или же как характеристика социального бытия и сознания человечества, его истории.

Первая позиция¹⁰ пока не получила широкой поддержки, и она даже отвергается на том основании, что якобы приводит к отвлечению научной мысли от проблем глобализации на ее нынешнем этапе. Возражение, конечно, не самое сильное, но за ним стоит необходимость соотнести широкое (условно-антропологическое или интегральное) видение глобализации с ее историческим измерением. Подобную соотнесенность можно представить, если принять, что глобализация есть процесс, корни которого лежат в природе чело-

Раздел II. Иерархия категорий

веческой общности, определяемой взаимодействием трех начал – социального, природного и субъектно-деятельностного¹¹), где глобальность и есть необходимая соотнесенность этих начал. Эта архетипическая, и поэтому потенциальная, глобальность разворачивается исторически в процессе глобализации, обретая различные организационные формы (интернационализация, транснационализация) и пространственные конфигурации.

Соединение «антропологического» и «исторического» позволит определить истоки, этапы и прецеденты глобализации, историческое измерение которой оказывается предметом острых дискуссий. Так, начало глобализации относится к разным эпохам: то к индустриализму и рубежу XIX–XX веков и шире – современной истории, то к последним десятилетиям XX века и даже чуть ли не к середине 1990-х годов¹². Если определение начала процессов глобализации составляет действительную трудность для ее теоретического решения, то разногласия относительно периодизации вполне решаются с выделением различных эпох, стадий и фаз глобализации, признанием волнообразного, циклического характера этого процесса с его приливами и отливами, прогрессом и откатом.

В зоне данного «нервного узла» («природа глобализации») за последнее время определилась еще одна точка, где понимание сущности данного процесса страдает от недостаточной обоснованности общего представления. Речь идет о так называемом парадоксе глобализации¹³, то есть представлении о ней как совокупности разнонаправленных процессов, порождающих разнородные структуры. Проблематичность этой ситуации состоит в следующем: неясно, является ли такая разнородность внутренним свойством глобализации, или же она вторична, производна от противоречий контекста, то есть присущи ли разнородность и противоречивость лишь контексту, а не самой глобализации? Особенно плохо то, что проблемность данного параметра глобализации слабо ощущается, а ведь от его понимания зависит «ответственность» глобализации за феномены мирового неравенства и мировых различий. Иначе говоря, открыт вопрос: генерирует ли сама глобализация эти неравенства, или же их генерирует контекст, а она их расширяет, умножает и пр.? Генерирует ли сама глобализация тенденции унификации и разнородности, или же они заданы контекстом и пр.? Ответы на эти вопросы тем более важны, поскольку массовое антиглобалистское сознание списывает все на глобализацию, делая из нее *символ мирового неравенства*. Чисто логически решение этой проблемы может быть двояким: или надо признать «нейтральность» процесса глобализации, который служит лишь механизмом передачи внешних к нему противоречий, или же признать

«Акупунктура» для отечественной глобалистики

противоречивость этого процесса и его структур, будь они первичными или вторичными по отношению к его контексту. В любом случае обоснование парадокса глобальности еще предстоит. Заметим также, что в описании этого парадокса речь идет не только о противоречиях, но и о различиях, которые в ходе глобализации и нивелируются, и воспроизводятся, питая и гомогенизацию, и гетерогенизацию возникающих здесь образований и тенденций, и ведут к неким идентичностям (всеобщей и локальным).

Такое понимание проблемы различий позволяет смягчить акцент на гомогенизацию (особенно присущий экономистам, хотя и не только им), а также преодолеть представление о глобализации как процессе, исключающем разнообразие, и размежеваться с идеологией неolibерализма, постулирующей унификацию ценностей. К сожалению, в этих описаниях отечественная глобалистика иногда ставит знак равенства между различиями и противоречиями в духе «борьбы цивилизаций» (по С. Хантингтону). В то же время заметно и обновление старой центрo-периферической схемы деления мира, ибо противоречие Север – Юг не рассматривается как основное членение в контексте становления информационного общества¹⁴. В целом в этой «зоне» не только возникают точки бифуркации с их альтернативными позициями, но и намечаются различные способы определения траекторий разнонаправленных движений.

Выявление внутренней противоречивости глобализации дает основание поставить вопрос о вариабельности этого процесса, который в то же время выглядит безальтернативным. Возникает возможность преодолеть традиционное альтернативное сознание, связать проблему субъекта с вариабельностью как свойством глобализации. Здесь мы вступаем в зону *третьего «нервного узла»*, сложившуюся сравнительно недавно и в значительной мере под влиянием активности контрсубъекта глобализации – в виде различных социальных движений антиглобалистского толка. В этом пункте лишь начинается исследование связи и субъектов, и контрсубъектов с различными вариантами глобализации, ибо эти варианты пока представлены скорее декларациями или же пафосом отрицания глобализации вообще. Здесь уже четко видна точка бифуркации, разделяющая взгляды тех, кто акцентирует объективность глобализации, и тех, кто видит глобализацию как процесс если не творимый, то формируемый его субъектами и контрсубъектами. Эти альтернативные позиции далеки от согласования, хотя такая возможность намечена в идеях, характеризующих глобализацию как не управляемый, но направляемый (что ранее подчеркивалось Н. Моисеевым) процесс.

Раздел II. Иерархия категорий

Импульсы в этом направлении идут также из сферы изучения международных отношений, когда стыкуется (А. Мельвиль, М. Лебедева) изучение объективных процессов и политических сил¹⁵. На наш взгляд, такой анализ обесценивается социоцентрическим видением мира и человечества. Можно надеяться, что в ходе начавшейся дискуссии по так называемым антиглобалистским движениям¹⁶ активная роль субъекта (агентов, акторов) в ходе глобализации будет существенно уточнена, тем более что в зарубежных исследованиях системная динамика данных процессов не только дополнена динамикой акторов, но обе они понимаются как переменные факторы в глобальной системе и глобальном обществе.

Еще две зоны обнаруживаются не столько в дискуссиях о глобализации как объективно данном процессе, сколько в знании о ней, то есть в структуре самой глобалистики как области научного знания, находящейся в стадии становления. Хотя здесь так и не поставлен вопрос об уровне теоретической абстракции, адекватном предмету данной отрасли знания, и не установлены приоритеты в отборе познавательных моделей, все же в ареале конструирования этого знания видно достаточно четкое размежевание позиции. Один путь построения глобалистики и ее теории намечен в рамках отдельных частнонаучных дисциплин, а другой — через надстраивание над ними слоя общенаучного и даже философского знания¹⁷. Ничто, однако, не мешает строить это знание разными способами или идти одновременно, как советовал в свое время председатель Мао, на двух ногах. Такое сочетание позволит выйти и на уровень операционализации, где сейчас явно возникает «болевая точка». Она настолько обострена практическими потребностями, что создает впечатление, будто разработка этих проблем — дело «практических специалистов»¹⁸, хотя бы в силу так называемой «невменяемости большинства теоретиков», ограниченных узкоотраслевыми рамками¹⁹. Этот антитеоретический настрой питается стремлением к простоте научного познания («ослепительной простоте»²⁰), что вполне понятно как реакция на крайнюю сложность изучаемого объекта. Впрочем такую же тенденцию можно обнаружить и в союзе некоторых представителей исторической теории и синергетики, что, может быть, свидетельствует о наступлении какого-то нового этапа в научном познании общественных феноменов.

Лучшим способом лечения болезни антитеоретизма может быть как раз разработка наддисциплинарного видения глобализации, скажем, в ее отношении к проблеме «глобальное — локальное». Таковая, как правило, видится как оппозиция целого части,

«Акупунктура» для отечественной глобалистики

и глобальность отождествляется с целым («тотальностью», или, по-нашему, – контекстом). Видимо, полезно уточнить, что категории глобализации (процесс, структура, субъект) располагаются в несколько иной плоскости. Понимая глобализацию как всеобщую и разнородную связь, можно заключить, что данное понятие скорее опосредует отношения целого и части так, что делает целое – целостным (взаимосвязанным, когерентным), включая части в целое не прямо, непосредственно, но косвенно – через целостность. И по-другому: глобализация преобразует целое-единичное в целое-множественное. Короче говоря, глобализация (глобальность) есть не столько особый уровень (тем более – целое), сколько особая сфера целого, конституированная всеобщей и разнородной связью. Представляется, что такое видение нетривиально и достаточно сильно, чтобы охватить эту проблематику в отдельных ее узкодисциплинарных решениях.

Составленная карта «болевых точек» не содержит рецептов излечения болезни, но дает общую картину состояния отечественной глобалистики, помогая в какой-то мере диагностировать состояние этой молодой отрасли научного знания, так же как и выбрать тот или иной метод «акупунктуры». Для совершенствования особенно важно выделение тех пунктов, где не произошла бифуркация, и тех, где при возникновении бифуркации намечены возможные траектории движения теоретической мысли. Очевидно, что сейчас в России глобалистика только становится на ноги, и своеобразная «акупунктура» может облегчить переход этого знания, с характерной для него исторической логикой становления, на логику системную, а также может дать толчок к построению идеальных моделей и даже стимулировать переход самого процесса глобализации от экстенсивного развития – к интенсивному.

Примечания

¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина. М.: ИНФРА-М, 2000.

² Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Том 4. № 4. С. 88.

³ Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001.

⁴ Там же.

⁵ Междисциплинарный семинар по проблемам глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 2-3.

⁶ Диалог и взаимодействия цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век / Под ред. Ю.В. Яковца. М.: МФК, 2001. С. 375-382.

Раздел II. Иерархия категорий

- ⁷ Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. М.: Центр конвертируемого образования МОНФ, 1999.
- ⁸ Диалог и взаимодействия цивилизаций Востока и Запада. С. 186-196.
- ⁹ Проблемы глобализации // Pro et Contra. 1999. Том 4. № 4.
- ¹⁰ Чешков М.А. Указ. соч.; Глобальный мир. Клуб ученых: Материалы постоянно действующего семинара. Выпуски 1—8. М.: Новый век, 2001.
- ¹¹ Чешков М.А. Указ. соч.
- ¹² Практика глобализации: игры и правила новой эпохи.
- ¹³ Мегатренды мирового развития.
- ¹⁴ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи.
- ¹⁵ Мегатренды мирового развития.
- ¹⁶ Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.
- ¹⁷ Глобальный мир. Клуб ученых: Материалы постоянно действующего семинара. Выпуски 1—8. М.: Новый век, 2001; Проблемы глобализации: Материалы международного исследовательского проекта. Т. 7. М.: Горбачев—Фонд, 2001.
- ¹⁸ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. С. 16.
- ¹⁹ Там же. С. 18.
- ²⁰ Там же.

Не альтернатива, но варибельность

Таков вывод, который, на наш взгляд, надо сделать, рассматривая все феномены критического восприятия глобализации и в первую голову сознание и практику так называемых антиглобалистских движений (АГД), отвергающих глобализацию в целом. Этот вывод верен, если согласиться с определенным пониманием данного процесса, имеющего своим архетипом необходимую взаимосотнесенность основных начал бытия, сознания и деятельности человечества на всех уровнях его существования, включая отношения с природой и Вселенной. Понимаемая таким образом глобализация имманентна человечеству и его природе и, следовательно, в этом смысле есть процесс безальтернативный. Последнее не означает отсутствие вариантов в структуре этого процесса: напротив, его имманентность, если так можно сказать, по существу варибельна. Доказать тезис о внутренней варибельности глобализации невозможно, ограничиваясь лишь анализом субъекта (агентов, акторов, «сил») «глобального социального спектра», как это сделано в статье А. Вебера¹. Напротив, этот тезис доказуем лишь при определенном понимании природы (или сущности) глобализации или, как выражается А. Вебер, глобализации «как таковой». Задача научного познания, и в первую очередь глобалистики как его отрасли, заключается в том, чтобы уяснить причины, генераторы этой варибельности, разделив последние на те, что лежат в природе самой глобализации, и те, что составляют структуру человеческой общности. Без такого деления осознание глобализации лишается своей научной основы и легко превращается в ту или иную форму ложного сознания (будь то глобализм или антиглобализм).

Мы заранее декларируем свое понимание глобализации, чтобы были ясны те позиции, из которых исходит наша критика критики глобализации. Непосредственная тема дискуссии – не глобализация, как это считает С. Перегудов². Но она такова, что позволяет выйти к пониманию существенных проблем глобализации не обычным путем – от изучения структур, процессов, отношений (или объективно данных параметров этого процесса) и от научного осознания такового различными дисциплинами, но исходя из субъектов этого процесса. Понятие субъект, правда, здесь используется весьма широко и включает не только тех, кто творит глобализацию, но и тех, кто критически воспринимает ее, то ли отвергая, то ли, стремясь создать «свою» глобализацию (мондиализацию).

Мы не останавливаемся на характеристике этих субъектов и контрсубъектов (сравни: элита и контрэлита), не разбираем их раз-

Раздел II. Иерархия категорий

личные формы (институционализированные и неформальные), различных агентов и акторов, но концентрируем внимание на сознании всех этих разновидностей субъектов. Речь идет о *протестном сознании*³ и его носителях, то есть о понятии более широком, нежели те категории, которыми обычно характеризуют подобные движения: антисистемные, альтернативные или диссидентские. Субъекты вообще и субъекты протестного сознания в частности давно стали важным сюжетом социологии сознания и познания: достаточно указать на идеи Э. Гидденса, Ж. Атали (полилог), М. Фуко (дискурсивное мышление), А. Нанди (критический диалог) и др. Подобные концепции позволяют взглянуть на глобализацию как на процесс, не просто заданный объективным порядком или даже им сверхдетерминированный (в терминах Л. Альтюссера), но как на процесс творимый, созидаемый, подлежащий не только историческому проектированию, но и социальной инженерии, не только конструируемый, но и деструктурируемый.

В отечественной литературе подобный подход наметился ранее при изучении альтернативных движений (Э. Баталов, И. Савельева, О. Яницкий и др.), характерных для начального периода глобализации и зарождения глобалистики, но ныне он используется слабо, разве что за исключением исследований по развивающимся странам (в работах, например, Е. Рашковского). Поэтому в нынешней познавательной ситуации субъектный метод и его категории не могут, к сожалению, стать основным средством изучения глобальных процессов. Однако вполне реально другое: исходя из представлений носителей протестного сознания, реконструировать их видение глобализации в целом, и в первую очередь их понимание альтернативности этого процесса; сопоставить данные представления с теми, что уже выработаны глобалистикой, и тем самым проверить как «научность» взглядов этих агентов, так и «практичность» академических обобщений этой тематики. При таком сопоставлении особенно важно уяснить, насколько контрсубъекты и научная общественность разделяют представления о глобализации, да и о современном мире в целом. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы воспроизвести *образ глобализации, создаваемый контрсубъектами*, и сопоставить его с тем образом, который предлагается нынешней глобалистикой. Акцентируя полезность субъектного подхода, мы, конечно, понимаем, что таковой не может претендовать на полноту изображения; он требует дополнений, совмещений и корректировки через «обычный», научный метод познания, исходящий из сложной субъект-объектной зависимости.

Протестное сознание контрсубъектов, осмысливающих глобализацию, имеет несколько слоев или уровней: на первом из них

Не альтернатива, но варибельность

предметом является глобализация в целом, а на втором – поиск ее антитезы и преодоления. Если первый слой образует своего рода почву (подпочву?) протестного сознания, или область его подсознания, то на втором уровне мы имеем дело с артикулированными формами представлений о глобализации. На первом уровне глобализация отождествляется с хаосом или катастрофой, несущими не только вызовы, но и угрозы самому существованию человечества. То есть она мыслится как сосредоточение всех бед современного человечества и/или как синоним его нынешнего бытия – так называемого «человеяника» (А. Зиновьев).

В подобных представлениях глобализация растворена по существу во всех противоречивых феноменах общечеловеческого и мирового развития, растворена настолько, что создается образ глобализации как существующей «во всем и везде», и возникает впечатление, что все бытие чуть ли не тождественно глобализации. Поскольку же глобализация и ее проявления оцениваются сознанием контрсубъектов негативно, то она предстает как воплощение Абсолютного Зла. Подобное представление есть не что иное, как возрождение тотального (и даже тоталитарного) сознания, обретающего признаки сознания, даже не столько религиозного, сколько мифологического. Парадоксально, но подобное сознание присуще не только контрсубъектам, но и субъектам, творцам глобализации, которые свое видение этого процесса строят на его отождествлении с неолиберальной моделью, воплощающей Абсолютное Добро. Эти базовые признаки протестного (под)сознания, присущие, впрочем, и его антагонистам, важно специально фиксировать, ибо тотальность и мифологичность воспроизводятся в значительной мере и на артикулированном уровне протестного сознания! Эти качества в свою очередь препятствуют вычленению и в научном сознании того, что отличает глобализацию от других аспектов существования и эволюции человечества⁴.

Сознание контрсубъектов существенно артикулируется, когда глобализация не просто отвергается в целом, но и предпринимается поиск или альтернативы этому процессу или варианта, альтернативного господствующей (*mainstream*) модели глобализации. Эту ситуацию можно сравнить с общим пониманием проблем развития (*development thinking*), где традиционный поиск «другого развития» (*another development*) сочетается ныне с идеей отрицания развития (*alterative to development*), что, кстати, сигнализирует о глубинной связи этих двух тем, далеко не полно осмысленных глобалистикой и поэтому по старинке сводимых в духе социоцентризма к так называемому мировому (*international, world*) развитию⁵.

В нашем случае протестное сознание в своем артикулированном виде ищет и альтернативу глобализации, и «другую глобали-

Раздел II. Иерархия категорий

зацию», равно-мыслимые как качественные трансформации мира. Так, глобальному неолиберальному капитализму или же его неолиберальной модели либо неолиберальной стратегии противоплагается «другая глобализация», основанная на неосоциалистическом порядке⁶. Эти идеи призваны преодолеть кризис традиционного альтернативного мышления, и в какой-то мере его преодоление намечается, когда «качественная трансформация» мыслится как цивилизационный сдвиг или описывается в терминах теологических («спасение»). Первое из этих направлений протестного сознания нуждается не только в углублении собственно «цивилизационных исследований», но и в разработке целостного видения мира (в духе, например, идей П. Сорокина и его интегративного подхода по Ю. Яковцу). Второе направление – теологическое, требует усилий методологического порядка для увязки с секулярным мироведением, хотя их соединение может быть удачным, по И. Валлерстайну, даже для описания современной переходности. Однако, пожалуй, чаще всего качественная трансформация мира обретает в этом сознании вид все той же идеи социальной революции, которая черпает свою силу в противоположении не капитализму вообще, но капитализму в связке с глобализацией. Встает вопрос: насколько реалистична эта альтернатива и как антитеза, и как преодоление отрицаемого порядка в условиях современного взаимосвязанного мира?

Представляется, что система мировых взаимосвязей, сложившаяся за последние десятилетия, настолько сложна, что ее развитие посредством социальной революции может быть просто катастрофическим, губительным, учитывая и опыт того, что возникает в результате подобных сдвигов. Если социальная революция была адекватным способом развития при переходе от аграрного к индустриальному строю в условиях относительной автономности частей мироцелостности и перепадов уровней развития этих частей, то ныне этот способ не кажется эффективным и продуктивным и с точки зрения процессов глобализации, и с точки зрения миробития человечества в целом. Человечество вступает в эпоху, когда вырабатывается строение сверхсложного порядка, что предполагает растущую автономность отдельных сфер отношений и активизацию индивидуальной активности (по Э. Морену). Если учесть, что мироцелостность такого рода *конституирована связями*, а не составляющими ее элементами непосредственно, то есть является полисистемой, то преобразование такого целого через социальную революцию просто *исключается* интересами выживания человечества, что, увы, не исключает ее реальности, ибо сверхсложность означает и сверххрупкость, сверхуязвимость так называемого общества риска.

Не альтернатива, но вариабельность

Одновременно сверхсложность этой системы и особенно активность индивида открывают широкие возможности для поиска субъектами и контрсубъектами глобализации ее самых неожиданных вариантов – и эмерджентных, то есть не заданных исходными условиями, и субъективистских, и волюнтаристских. Если соображения о сложности глобальных связей и человеческого мегасоциума в целом обоснованы, то идеи альтернативы глобализации и альтернативной (другой) глобализации кажутся, по меньшей мере, утопиями, а их носители выглядят аналогами не революционеров прошлого века, а скорее – луддитов, или носителями каких-то новых разновидностей бунтарских – как массовых, так и верхушечных движений.

Эта характеристика субъектов протестного мышления вовсе не означает, что их сознание и деятельность не имеют под собой почвы. Напротив, для них, очевидно, существуют вполне реальные основания, а именно: глубокие противоречия, которые проявляются в ходе глобализации в виде столкновения различных тенденций – углубления неравенства и попыток его смягчения, включения в нее новых пространств и масс, тенденций к исключению, унификации и активизации различий и т.д. Например, глобализация, с одной стороны, усиливает центр-периферическое членение мира, но с другой – та же глобализация существенно изменяет структуру данного отношения. Таковое не только усложняется в результате появления центров на периферии и признаков периферии в центре, а также активизации связующих и промежуточных звеньев между этими двумя структурными позициями, но размывается сама четкость этого мирового отношения. Его границы, вернее, границы двух полюсов, становятся подвижными, оба полюса встраиваются друг в друга, усиливается значение обратного воздействия периферии на центр, в силу усложнения всех этих связей возникает возможность изменения периферийного статуса крупных развивающихся стран. Если к этому добавить расшатывание самого принципа центризма, а, значит, и «Противоцентра» (по В. Пантину), в построении мировых отношений, что, подчеркнем, не связано с глобализацией или, по меньшей мере, не создается ею, то можно полагать, что глобальная взаимосоотнесенность со своей прежней, центр-периферической формой существенно трансформируется.

Сходные сдвиги вносит глобализация и в процессы унификации (иногда неточно: универсализации) составляющих мироцелостность образований: как *всеобщая* система связей глобализация действительно несет эту тенденцию, но, будучи в то же время системой усложняющихся взаимодействий и их «продуктов» (см. глокальность, фрагментативность), она создает возможность выражения локальных идентичностей всех типов, причем не только в виде

Раздел II. Иерархия категорий

их реакции на унификацию. Точнее, такая возможность порождена не глобализацией, но спецификой локальной культурно-исторической почвы, а глобализация может лишь гасить, либо стимулировать локальную почвенность.

В идеале глобализация предстает как такая взаимосвязанность, которая в принципе соотносит различные идентичности, связуемые общими правилами поведения, а не соотношением их локальных сущностей (essence) или «самостей». Короче говоря, речь идет о совокупности внутренних противоречий, называемых «парадоксом глобализации» и заключающихся в столкновениях – в ходе этого процесса – разновекторных движений, разнокачественных и разнопорядковых образований и идентичностей. Протестное сознание даже в его артикулированном виде нередко отождествляет *различия с противоречиями* и легко переводит первое во второе. Впрочем так же мыслят неолиберальные субъекты глобализации, когда рассматривают цивилизационные различия как причину глубоких цивилизационных столкновений.

В протестном сознании все негативные стороны глобализации целиком объясняются ее собственной природой, ибо глобализация понимается (см. подсознание) как процесс, который именно и порождает эти противоречия. Научное же сознание предполагает различие того, что *создается* глобализацией, и того, что генерируется не ею, находится *вне ее «компетенции»* или же производно от общемирового контекста. Иначе говоря, и критика протестного сознания, и задачи научного сознания концентрируются в таком вопросе: есть ли *глобализация сама по себе генератор отмеченных выше мировых неравенств и противоречий*, или же она выполняет иные роли? Без ответа на этот вопрос мы вернемся в сферу подсознания (протестного) с его образом глобализации «всё и во всём»⁷ и с абсолютизацией как ее пороков, так и ее достоинств. Или ограничимся констатацией того, что глобализация «виновата» не во всех бедах бывшего Третьего мира⁸.

Говоря более конкретно: можно ли считать, что именно глобализация, а не что-то иное создала центрo-периферическое неравенство, что именно глобализация нивелирует локальные идентичности? Что именно глобализация дискриминирует ряд локальных социумов, оттесняя их на обочину мирового общения, и тем самым исключает из интеграции в мировое сообщество? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы *«реабилитировать» глобализацию*, сняв с нее те обвинения, которые формулирует протестное сознание и особенно АГД. Эта реабилитация не распространяется на другие аспекты глобализации, которая (и тут мы вновь исходим из своего понимания этого процесса) играет роль особого механизма

Не альтернатива, но вариабельность

(или механизмов). Они и переносят мировые противоречия и налаживают их друг на друга, создавая тем самым дополнительный эффект неравенств и унификации. Коротко говоря, глобализация действует как *передатчик*, *мультипликатор* мировых неравенств и их *стимулятор*, своего рода допинг, но не *генератор* этих феноменов в контексте всемирного процесса перераспределения богатства, власти и действий (У. Бек).

Приведем конкретный пример: глобализация обычно отождествляется с господством мировых финансов и, например, слияние банков мирового масштаба аналитики прямо связывают с глобализацией. Однако слияние, то есть концентрация и централизация, банков этого уровня порождена логикой развития финансового капитала, а не глобализацией, которая активизирует и разворачивает эту «естественную» логику. Напротив, с позиции АГД, глобализация тождественна мировым финансам и поэтому выглядит как следующая логике этого капитала и, следовательно, как процесс, легко растворяющийся в мифологеме господства финансов над другими формами капитала⁹. Вместе с тем надо подчеркнуть и противоречивость самой глобализации, которая может играть роль своего рода транквилизатора, скажем, создавая возможности для деполаризации центрo-периферического отношения и сбалансированности так называемого глокального отношения (глобальное – локальное). Именно эту внутреннюю противоречивость глобализации упускают ее критики радикального толка, склонные видеть современные процессы и структуры как однозначные. Подчеркнем: внутреннюю противоречивость глобализации нельзя вывести в духе философии эссенсализма из ее некоей неизменной сущности (*essence*). Подобный элемент (или архетип) здесь, хотя имеется, но он же воспроизводится в постоянно изменяющемся балансе взаимодействий различных субъектов, что и дает основание видеть «сущность» глобализации как взаимодействие различных субъектов в рамках «глокальных» (Р. Робертсон, У. Бек) отношений.

Наша критика, как видно, разделяет идею так называемого глобального парадокса, которую игнорируют АГД. Однако и эта формула, на наш взгляд, явно недостаточна. Необходимо задаться вопросом, что есть эта парадоксальность – свойство самой глобализации (как структуры взаимодействий), или же оно задано мировым и общечеловеческим контекстом? Возможно и такое решение: парадоксальность есть свойство глобализации, но свойство вторичное, производное или контекстуальное.

Эти вопросы и предположения не есть чисто академическое размышление, ибо поиск ответа на них помогает уяснить глубинные основания вариабельности глобализации, вариабельности, ко-

Раздел II. Иерархия категорий

торую протестное сознание скорее предполагает, чем обосновывает, поскольку заменяет ее идеей альтернативности в духе традиционного альтернативного мышления. Скорее эта парадоксальность (или внутренняя противоречивость) – свойство контекстуальное, то есть вторичное, производное от параметров и противоречий мегасоциума (термин Э. Азроянца) или даже – в нашем понимании – человечества как единичного (*openess*) целого и целостного (через глобализацию) антропоисторического образования.

Социально-экономическая сторона противоречий, присущих мирообразованию в его новом виде, достаточно хорошо описана в теориях информационной экономики, информационных общества и цивилизации – от Д. Белла и П. Друкера до Ю. Васильчука и В. Иноземцева. В соответствии с этими теориями основным средством производства здесь становится знание, интеллект, а главным продуктом – не вещное, но интеллектуальное и духовное богатство. Правда, специфика противоречий, присущих мегасоциуму, далеко не ясна: попытки отечественных системников 1970 – 1980-х годов полярно развести противоречия глобальные и социальные были непродуктивными: к тому же и сейчас они нередко понимаются через призму противоречий, присущих индустриализму и капитализму, как если бы речь шла о классовых и иных социальных противоречиях, что дает основание определять АГД без колебания как *социальное* движение.

Не выявлена здесь и специфика отношений отчуждения, которые либо опять калькируются с капитализма, либо в принципе снимаются со ссылкой на неотделимость предмета собственности (интеллект) от производителя (М. Делягин и др.). На наш взгляд, социально-экономическая природа мегасоциума вряд ли может быть осмыслена и в терминах «способа производства» (вещного богатства), а тем паче не может быть понята в рамках капиталистического способа производства.

Конкретные описания информсоциума отечественными неомарксистами (А. Бузгалин и др.) позволяют видеть мегасоциум скорее как *посткапиталистическое* общество, которое складывается ныне в варианте, определяемом гегемонией мирового *финансового капитала или глобальных корпораций* (М. Делягин и др.) в коалиции с их союзниками (ТНК, часть мировых институтов). Иными словами, здесь *капитал существует уже за пределами капиталистического способа производства* аналогично тому, как он существовал за его пределами в докапиталистических обществах. Отсюда – иная, новая природа противоречий, среди которых центральным, на наш взгляд, (вслед за М. Эпштейном) становится то из них, в котором индивид отчуждается от реальности (и наоборот).

Не альтернатива, но варибельность

Трудно сказать, что может быть реальной альтернативой этому новому историческому порядку с его отчуждением, но во всяком случае – не (нео)социализм: это – или утопия или плохой вариант индустриализма. Скорее всего, теоретически, эту альтернативу надо искать в глубоких трансформациях личностного уровня, где всечеловеческие качества укореняются в различных локальных почвах (*soil*), а не в оппозициях социальных конструкций, снимаемых в процессах совмещаемого развития (по В. Алтухову). Во всяком случае, не разорвав тождества «глобализация-капитализм», вряд ли можно понять начало этого нового бытия человечества. Да и воздействие глобализации на капитализм в рамках данного тождества остается неясным, когда, например, у А. Вебера говорится о глобализации капитализма, глобализирующихся силах капитализма, неолиберальных силах глобализации. Необходимо, видимо, поставить вопрос: «цивилизует» или «варваризует» глобализация капиталистический общественный порядок? В какой мере это воздействие модифицирует или выводит капитализм за его исторические и социальные пределы? Лишь разведя глобализацию и капитализм, не допуская взаимной подмены этих понятий, можно согласиться с трактовкой глобализации как «курса на омоложение», который может понять и использовать государство в своей политике¹⁰.

Роль именно такого механизма выполняет глобализация, которая, подчеркнем, сама по себе не создает новых форм отчуждения, но интериоризирует, размножает, переносит и модифицирует базовые противоречия своего контекста. Одна из форм такой модификации рождается в противоречии «глобальное-локальное», за которым в свою очередь лежит противоречие «унификация-различие». Механизмы глобализации, сочетая обе эти тенденции, уменьшают дисфункциональное, избыточное многообразие и тем самым делают разнообразие свойством функциональным для мегасоциума.

В рамках этих двух видов противоречий и проявляют себя те контрсубъекты, которые выступают под лозунгами идентичности, почвы и пр.; их противоположение глобализации, однако, поддается, на наш взгляд, регулированию в силу того же «парадокса глобальности»: поэтому данный вид антиглобализма выражает не альтернативу, но скорее возможные варианты глобализации, которые опираются на определенное видение мира, присущее этим локусам. Иначе говоря, глобализация имеет дело, скажем, не с Исламом, но лишь видением мира, сложившимся в этой цивилизации. Отсюда – проблема «цивилизационных исследований»: насколько устойчивы (жизненны) эти цивилизации и их мировидение; могут ли они работать на варианты глобализации или же, напротив, лишь отвергают их?

Раздел II. Иерархия категорий

Понимание противоречия «унификация-различие» (или же: гомогенность-гетерогенность) выводит идеи парадокса и вариативности глобализации на уровень анализа фундаментальных черт человеческого сообщества или мегасоциума. Речь идет о том, можно ли считать, что это сообщество строится на принципе равноположенности различий (или равноразличий), или же данное сообщество иерархично и тогда надо говорить не о равноразличиях, но о соподчиненности по принципу первичность-вторичность (см. полисистемность) как отношений, заданных ситуационно, а не структурно. Идею вариативности можно обосновать, видимо, целиком и полностью, если мы признаем принцип равноразличий: тогда вариативность глобализации также принципиальна, или она есть норма глобализации. Иными словами, принцип равноразличий есть условие и необходимое и достаточное для утверждения вариативности и парадоксальности глобализации.

Напротив, усложнение связей и даже их сверхсложность в духе Э. Морена, активизация творческой роли субъекта/индивида, выглядят тогда условиями хотя и необходимыми, но или недостаточными или избыточными для обоснования той же вариативности. Если эти размышления обоснованны, то возникают сомнения в правомерности определения человеческого сообщества (или мегасоциума) как объекта системного класса: ведь равноразличия несовместимы с иерархической организацией, даже если она ситуационна и функциональна. К тому же принцип равноразличий подрывает системность, если таковая отождествляется с господством одного «начала» (Г. Батищев).

Как видим, полное обоснование вариативности/парадоксальности глобализации чревато существенным пересмотром взгляда на современное устройство человечества: таковое выглядит не системой (или «еще не системой», в том числе социальной), но интегральной по своей природе совокупностью совокупностей (термины Н. Кондратьева и В. Вернадского) с принципиально разными идентичностями, столь же принципиально (необходимо) соотнесенных друг с другом (не самодостаточных) по неким общим, или, точнее, рамочным принципам.

В целом субъектный подход к глобализации в наших размышлениях выглядит менее продуктивным, нежели анализ глобализации как объективно данного процесса, определяющего протестное сознание и его субъектов. В нынешней ситуации субъектный подход скорее сигнализирует о потребностях познания, нежели предлагает новое видение. Его сравнительно слабая эффективность отчасти объясняется тем, что сам метод и процедуры этого подхода применительно к глобализации разработаны недостаточно, в част-

Не альтернатива, но вариабельность

ности в плане межсубъектных отношений, без чего трудно понять как комбинации субъектов, так и «их» вариантов. Однако основная помеха для нового метода кроется скорее в традиционном альтернативном мышлении с его врожденными пороками – социотризмом, редукционизмом, дихотомизацией полюсов противоречий. Это мышление мешает как самим субъектам (и особенно контрсубъектам) артикулировать осознание новой реальности, так и попыткам освоить эту реальность, отталкиваясь от сознания и активности субъектов. Тем не менее, для глобалистики такой ход не только необходим, но и возможен, ибо она может опираться на постулаты постнеклассической науки, для которой разнородность объекта (см. вариабельность и парадокс глобализации) есть аксиома. Правда, даже на таком научном основании остается немало сделать, чтобы соединить методологические принципы анализа и человеческой общности (системность-несистемность) и глобализации с содержательно-предметным видением (посткапитализм под эгидой капитала) и вычленив изучение глобальных, сочленяющих человечество механизмов и структур.

* * *

Попробуем ниже ответить на поставленные в начале дискуссии вопросы¹¹, но исходя не из их последовательности, а из логики нашего размышления. То есть продвигаясь от вопроса об историческом типе социальных движений к проблеме глобального кризиса, далее – к природе и перспективе данных движений и к проблеме вариабельности глобализации.

– Протестное сознание вообще, весь спектр критики глобализации в частности и АГД в особенности, рождаются в ситуации так называемого глобального кризиса, который имеет два разных измерения: кризис в эволюции человечества и кризис глобализационных механизмов и структур как необходимого компонента данной эволюции.

– Первое измерение кризиса выражает сбой универсальной эволюции, вызванный исчерпанием социальной стадии этой эволюции и, соответственно, – необходимостью реконструкции социальной, биологической и небиологической ее ветвей. По существу это – кризис не типа общества и не отдельной – западной или техногенной или новой, Универсальной (по В. Лапкину) – цивилизации, но *цивилизации вообще* как способа отчленения человеческого сообщества от природы и организации этого сообщества.

– Выходы из этого кризиса разворачиваются по траекториям: или по пути воспроизводства цивилизации без человека, или рождение человека без цивилизации (зверечеловечество по В. Соловье-

Раздел II. Иерархия категорий

ву), или очеловечивание цивилизации (богочеловечество по тому же В. Соловьеву).

– Второй кризис – глобализации как таковой, а не только ее неолиберального варианта (как это подчеркивают А. Вебер и С. Перегудов) – означает переход этого процесса из фазы развития экстенсивного и стихийного (по М. Алле), идущего сверху, из старых центров, к фазе, где глобализация становится интенсивным, направляемым, идущим снизу и с мест процессом; задержка при смене фаз этого процесса чревата откатом глобализации, но не ее финальностью.

Выходы (решения) кризиса глобализации и возможны, и реальны (что подчеркивают А. Вебер и С. Перегудов). Стоило бы, однако, обратить внимание на то, что в кризисном состоянии находится не только определенный вариант или модель (стратегия) глобализации, но и глобальность как таковая. Это вовсе не означает (и здесь я согласен с С. Перегудовым) ее финальности, хотя и считаю, что процесс глобализации ныне завершается в планетарном масштабе. Выходы из кризиса такого рода можно представить по аналогии с динамикой капитализма, сменой его «диких» форм – организованными и социально ориентированными. Эта аналогия полезна тем, что демонстрирует возможность решения проблем, которые отечественной, особенно марксистской, мысли казались, да и кажутся неразрешимыми. При этом надо иметь в виду, что глубина кризиса глобализации куда более фундаментальна и масштабна, нежели кризисы в эволюции определенного, капиталистического порядка.

Протестное движение в контексте первого – эволюционно-антропологического (или антропоисторического) – кризиса не может быть понято или сведено к новой социальной революции, ибо планка развития поднялась с выбора между различными социальными порядками на уровень универсальной эволюции человечества. Поэтому аналогов АГД надо искать не в революциях XVII-XIX веков, а в общественных, культурных, религиозных сдвигах эпохи Осевого времени. Соединяя воедино разнородные и разновременные протестные движения, механизмы глобализации придают им не гомогенность, но синхронность и тем самым, по Н. Винеру, втягивают эти движения в общий процесс развития.

Глобализация как механизм, сочленяющий компоненты человечества в его всеобщих измерениях и свойствах есть процесс безальтернативный, но варибельный, что задано усложнением связей, возрастающей активностью человека как индивида, принципиальной разнородностью глобального социума, его развитием через равноразличия и выходом к развитию, которое разворачивается

Не альтернатива, но вариабельность

уже за пределами доминирования в нем «способа производства» (будь то материальных или духовных благ) и с выходом на плато новых форм отчуждения.

Поразительно, что эти новые формы намечает скорее научная мысль, нежели общественная критика глобализации, которая смотрит на данные феномены преимущественно через опыт прошлого. Подобное отставание критики надо специально отметить, ибо сами антиглобалистские движения играют старыми картами в новой игре, где ставки уже не вид социума или цивилизации, но — одновременно и глубже — судьба человечества на поворотном пункте эволюции Универсума.

Примечания

¹ Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.

² Перегудов С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 22.

³ На обращение к этой категории нас натолкнула Е.Э. Печуро.

⁴ См., например: Глобализация как практика. М., 2000; Мегатренды мирового развития. М, 2001, а также последние «Кондратьевские чтения» и т.д.

⁵ См. особенно: Мегатренды мирового развития.

⁶ Например, идеи «Другой мондиализации» и контр-Давоса.

⁷ Подобное явление тотализации понятий замечено не только в глобалистике, но и в культурологии, где Культура есть всё и всё есть Культура.

⁸ Перегудов С. Указ. соч. С. 23.

⁹ Что регулярно воспроизводится в истории капитала, причем часть в связке *капитал-банкиры-евреи*, на чем и возник «социализм дураков», то есть антисемитизм (по К. Марксу). Добавим сюда постсоветскую формулу той же разновидности социализма: капитал-олигарх-Березовский/Гусинский/Ходоровский.

¹⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализации — ответы глобализации. М., 2001. С. 190.

¹¹ Вебер А. Указ. соч.

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

За прошедшее десятилетие сначала настороженное, а затем все более негативное восприятие глобализации отечественным сознанием превратилось из умонастроения в *антиглобалистский стереотип*. Таковой базируется на представлении о глобализации как однозначно негативном процессе, который отождествляется то ли с вестернизацией и американизацией (А. Зиновьев), то ли с идеологией «глобального коммерциализма» (С. Аверинцев); кратко и емко отношение российских культурологов выразил К. Гачев: «Эта гребанная глобализация!». Антиглобалистский стереотип (АГС) есть не только «продукт» пореформенной (постсоветской) России, сколько *новая историческая форма* проявления «вечного» российского социопсихологического комплекса, сочетающего традиции российского тотального революционаризма, советского интернационализма с синдромом русской самобытности, «демонизацией» капитализма и ксенофобией. То есть психологические корни нынешнего российского антиглобализма лежат в комплексе тотального отрицания и враждебности к миру, в первую очередь внешнему, или – если так можно сказать – в комплексе «анти». Этот стереотип не только опасен, но и вреден, ибо направляет политическую, эмоциональную и духовную энергию народа от внутреннего самоустройства к бесплодному противостоянию, уже второму после опыта коммунизма.

Может ли научный дискурс о глобализации воздействовать на данный стереотип и его глубинный комплекс? Даже самый обоснованный дискурс такого рода вряд ли может подорвать психологические корни антиглобалистского стереотипа или смягчить дикие формы поведения, основанные на этом стереотипе. Такое лечение требует соответствующего лекарства, но, к сожалению, нынешний научный дискурс фактически звучит ему в унисон, поэтому скорее стимулирует, чем разрушает данный стереотип. Такое «созвучие» присуще и сильно в зарубежных и отечественных работах в ходе так называемого Глобального Диспута (*Global Talk*). Правда, причины, порождающие отечественный АГС, несколько иные, но при этом имеется общая почва и общие основания (в противоречиях самой глобализации). В такой ситуации шансы на лечение все же есть, учитывая неставший характер отечественного самосознания. Чтобы фундировать глобалистский научный дискурс, необходимо, во-первых, вычленив научное знание из сово-

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

купности крайне разнородного знания о мировых и глобальных феноменах (ЗМГФ) и, во-вторых, попытаться конструировать это научное знание в качестве особой «единицы» (область или направление) в структуре социально-гуманитарных наук. Говоря коротко, мы стремимся достигнуть цели – смягчение антиглобалистского стереотипа – особым способом: конституируя глобалистику. В соответствии с поставленной целью и определением способа ее достижения необходимо:

- рассмотреть эволюцию научного глобалистского научного дискурса и сложившуюся эпистемологическую и гносеологическую ситуацию;
- сформулировать новое представление о глобальности и глобалистике;
- определить в самых общих чертах возможные направления воздействия нашей гипотезы на восприятие глобализирующегося мира российским общественно-научным сознанием.

I. Эволюция и состояние глобалистского научного дискурса

Зародившись на рубеже 60-70-х годов, ЗМГФ в течение трех последних десятилетий бурно развивалась вширь, достигнув пика в этом экстенсивном росте на рубеже XX-XXI веков. Выработка этого знания происходила при доминировании такого мировоззренческого дискурса, сторонники которого видели глобализацию как процесс унификации мирового рынка, становления мировых финансов, современных научных и информационных технологий; противники, отвергая это представление о глобализации, как и саму идею глобализации, противопоставляли ей защиту культурной самобытности, национальной государственности, исторических традиций. Общий климат в этом совокупном знании, как видим, изначально был задан по существу одним мировоззренческим дискурсом, но с полярными оценками процесса глобализации – позитивными (у неолибералов) и негативными (у «почвенников») и с различным дисциплинарным обеспечением (экономнауки – культурология). За прошедшие десятилетия набор не- и вненаучных дискурсов стал куда более разнообразным, включая не только неожиданные политические конфигурации, соединяющие консерваторов и левых, но и дискурсы цивилизационно-региональные и феминалистские (Р. Робертсон и Х. Кхондекар).

ЗМГФ росло вширь, экстенсивно за счет не только не- и вненаучных секторов. Определенный прогресс отмечается и в собственно

Раздел II. Иерархия категорий

научном дискурсе, в рамках которого монодисциплинарность сменяется междисциплинарностью, расширением круга дисциплин вплоть до экологии, космологии и глобальной истории; смягчается идея однозначно-унифицирующей глобализации за счет выделения гибридных и смешанных форм этого процесса (Ж. Пиетерс), расширяются временные рамки глобализации (до Осевого времени; XVI в. и т.д.). В ходе этой эволюции меняется и проблемное, и предметное поле научного глобалистского дискурса: если в 70-е годы это поле было очень широким и агрегативным, охватывая набор так называемых мировых и глобальных проблем, то в 80-е годы оно сужается к проблематике мировой экономики и мировых финансов с тем, чтобы в 90-е вновь (и беспредельно на этот раз) расшириться, охватывая проблемы информационно-коммуникативные, финансово-экономические, политические, социокультурные или, говоря иначе, всю совокупность современных мегатрендов (по Дж. Нисбету). Такой «большой взрыв» имел и позитивные, и негативные последствия для глобалистского научного дискурса. Идея глобализации стала более емкой, менее однозначной, преодолевая дихотомию универсализма и плюрализма, признавая даже тенденции к унификации и различиям как равносвойственные глобализации. «Большой взрыв» породил представления о глобализации как радикальной трансформации принципов жизнедеятельности, ценностей и перспектив развития (А. Неклесса), воплощении Великой социальной трансформации (И. Валлерстайн), аналоге Великой трансформации К. Поланьи.

Другими словами, понятие глобализация не только возводит-ся в ранг предельно общих понятий (что кажется обоснованным), но даже заменяет их, например, в тех случаях, когда глобализация отождествляется с современной цивилизацией и наоборот (В. Лапкин, В. Пантин), а научный глобалистский дискурс имеет тенденцию стать разновидностью новой «научной универсалистики» (термин А. Назаретяна), тяготея то ли к идее Единой науки, то ли к «теории обо всем». Такая траектория неизбежно привела к девальвации и без того смутного понятия глобализация, превращая его в трюизм или простой термин, а в лучшем случае – в определение того неизвестного, что подлежит раскрытию, а то даже и не подлежит познанию (область неведения). Как отметил З. Бауман, чем более широкий круг феноменов включает это понятие, тем более темным становится его смысл: сама идея все более растворяется в своем онтологическом контексте или контекстуализируется. В итоге складывается такая ситуация, когда всем ясно, что глобализация реальна, но никому не понятно, что она представляет собою по существу (И. Бартелсон). «Тотализация» пред-

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

ставления о глобализации опасна не только тем, что размываются границы между данным понятием и другими предельно общими понятиями, но и еще в большей мере тем, что подобным образом трактуемая идея резонирует с восприятием глобальных феноменов мировым общественным сознанием. В этом зеркале глобализация видится как нечто громадное, внешнее, подавляющее всё (У. Бек), а ее восприятие в современном российском сознании подобно традиционному «Чудище обло, озорно...», усиленному «демонизацией» капитализма, столь присущей советскому сознанию. В итоге ЗМГФ, и в частности научный дискурс о глобализации, и общественное сознание работают в одном режиме, *стимулируя отечественный антиглобалистский стереотип* и деформируя собственно научную мысль.

Тем не менее, в ходе эволюции ЗМГФ и особенно его научной компоненты выработаны определенные предпосылки и основания, дальнейшие разработки которых позволят развести научный дискурс и антиглобалистский стереотип, перестроив этот дискурс таким образом, чтобы его воздействие не стимулировало, но по меньшей мере подрывало данный стереотип и особенно его общественно-научную легитимацию. Такие предпосылки видятся в стремлении отделить представление о глобализации как объективно неизбежном процессе от его идеологических и стратегических версий. И такое отделение в последнее время стало заметно даже в официальном российском сознании. Конечно, признание «необходимости» глобализации есть лишь условие научного познания этого феномена. Это условие может быть легко обесценено ссылками на то, что глобализация несет в себе лишь возможности неких качественных изменений (по аналогии с ортодоксальным марксистским анализом производительных сил при капитализме). Другая предпосылка прослеживается в тенденции к деконтекстуализации идеи глобализации (в плане онтологическом) и к детотализации (в познавательном). Например, когда глобализация определяется лишь как одна из радикальных трансформаций современности (О. Добровичев) или как составная триединой – наряду с гуманитаризацией и этикой – реальности (А. Зотов). В том же направлении работает и тенденция к более детальному уяснению последствий глобализации: если для одних (У. Бек) просто невозможно вычленить эти проблемы из общих и различных противоречий, то для других (П. Бэрош) надо задуматься о том, каков «вклад» глобализации в глубокие проблемы современного мира; третьи указывают и на позитивные стороны и последствия глобализации (Г. Дилигенский). Решающим моментом такой перестройки ЗМГФ предстает стремление увидеть и понять *собст-*

Раздел II. Иерархия категорий

венную логику и динамику глобализации, понять глобализацию как таковую, определить ее сущность и раскрыть искомую сущность средствами категориального знания. Сущность глобализации видится в потребности человека в общении (Г. Шахназаров), что дает основания видеть в глобализации имманентную сторону бытия, сознания и деятельности человека и тем самым утверждать, что *глобализация была всегда* и постольку, поскольку существовало человечество (В. Толстых). Это представление выражает, так сказать, абсолютное бытие глобализации, без чего немислимо представить и исторические рамки этого феномена, которые далеко раздвигают время его существования (Г. Померанц, Б. Ерасов и др.).

Другое основание перестройки научного глобалистского дискурса может базироваться на *растущей полноте* этого вида научного знания, охватывающего полярные качества и разнонаправленные вектора глобализации. Однако «полнота» сама по себе не достаточна и подлежит осмысливанию не столько через эклектическое соединение, скажем, сходств и различий (по Р. Робертсону), но через понимание этой идеи как органического двуединства (В. Кушлин). Эти сдвиги в плане содержательном ныне все чаще переводятся на язык категорий, призванных характеризовать не только собственно идеологический дискурс, но и такие параметры глобализации, как процесс, структуру, субъектов, а также пространственные конфигурации и наметить систему категорий, раскрывающих природу глобализации и ее отдельные стороны (У. Бек). В том же ряду лежит идея разных логик, которые направляют этот процесс, и идея принципиальной, сущностной множественности глобализации (Г. Тхорнборн).

В целом научный дискурс оказывается ныне в ситуации бифуркации: он или вновь возвращается в «массу» ЗМГФ, или может выделиться из этой массы, но при одном условии – добившись самоопределения, как в своих внутренних параметрах, так и в отношениях со смежными дисциплинами. Иными словами, этот дискурс должен обрести статус определенного направления или области научного знания – глобалистики. Создается замкнутый круг: чтобы стать глобалистикой, надо вырваться из совокупного знания, детализироваться, деконтекстуализироваться, а для этого необходимо стать... глобалистикой. И наоборот, лишь глобалистика может вычлениваться из совокупного ЗМГФ. Мы специально останавливаемся на этой ситуации, ибо только становление глобалистики может существенно подорвать антиглобалистский стереотип общественного сознания. Ниже мы излагаем вкратце проект такого самоопределения глобалистики.

II. Понятие глобальность: антропоисторическая версия

Чтобы сформулировать заново базовое понятие «глобальность», необходимы три предварительных условия: определить метод, рамочную концепцию и объект познания. Мы опираемся на так называемый интегральный метод, постулирующий видение объекта во всех его ипостасях (материальных, духовных и пр.), следуя традиции П. Сорокина (см. работы Ю. Яковца). Необходима рамочная концепция, то есть концепция, рефлектирующая человечество как целое. В последнее время в отечественной литературе выдвинуто немало конструкций подобного рода, но их разбор требует специального внимания, и поэтому мы здесь ограничимся собственной концепцией, описывающей человечество как глобальную общность, ядро которой конституировано взаимодействием трех начал (социального, природного и субъектно-деятельностного). Таково теоретическое описание человечества как целого (объекта), а понятие глобальность адресуется не данному объекту, но лишь его определенному параметру – взаимосвязям частей этого целого или когерентности данного целого. Говоря коротко, референтом понятия глобальность выступает не *человечество-целое*, но только *целостность человечества*. Такое узкое определение референта позволяет избежать онтологизации данного понятия и вычленить его референта из контекста.

Эти три операции – формулировка метода, рамочной теории и определение референта – составляют предпосылки и основание базового понятия глобальность. Это понятие не может быть определено в какой-то одной сфере знания и на каком-то одном уровне абстракции: чтобы раскрыть его содержание, необходимо сочетание знаний нескольких «сфер» и соподчинение идей, принципов и категорий, характеризующих ту или иную сторону базового понятия глобальность (*globality, globalité*); соподчинение, иерархически организованное по уровням абстракции и предметам и построенное по принципу возрастающей конкретности.

Выстроенное таким образом теоретическое знание может стать основанием и для формулировки предмета, этого важнейшего (хотя и не единственного) параметра дисциплинарного статуса глобалистики; категориальное же мышление предстает как основной способ самоопределения этой единицы научного знания.

Основные положения предлагаемой версии таковы.

1. Базовое понятие глобальность формируется в трех сферах знания – философского, общенаучного (роль методологического регулятора) и частнонаучного (собственно глобалистика).

Раздел II. Иерархия категорий

2. В сфере знания философского глобальность выражается через категорию общение, эту одну из витальных потребностей человека (В. Гинзбург), выражающей коммуникативную природу человека.

3. В сфере общенаучного знания глобальность определяется как совокупность двух принципов взаимодействия начал ядра глобальной общности (см. рамочная концепция) – их нераздельности и неслиянности.

4. В сфере частнонаучного знания («глобалистика») глобальность предстает как категория *архетип глобальности*, выражающая *всеобщую связь неоднородностей*, конкретизируя тем самым принципы общения, нераздельности и неслиянности предшествующих уровней частнонаучного знания.

5. Категория архетип раскрывается в ряде специальных категорий, призванных характеризовать основные параметры глобальности (структура, процесс, субъект), а именно – в категориях инвариантности, необратимости и вариабельности, через которые рассматриваются основные признаки архетипичности (всеобщность; связи; неоднородности).

6. Становление архетипических качеств формирует генотип глобальности, который складывается в XVI-XVIII веках, закрепляется на рубеже XIX-XX веков, становясь нормой организации глобальности в индустриально-модернистскую эпоху (XIX-XX вв.) и подвергаясь ломке к концу XX века.

7. На уровне, максимально приближенном к реальности, глобальность (архетип-генотип) раскрывается в категориях, характеризующих исторические типы, эпохи, пространственно-временные конфигурации и формы, балансы соединительных и разделительных тенденций в их функциональной и компенсаторской связи, различные по отдельным эпохам (соединение – функция разъединения; разъединение – функция соединения); все категории этого уровня имеют характер эмпирических генерализаций.

8. Эту версию глобальности можно назвать антропоисторической, ибо в ней глобальность выглядит и имманентным и трансцендентным качеством человека и человечества.

9. В понятии «глобальность» сохраняется *сквозная ось*, идущая от идеи общения и принципов неделимости/неслиянности – к архетипу, фундаментальным параметрам его генотипа и выходящая к историческим сочетаниям со- и разделительных процессов, структур и субъектов. Тем самым достигается единство содержания понятия на разных уровнях его конкретизации.

Эта схема представляет базовое понятие глобальность как иерархию идей (философское знание), принципов (знание методологическое) и категорий, среди которых исходной выступает катего-

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

рия архетип глобальности. Через эту конструкцию понятие глобальность в своем конечном или резюмирующем виде выступает как характеристика феноменов двух порядков – процессов соединяющих и разъединяющих, унифицирующих и различающих, конвергирующих и дивергирующих с «их» процессами, структурами и субъектами. Говоря коротко, понятие глобальность описывает работу механизмов, воспроизводящих *не человечество как целое, но лишь целостность самого человечества*. Решающая в этой схеме категория архетип позволяет считать, что данное понятие и единично (см. всеобщность связей), и множественно (см. связь неоднородностей), а значит, позволяет не сводить идею множественности глобализации лишь к проявлениям ее сущности, но видеть ее сущностностную множественность.

На базе такой трактовки понятия глобальность можно определить и предмет научного знания или предмет глобалистики. Такая нацелена на исследование двух механизмов эволюции человечества и его истории, механизмов, которые воспроизводят в динамике целостность человечества в ее связанности и разделенности, общности и различиях. Роль первичного идеального объекта познания (А. Липкин) выполняет здесь категория архетип, выражающая органическое единство всеобщности и неоднородности (ср. диалектическую категорию товар как единство меновой и потребительной стоимости в отличие от парного понятия «элита – массы»). При таком определении предмета глобалистика имеет и свою предельную проблему, которая заключается в изучении *исторических форм баланса* соединительных и разъединительных процессов (совместно-раздельные отношения по Д. Риндосу), и поиске *баланса, оптимального* с точки зрения воспроизводства человечества как целого. Резюмируем: глобалистика есть наука о отношениях в ходе эволюции человечества (условно – почти соразделистика). Такое понимание предельности актуализирует глобалистику как проблемную область знания наддисциплинарного порядка со своим предметом и со своим первичным идеальным объектом. Хотя этих признаков недостаточно, чтобы считать глобалистику особой дисциплиной, но их наличие есть симптом формирования глобалистики в структуре научного знания как *социально-гуманитарного, так и естественного* (учитывая, что ее предмет необходимо включает связи человечества с природой, биосферой и даже Вселенной). Можно говорить и о становлении корпуса общей теории глобальности (основные закономерности; исторические формы; воздействие на «контекст»). Определяется четко и сфера компетенции глобалистики: она отвечает на вопрос: «Как воспроизводится человечество в совокупности его разделенностей и разли-

Раздел II. Иерархия категорий

чий?», но не отвечает (!) на вопрос о причинах этих различий и их разделения и соединения.

Предложенная версия понятия «глобальность» далека от завершенности, здесь остаются открытыми фундаментальные вопросы, связанные с природой глобальных отношений в их отличии от отношений «контекста», с ролью и характером субъекта глобальности в его отличие от мировых «сил» и акторов. Также далеко не учтен и опыт современной культурологии в понимании баланса субъект-структура (роль инверсии и пр.; см. работы И. Ионова, И. Следзевского). Мы не говорим уже о том, насколько адекватно категориальное сознание/мышление стилю современного научного познания. И все же полезность данной версии понятия глобальность очевидна. Во-первых, мы получаем возможность выделить феномены глобальности в контекстах различных обществ и цивилизаций; во-вторых, можно показать, что данное понятие не тождественно другим предельно общим понятиям – человечество, цивилизация, история, развитие, ибо, имея свой предмет, оно лишь пересекается с другими понятиями данного порядка. Эта демаркация основывается на признании того, что глобальность выполняет функции воспроизводства и регуляции в эволюции человечества, но не генерирования, хотя может действовать и как «фактор» трансформации. Наконец, наша версия позволяет не сводить понятие глобальность к показателям масштаба и значимости явлений, лишить его тривиальности, не дать превратиться в простой термин и придать ему четкую смысловую нагрузку в выражениях типа глобальная эпоха, глобальная цивилизация, где глобальность есть лишь один из параметров этих феноменов, не тождественный ни эпохе, ни цивилизации.

III. Возможные изменения стереотипа

Предложенная версия понятия глобальность и ее научного статуса, хотя и необходимы (на наш взгляд), но далеко не достаточны сами по себе для того, чтобы разрушить антиглобалистский стереотип (АГС). Эта недостаточность особенно заметна в слабой обоснованности варибельного характера глобальности, что в свою очередь есть следствие невыявленности природы собственно глобальных отношений в их отличии от всей совокупности мироотношений (ахиллеова пята глобалистики, в том числе и нашей версии).

И даже при этих пробелах данная версия глобальности может воздействовать, так сказать, разъедающе на АГС и в первую очередь через научный сектор отечественного сознания. Разработка антропоисторического видения глобальности подрывает такие

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

важные стороны научного дискурса, как склонность к одностороннему видению предмета, жестким бинарным оппозициям, склонность к онтологизации научного знания в ущерб его гносеологическим и эпистемологическим сторонам, тенденцию к максимальному обобщению, застарелый социоцентризм и т.д. Поскольку понятие глобальность в нашей версии не только сужено, но и сфокусировано, обретя вид целостной отдельной категории (архетип), то тем самым отечественный дискурс по проблемам глобализации получает в какой-то мере средство детотализации этого понятия как в плане онтологическом, так и познавательном, что ослабляет иллюзии Единой науки (см., например, работы Э. Кочетова).

В сфере отечественного научного сознания наша версия сталкивается с рядом помех, или, точнее, с рядом укоренившихся воззрений, которые образуют если не основание, то как бы защитный вал вокруг АГС. Одной из таких составляющих данного «вала» выступает отождествление Культуры с Различиями и противопоставление тем самым Культуры Универсализму и Плюрализму, а значит, и Глобальности, поскольку таковая мыслится как воплощение Универсализма. Короче говоря, образуется следующий ряд тождеств: Культура есть Различие; Универсализм есть Антитеза Культуре; Глобализация есть Универсализм и Антитеза Культуре. Эти постулаты широко распространены в отечественных цивилизационных исследованиях, этой научной крепости АГС. Однако и в этой области есть немало версий глобализации, которые близки нашей концепции, например, понимание глобализации как концерта культур (Г. Померанц), взаимосвязей, построенных на так называемой философии соседств (А. Рубцов), как врожденного свойства человечества (В. Толстых, М. Степанянц). Однако в целом в этой области научного знания глобализация мыслится как антикультура, что стимулирует «наш» стереотип, хотя он базируется на другом – уже научном стереотипе – отождествлении Культуры с Различиями.

Другая помеха нашей версии заметна в политологии или, точнее, теории международных отношений, где АГС обретает силу в представлении о глобализации как отрицании национальной государственности. Действительно, этот тезис присущ неолиберальной идеологии глобализации и рассматривается многими отечественными авторами как обязательный атрибут глобальности. Лишь некоторые исследователи предпочитают говорить не об исчезновении государства, а об изменении его функций в ходе глобализации (Н. Косолапов). Оценки такого рода в этой области отечественного научного знания скорее маргинальны, и в целом *политология и теория международных отношений «работают» на АГС*. Признаем также, что в нашей версии эта проблема не разработана, тем самым предла-

Раздел II. Иерархия категорий

гаемая концепция малодейственна в плане АГС. Данный стереотип черпает силу и в области социально-экономических исследований, где, как правило, акцентируются негативные последствия глобализации, хотя и здесь делаются попытки указать на позитивные стороны (работы Ю. Шишкова) и отделить то, что несет собственно глобализация в отличие от того, что определяется иными закономерностями (скажем, мирового рынка или движения капитала).

Как видим, АГС *достаточно прочно, к сожалению, защищен отечественной наукой*, что и придает самому стереотипу научную фундированность. Поэтому данный стереотип может быть подорван скорее в своем самом общем контексте. Речь идет об отечественном мировидении или, шире, о том, как выглядит человечество в современном российском общественном сознании. Именно здесь воздействие нашей версии на АГС, пусть и воздействие косвенное, можно проследить достаточно точно.

1. В нашей версии глобальность есть качество абсолютное, имманентное человеку и человечеству, качество, заданное определенной витальной потребностью. Уже это одно стимулирует гуманистическую традицию российского сознания – от Ф. Достоевского и В. Соловьева до русских космистов, позволяет говорить о «русском человечестве» так же, как и о иных человечествах – латиноамериканском, арабо-мусульманском (в терминологии В. Цимбурского, но в ином смысле). Такой взгляд заставляет отказаться от позиции тех теоретиков цивилизации (О. Шпенглер, Н. Данилевский), для которых человечество есть или зоологическое понятие, или пустое слово, или объект, не доступный рефлексии (Ф. Гиренок). Как видим, мировосприятие, основанное на нашем понимании глобальности, подрывает некоторые позиции АГС в сфере цивилизационных исследований.

С другой стороны, наша версия, отрицая социоцентрическое научное знание, тем самым подрывает демонизацию капитализма, этого эмоционального восприятия идеи вечности и неизменности капитализма. Без подобной демонизации АГС лишается своего важного источника и второй по значимости – после идеи отождествления культуры и различия – компоненты. Подчеркнем, что изучение форм социальной организации человечества (капитализм, социализм и пр.) не входит в сферу компетенции нашей версии глобалистики.

Основной результат воздействия этой версии на отечественное мировосприятие заключается не в подрыве основных ценностей постсоветского сознания, а в изменении их иерархии. Отсюда – изменения иерархии идентичностей, что уже прямо воздействует на АГС. Соответственно предлагаемой версии, высшую ступень в сис-

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

теме ценностей занимает принадлежность к человечеству или осознание Россией своей общечеловеческой идентичности; далее следуют иные идентификации – религиозная, национальная, государственная. Соотношение последних идентичностей варьируется, но приоритет общечеловеческой идентичности – безусловный постулат принятой версии глобальности. Таковая тем самым в корне подрывает и АГС, и стоящие за ним силы с их различными иными иерархиями ценностей и предпочтений. Среди прямых антагонистов и оппонентов гуманистической версии глобальности оказываются и евразийцы с предпочтением то ли религии (А. Дугин), то ли цивилизации (А. Панарин). В оппозиции нашему предпочтению выступают идеи отвержения экуменического диалога (РПЦ) и позиции, соединяющие державность, социальную справедливость и религиозность (КПРФ).

2. При новом прочтении глобализации современное российское мировидение ориентируется на мир как расчлененное дифференцированное многообразное и в то же время взаимосоотнесенное целое, где каждая часть внутренне противоречива и несамодостаточна. Такое представление о мире и человечестве противоположно его же пониманию как неразделенного целого, сплошной массы, не поддающейся рациональному освоению, а поэтому и «внешней» и враждебной стране и индивиду. Это мировосприятие есть необходимая составная или даже основание АГС, тесно связанного с высокой эмоциональной напряженностью субъекта с его примитивным и упрощающим мышлением (А. Назаретян), снижающим его когнитивную способность. Напротив, необходимая степень (мера) точности подрывает такое видение. Стремясь к определенности, глобалистика не просто стремится «подковать блоху», но работает по известному принципу писателя-сатирика М. Жванецкого – «Тщательней, товарищи!». В этом смысле она может найти аналоги своих понятий и в точных науках (физика, взаимодействия частиц), и в биологии (идея коэволюции), и в экономнауках (понятие «регулирования»).

3. Существенно может измениться и российское историческое самосознание, основанное на идеях самобытности и противопоставления внешнему миру. Эти основания приходят в противоречие с пониманием глобальности как органического единства процессов, соединяющих и разделяющих человечество, пониманием, не совместимым с АГС. Поскольку концепция глобальности включает не только архетип, но и изменяющиеся исторические формы, то нынешнее российское сознание и историческая наука получают возможность пересмотреть прежнюю парадигму включенности России в мировую историю и увидеть исторические формы глобализации даже вопреки госцентристскому подходу, присущему россий-

Раздел II. Иерархия категорий

ской исторической науке. Таковая может освоить новую парадигму исторического знания – Глобальную, где акцент делается на связях как внутри общества, так и общества с природой, а идя далее – и парадигму Универсальной истории, включающей «российское человечество» в закономерности Вселенной (по Э. Янчу и А. Назаретяну). Это новое историческое знание, столь необходимое для обновления исторического самосознания России, обретает через нашу версию глобальности соответствующий методологический подход, коль скоро единицами истории выступают не столько отдельные субстратно различные образования (государства, классы, нации), но связи, обмена и отношения между ними.

4. Изменение российского мирознания обретает практическую направленность через стратегию, основанную на данной версии глобальности. Сверхзадача такой стратегии не определяется тезисом «глобальность для России» в противопоставлении «глобальности для человечества». Эта ложная дилемма снимается, поскольку подлинная глобальная стратегия отношений России с миром-человечеством заключается в поиске баланса соединяющих и разъединяющих человечество механизмах, в определении «согласованного оптимума» в плане соотношения человечества как целого и как целостности, целого и его частей, в том числе российской части. Такая стратегия поиска баланса подразумевает и выработку системы управления (или направления) данных процессов, что под силу лишь мировым институтам при активном участии в них России. Это участие требует существенных усилий российского самосознания, которое должно признать свою – российскую несамодостаточность, как и несамодостаточность любой другой компоненты человечества. Отсюда – необходимость глубокого самокритического взгляда российского общества.

В конечном счете антропоисторическая версия глобальности и глобалистики как особой единицы научного знания нацелены на то, чтобы если не реабилитировать глобализацию, то *«снять с нее необоснованные обвинения»*. Тем самым создается возможность блокировать угрозу рождения нового, второго издания тоталитарного сознания, частью которого и является АГС. Если подобная блокировка возможна в области научного сознания, то понятно, что она куда более проблематична в сфере общественного сознания, в его не- и вненаучных секторах. Тем не менее, и в этом случае возрождение тоталитарного сознания не безусловно. Поскольку современная наука реализует себя лишь через постоянный диалог с различными иными формами и способами познания – философским, теологическим, образным, обыденным, то оно выступает не в роли эталона и идеала общественного сознания, а лишь как важный партнер всех

Глобалистика как критика антиглобалистского сознания

других форм познания. Такие партнерские отношения исключают претензии на гегемонию как науки, так и культуры (на чем настаивает И. Ионов) в совокупном общечеловеческом знании (термин Э. Азроянца). Отношения же глобалистики с образным знанием скорее есть проблема видов науки или класса науки – так называемых «часов или облаков» (по К. Гачеву). Представив глобальность не только как логическое понятие, но и как мысле-образ, можно, видимо, избежать противопоставления в определении «классовой» (каламбур!) принадлежности глобалистики. Такую партнерскую роль наша гипотетическая глобалистика может выполнить лишь при следующих условиях. *Во-первых*, ей предстоит освоить нормы Новой науки с ее постнеклассической философией. *Во-вторых*, на этой основе сформировать широкий не конгломерат, но комплекс частнонаучных дисциплин, по отношению к которым наша глобалистика будет выступать как наддисциплинарная область преимущественно с методологическими и интегрирующими функциями. *В-третьих*, необходимо добиться, чтобы соседние, наиболее близкие к глобалистике дисциплины интериоризировали ее нормы и правила, не теряя при этом своих прежних привычных предметов. Если эти условия будут выполнены, то воздействие глобалистики на АГС будет тем более продуктивно, ибо глобалистика сможет эффективнее критиковать антисциентистские настроения и квазинаучные представления, которые вырабатывает и которыми питается сам АГС. Подобные же идеи получают основания... в самой науке, когда ставится вопрос о «конце науки», становящейся или чисто прикладной, или аналогом чистого искусства (т.н. ироническая наука Дж. Хоргана). Пример и опыт глобалистики свидетельствует скорее, на наш взгляд, о том, что рост науки как особой формы знания/сознания продолжается и интересен как раз тем, что глобалистика демонстрирует одновременно и дифференциацию (разъединение), и интеграцию (соединение) научного знания, выступая как частный случай наук о процессах общения (в самом широком смысле) в ситуации предвещаемого конца науки.

Постэнциклопедическая глобалистика (Выступление на обсуждении работы «Глобалистика. Энциклопедия»)¹

Хотя материалы по темам «глобализация» и «глобалистика» составляют незначительную часть данного издания, разбор соответствующих им рубрик (примерно 50) представляет большой интерес², ибо открывает возможность выявить узкие места знания этих двух тем, стимулировать дальнейшее развитие научной глобалистской мысли и оценить ее состояние: ведь широта тематики вполне соответствует бескрайней широте толкования обоих тем в отечественной литературе. Поэтому энциклопедия по этим проблемам (далее – ГЭ) представляет хороший отправной пункт для такого разбора, поскольку собранный здесь материал достаточно представительен в плане характеристики как отечественной, так и зарубежной исследовательской глобалистской мысли. Важным достоинством ГЭ является тот факт, что в ней излагаются различные и зачастую полярные представления и о глобализации, и о глобалистике. Исходя из этого, наш способ критики заключается в том, чтобы, выявив подобные противоречивые толкования и при необходимости делая их эксплицитными, установить, насколько они действительно взаимоисключающие или, напротив, взаимодополнительны; определить сущность проблемы, порождающей разные толкования, и попытаться найти пути решения таковой. Подобного рода разбор полезен и для приращения, и для дальнейшего продвижения нашего знания как о глобализации, так и для понимания глубины познания этого объекта. Разбор включает два раздела, последовательно излагающих представления о глобализации (I) и глобалистике (II), а также заключение относительно болевых точек и точек роста этой отрасли знания.

Материалы анализируются, исходя из трех методологических принципов, на которых основывается теоретическое осмысление обеих тем (глобализация и глобалистика), а именно: монизма, дуализма, плюрализма. Особое внимание уделяется тем представлениям, в которых обнаруживается методологический дуализм, ибо, выделяя такие теоретические конструкции, мы определяем точки бифуркации в познавательном процессе. Глубина теоретических оппозиций определяется по их имплицитности – эксплицитности и обоснованности. Если оба полюса оппозиции обоснованы в равной мере, то мы имеем дело с дуализмом симметричным, а если обоснован лишь один полюс, то дуализм носит асимметричный характер. Специально также выделяется и ситуация теоретической

неопределенности. Весь этот простой категориальный аппарат позволяет определить состояние глобалистского познания, как оно представлено в ГЭ.

I. Представления о глобализации

При разборе этой темы выделяются следующие основные параметры, анализ которых позволяет полно представить теоретическую картину глобализации, содержащуюся в ГЭ. К числу этих параметров относятся: сущность глобализации; ее природа; характер; противоречия; вариабельность; субъект; причины и основания; история; последствия; роль и значение. Далее критический разбор представлений строится последовательно, по этим десяти важнейшим измерениям глобализации, выделение которых требует, однако, специального обоснования.

1. Сущность. Этот параметр характеризуется в ГЭ как общенаучными, так и конкретно-научными средствами. Вторые «дают» представление о глобализации как разновидности капитализма, что достаточно известно; поэтому нет смысла специально останавливаться на этом толковании сущности глобализации и гораздо важнее сосредоточиться на том, как понимается эта проблема средствами общенаучными (системными, коммуникативными и др.). Однако отметим, что в понимании глобализации если и удалось избежать онтологизации представлений об этом феномене, то, напротив, господствует тотализирующее видение глобализации как всего того, что создано человечеством в его истории (с. 226)³. Тотализирующее видение («глобализация есть всё» и глобалистика – знание обо всём) ощущается в различных толкованиях сущности глобализации. Наиболее распространено понимание глобализации как процесса растущей взаимосвязанности и – в этом смысле – целостности человечества (с. 243). Формула этого видения проста: мир становится единым, взаимосвязанным целым, предстает как система связей между людьми и народами (с. 224) или же в более общей версии – как глобальная система. Это доминирующее представление о сущности глобализации не исключает других, более конкретных версий. К числу таковых относятся трактовки сущности глобализации как всемирно-исторической связи (с. 192), единства мира на базе мировых финансов и различных институтов (с. 184); как процесса слияния национальных экономик в единую мировую экономику (с. 181) и т.д. Говоря коротко, сущность глобализации в господствующем (в ГЭ) направлении теоретической мысли выражается в общенаучных терминах как *миросистемная взаимосвязанность*, которая – и это особая позиция –

Раздел II. Иерархия категорий

часто выражается в терминах коммуникативной парадигмы и межкультурного диалога. «Миросистемное» толкование кажется продуктивным и нуждается лишь в более точной соотнесенности с понятием глобальной системы и – особенно – с пониманием глобализации как социальной трансформации (заметим в унисон с И. Валлерстайном), отличной от другой социальной трансформации, воплощенной в понятии «модернизация» (с. 191). Однако и такая трактовка не исключает предшествующей, но уточняет представление об исторической динамике «миросвязанности». Как видим, в понимании сущности глобализации не видно коренного противоположения в ее толковании, не обнаруживается дуальной оппозиции ее трактовок⁴. Что остается для дальнейшего углубления и уяснения, так это соотношение миросистемности и глобальной системности, а еще в большей мере – идеи социальной трансформации с представлениями о глобализации как особой стадии всемирно-исторического процесса (с. 186) и с понятием глобальное развитие (с. 1197). Последнее замечание относится скорее к проблематике методологической (коммуникативные версии) и общетеоретической с ее проблемами развития, трансформации, так называемой глобальной социальной революции (с. 228-231). Не вдаваясь в разбор этой общетеоретической проблематики (см. Заключение), подчеркнем, что тотализирующее видение сущности глобализации перекрыло путь к пониманию специфики глобальных отношений как *мироотношений особого рода*. Для понимания содержательно-предметной сущности глобальных отношений их описание в терминах глобального капитализма, постиндустриализма, миросистемности, информобщества/цивилизации или через коммуникативную парадигму и межкультурную коммуникацию действительно необходимо, но далеко недостаточно. В подобного рода характеристиках не схвачены ни специфичность социальности глобальных отношений, ни соотношение этой социальности с всеобщей (или родовой) природой человечества, хотя глобализация и понимается как «символ всеобщности» (с. 186). Такую познавательную ситуацию нельзя назвать даже тупиковой, ибо здесь мы имеем дело с некоей Большой Лакуной, что неизбежно сказывается в понимании других параметров глобализации.

2. Природа⁵. В понимании этого аспекта глобализации очень четко видны все три методологических принципа: природа этого феномена рассматривается с позиций и монистических, и дуалистических, и плюралистических. Соответственно первой позиции природа глобализации понимается как процесс однонаправленный-унифицирующий, интегрирующий, усиливающий зависимость. Вторая позиция трактует ту же самую сущность как совокупность разнонаправленных и разнопорядковых процессов, воспроизводящих и взаимо-

зависимость, и зависимость, гомогенность и гетерогенность, и унификацию и многообразие (с. 186, 188.). В этих двух трактовках является то, что называют парадоксом глобализации, то есть проявлением двойственности этого процесса и как соединяющего/унифицирующего, так и разделяющего/различающего (с. 214). По существу здесь и находится *ключевая проблемы* (курсив наш. – М.Ч.) понимания глобализации, та проблема, без решения которой невозможно понять глобализацию в ее собственных закономерностях (с. 190). Отчасти ее решение намечено, когда противоположные тенденции в процессе глобализации определяются как *«взаимопорождающие»* (с. 188; курсив наш. – М.Ч.), а также в характеристиках «глокальности» (см. ниже, п. 4), хотя идея взаимопорождения и требует разработки, исходя из функций глобализации. Заметим, что дуалистическая позиция в понимании природы глобализации фундирована неравномерно, то есть так, что один полюс оппозиции обосновывается сильнее, нежели другой. Такая асимметрия заметна, например, когда утверждается, что унификация культур предполагает лишь *частичный отказ* от специфического в культуре (с. 1045); или что та же унификация *не требует отказа* от индивидуального и своеобразного (с. 186) или *делает возможным* локальное своеобразие (курсив наш. – М.Ч.). Как видим, в этих формулировках один полюс оппозиции не имеет вид противоположения другому полюсу, но или ставится под вопрос («частичный отказ») или утверждается негативно («не требует отказа»). Если же тезис о «возможности» применяется и к другому полюсу (с. 1143), то дуалистическая оппозиция трактуется в вероятностном стиле, что, кажется, и намечает путь к ее «снятию». И все же, материал ГЭ, четко демонстрируя обе эти позиции, подводит исследование к решению проблем их соотношения с третьей позицией – плюралистической.

Она обоснована гораздо слабее, но все же проявляется в понимании глобализации как многоаспектного процесса (с. 530). Недостаточность этой формулы видна, когда глобализация анализируется как процесс, разворачивающийся в различных сферах мировых отношений (политической, экономической, технологической, культурной). В этом случае позицию плюрализма необходимо эксплицировать, поставив вопрос так: имеется ли в этих отдельных сферах лишь различные *проявления* общей природы глобализации или же здесь мы имеем дело с *принципиальным множеством природ?* Или, короче, единична глобализация или же множественна? Идет ли речь об одной глобализации или о многих глобализациях? Если плюралистическое видение необходимо еще довести до постановки самой проблемы (единичность – множественность), то различение двух других методологических позиций стоит только под-

Раздел II. Иерархия категорий

черкнуть, обратившись к темам культурной глобализации и глобальной культуры. Если глобализация понимается однозначно как процесс, соединяющий, унифицирующий и интегрирующий, а культура – как сфера духовности, где целостность равнополагается дробности и дискретность – континуальности (с. 196), то справедлив вывод о том, что культуру нельзя рассматривать через призму глобализации и уж во всяком случае нельзя говорить о глобальной культуре. Если же глобализация понимается как дуалистический процесс, то вполне обоснованно говорить не только о глобализации культуры, но и о глобальной культуре. Как видим, понимание «природы» дает различные выходы и к пониманию хода глобализации по отдельным «сферам». Справедливо говорить и об обратной связи между осмыслением этих аспектов глобализации.

3. Характер. Как правило, глобализация понимается как стихийный, естественный процесс (с. 595), имеющий объективный характер. Противоположная позиция, трактующая глобализацию как подлежащую управлению (с. 175), аргументируется как необходимость, задаваемая разрушительными последствиями стихийной или дикой глобализации. Однако, такая необходимость, не получив обоснования в понимании сущности глобализации, аргументируется, так сказать, от субъекта этого процесса. Принцип методологического дуализма в понимании характера глобализации существует в асимметричном виде, ибо обоснование одного полюса (стихийность) выглядит более фундаментальным, нежели обоснование другого полюса (управляемость или направляемость), ибо аргумент «от субъекта» не подкреплён соотношением субъекта и – условно – структуры.

4. Противоречия. Структура противоречий видна уже в описании природы глобализации, где сталкиваются разнонаправленные тенденции – гомогенизации и гетерогенизации, всеобщности и особенности, интеграции и дезинтеграции; все они суммируются как противоречие между глобальным и локальным. Хотя последнее определение, на наш взгляд, основано на подмене субстанций всеобщего и особенного их пространственным измерением, тем не менее, эту формулу можно принять как выражение даже *основного противоречия* глобализации, в понимании которого четко проявляется принцип методологического дуализма. Таковой, пусть и выражен эксплицитно, но зачастую трактуется далеко неадекватно. Например, когда «локальное» понимается как чисто реактивная или реликтовая форма, а не как равноположенная глобальному началу (см. монистическая трактовка природы глобальности). В свою очередь глобальное начало не получает корректного выражения, если это понятие выражает не всеобщность человеческой природы, но лишь ту его локальную разновидность, которая претендует на все-

общность, когда частный интерес предстает в виде всеобщего. В этом случае глобализация (или глобальность), лишаясь своего смысла, становится расхожей терминологией полярных идеолого-мировоззренческих дискурсов. Тем не менее, разработка этого принципа применительно к пониманию противоречий глобализации сильно продвинута благодаря понятию глокальность. Характеристика глокальности, содержащаяся в ГЭ, преимущественно культурологическая, может служить своего рода моделью, даже эталоном механизма работы методологического принципа дуализма как несущего в себе возможность собственного преодоления. Эта модель строится на признании внутренней связи полярных начал, их взаимопотребности и на связи, нуждающейся в опосредовании наличного противоположения, наконец, несущей как прямую, так и обратную зависимость (с. 286). Имеет смысл добавить к этому описанию дуализма ссылки на возникновение в данной связке смешанных, гибридных форм, как и возникновение на базе дуализма мегасферы развития культуры, выражающей коммуникативную сущность глобализации (см. п. 1). При всех этих достоинствах имеется опасность, что данная модель «работает» на замену понятия глобализация понятием коммуникация, более того, на отождествление глобализации с коммуникативностью, для чего имеются действительные основания для той роли, которую играют в данном процессе системы коммуникаций.

5. Вариативность. Это свойство глобализации логически вытекает из противоречий, свойственных сущности/природе глобализации. Однако оно требует не априорного подхода, но обоснования, которое надо искать, на наш взгляд, в специфичности глобальных отношений как особого рода мировых отношений, в понимании которых обнаруживается Большая Лакуна (см. п. 1). Альтернативность как разновидность вариативности имеет своим обоснованием различные толкования содержательной сущности глобализации, хотя и полезных, но не очень продуктивных. Специфичность альтернативы в рамках глобальных отношений несколько проясняется, когда альтернатива обосновывается сетевым принципом мироорганизации как противоположности принципу иерархическому (с. 243). К сожалению, понимание этой альтернативности не доводится до логического завершения, ибо остается открытым проблема соотношения сетевого и иерархического принципов организации мироцелостности (с. 198-199), а общесистемный язык не переведен на язык предметно-содержательный. Поэтому проблема выбора альтернатив и передвинута (с. 30) на уровень «сил», то есть субъекта, что дает новую методологическую перспективу, которая требует специального обоснования. В целом, в описании данного

Раздел II. Иерархия категорий

параметра принцип методологического дуализма, безусловно, сформулирован, но его фундированность, а значит, эксплицитность остается проблематичной.

6. Субъект. Проблема субъекта глобализации в самом общем виде отсутствует в ГЭ и специально разбирается лишь соотношение субъективного и объективного в структуре глобализации. Этот пробел не заполняется ссылками на агентов глобализации – ТНК, государство, мировые организации и пр., ибо, во-первых, неясна их способность быть субъектами и, во-вторых, не прослеживаются их связи с мировым и глобальным сознанием, так же как их роль в структуре формирующегося мирового/глобального общества. Понимание субъекта (или здесь – агентов) проявляется лишь в характеристике различных стратегий, практикуемых этими агентами (с. 247), а также их сознания, опирающегося на этико-моральные основы «духа капитализма» как трудовой аскезы. Акцент тем самым переносится с ценностей индивидуальных на коллективные (с. 242). В характеристике поведения акторов (субъективный аспект глобализации – с. 188) замечается явный пробел. Если культурный проект акторов определяется как чисто универсалистский, то общество, возникающее в результате активности этих же акторов, строится по принципу «сочетающегося, а не унифицированного единства культур» (с. 189). Возникает вопрос: где же здесь те акторы, которые представляют проекты «сочетающихся» культур? Очевидно, что в межсубъектных отношениях они просто отсутствуют. Очевидно, что представления о данном параметре глобализации выглядят очень неполными или односторонними, что напоминает ситуацию Большой Лакуны (п. 1).

7. Основания, источники и причины. Отмеченные параметры глобализации недостаточно четко разведены в ГЭ так, что основания совпадают с предпосылками, источники – с причинами, причины – с первоисточниками, а факторы детерминирующие – с факторами того же порядка, но генерирующими, а те и другие – с факторами коррелирующими. Основания (в широком смысле слова, включая и «причины») видятся, как правило, в экономических отношениях, понимаемых, однако, по-разному: и очень широко – как отношения производства и обмена, мирохозяйственных связей, и более узко – в мировых финансах, а также в информатике, компьютерной технологии и т.д. В целом основанием глобализации выступает, как правило, триада – экономика, финансы, информатика. Этой четкой позиции противопоставляется другая, где акцент делается на системах ценностей, изменяющихся с кризисом цивилизации, порождающей глобальные проблемы (с. 200), что заставляет «размещать» глобализацию и глобальные проблемы в рамках не глобалистики (см. раздел II), но... цивилизациологии! Дуализм в понимании параметра «основания» оче-

виден так же, как и то, что оба объяснения (условно: экономическое и ценностное) не исключают друг друга, что и демонстрирует представления о другом параметре глобализации – ее истории.

8. История. Различие позиций в понимании глобализации как исторического процесса также выражено очень внятно. Хотя иногда корни глобализации относятся ко II тыс. до н.э. (с. 974), но, как правило, их видят или в эпохе индустриализации (с. 917), или в неменьшей мере – в последних десятилетиях XX века. Это различие временных рамок снимается, когда в истории глобализации выделяются различные стадии и два типа глобализации, основанные на религиозно-духовной сфере и воплощающие материально-вещественные отношения (с. 974). Здесь открытым остается вопрос о типе глобализации, который складывается в постиндустриальную, информационную эпоху. Этот вопрос сохраняет свою силу и тогда, когда глобализация рассматривается через призму взаимодействия и баланса, соединяющих и разделяющих человечество процессов (с. 214). Снятие дуализма оппозиции в понимании истории глобализации и ее типов требует, во-первых, вычленения глобализации из контекста мировой истории и, во-вторых, разделения религиозно-духовного *типа глобализации* и *Великих религий*. Без этих операций предположение о наличии у глобализации «своих закономерностей» вряд ли доказуемо, ибо место глобализации занимают или мировая история или история мировых религий.

9. Последствия и «продукты». Характеристика последствий глобализации (как бы по-разному они ни оценивались)⁶ в равной мере слабо связана с пониманием природы, сущности и варитивности этого процесса. Такой разрыв между пониманием последствий и сущностных черт глобализации объясняются просто: во-первых, изучение глобализации *начиналось с анализа последствий* и лишь затем перешло (или переходит) к пониманию фундаментальных и собственных черт данного феномена; во-вторых, тотализирующее видение глобализации было перенесено и на понимание последствий. Последнее обстоятельство и привело к полному преобладанию негативных оценок. Скажем, если нет сомнений в том, что глобализация генерирует мировое неравенство, то позитивные последствия улавливаются с трудом и аргументируются гораздо слабее и сводятся, как правило⁷, или к ссылкам на те «объективные возможности», которые несет глобализация, или к сомнениям в очевидности того, что, например, бедность, насилие, террор являются прямыми порождениями только самой глобализации (с. 246). Поэтому нет оснований говорить о наличии дуализма позиции в представлениях о последствиях глобализации: напротив, здесь почти полностью преобладает одна позиция, которая усиливается и тем, что так называемые

Раздел II. Иерархия категорий

глобальные проблемы рассматриваются как продукты глобализации (с. 199). Не разбирая здесь соотношения глобализации и глобальных проблем (см. раздел II), выскажем лишь сомнение в том, что именно глобализация, ее миросистемная сущность породила такие, безусловно, глобальные проблемы, как угроза ядерной катастрофы, разрушение среды обитания, демографический взрыв и пр. Было бы вернее предположить, что эти проблемы порождены индустриальным типом общества и хозяйства (как капиталистической, так и социалистической их разновидностями) и его мировой организации (в виде т.н. двух мировых систем). Глобализация же сама по себе усиливала или ослабляла эти последствия, причины которых, кажется, лежат вне пределов данного процесса. Этот подход позволяет, на наш взгляд, подойти и к определению собственных закономерностей глобализации. Заметим, что из числа «продуктов» глобализации в изложении ГЭ выпали проблемы мирового и глобального общества, анализ которых может пролить свет на субъектов/агентов глобализации (см. п. 6). Здесь вновь возникает вопрос о *генерирующей* силе (или функции?) глобализации: настолько ли она значительна, что порождает мировое (глобальное) общество, или же рождение такового определяется иными факторами? И обратное: в какой мере это весьма гипотетическое образование само в свою очередь воздействует на глобализацию (стимулирует? генерирует?)? Эти вопросы, сожалению, не поставлены, ибо раздел «глобальное гражданское общество» (с. 233) работает не на понимание глобализации в целом, а на проблему неполитического характера данного сообщества. Такой акцент можно было бы отчасти смягчить, если разделить идеи мирового и глобального общества, которые зачастую выглядят просто взаимозаменяемыми терминами, и соотнести обе идеи с «глобальным гражданским обществом». Пока же мы имеем дело не столько с содержательно-определенными понятиями, сколько с взаимозаменяющими терминами (например, глобальное общество – – глобальный мир – мировое сообщество; с. 188), которые и питают трюизмы вроде «мир един (глобален)» (с. 56).

10. Роль и значение. Тотальное видение глобализации вполне логично задает представление об исторической значимости этого процесса как новой эпохи, перспективы которой видятся по-разному: или ведущие человечество к катастрофе, или же открывающие путь для нового будущего и всечеловеческого единства (с. 184-188). Имеются и более специальные оценки, соответственно которым глобализация определяется как переход от экстенсивного освоения мира к интенсивному (с. 242), или даже как ответ на вызовы, порожденные самой же глобализацией (с. 187). В этих оценках прослеживается дуализм (катастрофизм – новое будущее человечества), но по-

лярные оценки основываются в большей мере на анализе современной цивилизации (см. р. II, п. 7), нежели характеристиках функций, свойственных глобализации (трансформация, развитие и пр.).

Судя по разобранным представлениям о десяти основных измерениях глобализации, принцип дуализма в их понимании прослеживается в том или ином виде по большинству параметров (примерно по 7 из 10), что далеко от точности, поскольку в изучении одного какого-либо параметра обнаруживаются принципы и дуализма, и монизма (например, в понимании «сущности») или все три принципа (природа глобализации). Тем не менее, по четырем параметрам представления о данном процессе четко поляризованы, а именно, когда исследуются природа, противоречия, временная протяженность, историческая роль. Еще по трем параметрам методологический принцип выражен неявно, имплицитно (широкая и узкая версии сущности глобализации): еще по двум дуализм асимметричен, то есть его полюса фундированы в разной степени прочности (вариативность и характер процесса). Поскольку методологический принцип монизма выражен по двум, а плюрализм – по трем параметрам, то в целом можно констатировать, что методологические принципы *дуализма и плюрализма* определяют нынешнее глобалистское научное сознание, которое, следовательно, выходит к своим точкам бифуркации и далее – через плюрализм – к поиску разрешения обнаруженных оппозиций. Для более углубленного дальнейшего понимания глобализации ключевое значение («точки роста») имеет разрешение той оппозиции, которая проявилась в понимании природы данного процесса (монизм – дуализм) и его противоречия (глобальное – локальное). Если в понимании основного противоречия намечены пути разрешения внутренней оппозиции (идея глокальности), то до снятия оппозиции в понимании природы глобализации еще достаточно далеко, и в первую очередь в силу «помех», исходящих от идеологических дискурсов. Очевидными становятся и «болевые точки» изучения глобализации, появление которых связано не только с асимметричным дуализмом, но и особенно – с пониманием предметно-содержательной специфики глобальных отношений («Большая Лакуна») и характеристикой субъекта. Обнаруживаются также некоторые устойчивые (хотя и детские по возрасту) болезни этого молодого и нового вида этого общественного сознания. Таких болезней при разборе темы глобализации проявилось по меньшей мере две: тотальный характер представлений и их контекстуализация. Возникает вопрос: в какой мере эти болезни, как и проблемы, возникшие в болевых точках и точках роста, могут быть скорректированы или смягчены через исследования самого научного знания о феноменах глобализации.

Раздел II. Иерархия категорий

II. Глобалистика

Облик глобалистики, как он представлен в ГЭ, можно проследить по семи ее аспектам: тип знания, объект, предмет, эволюция, научный статус, междисциплинарная ориентация, демаркация от близких дисциплин.

1. Начнем с характеристики глобалистики как типа знания. Таковое предстает как совокупность разнородного знания, в том числе, научного и философского (с. 199), отмечаются и различные философские направления внутри глобалистики (с. 203). За этими формулировками стоит весьма актуальная проблема соотношения философии и науки, которое видится по-разному: или как необходимая соотнесенность двух принципиально разных форм (способов) познания, или как философия внутри науки в виде ее философских оснований, или как равноправная составная научного знания, или же, наконец, как некое гибридное образование («научно-философский комплекс», с. 991), возникающее на стыке этих двух форм познания. Хотя третья позиция с учетом взаимопроникновения этих двух видов знания кажется перспективной, но остается необходимой более четкая постановка вопроса об их балансе и формах этого баланса в «случае» глобалистики. Такая постановка тем более важна, что распространены мнения о том, что в перспективе философия становится наукой (Н. Моисеев), а с другой стороны – популярно иное представление, а именно: глобалистика есть не научное, но философское знание, философское освоение глобальных проблем. В то же время остается открытым вопрос о применении в глобалистике так называемой нелинейной диалектики, определяемой как метод планетарной философии, характерной для «глобалистского этапа методологии познания» (с. 216). В целом проблемы типа знания, воплощаемого в глобалистике, решается не через дуализм представлений, а скорее через плюрализм в понимании этой проблемы.

2. Другому параметру глобалистики – ее объекту – в ГЭ очень повезло. Хотя в ряде случаев объект указан, но все же он недостаточно соотнесен с предметом глобалистики (см. ниже). В частности, попытки увидеть объект в качестве одного из компонентов мира как социального целого (с. 595), или одного из трех мировых современных процессов (с. 166) не были развернуты; полностью преобладает понимание объекта глобалистики как тождественного целому – миробытию в виде системно-связанной совокупности (с. 659). На наш взгляд, объект лучше схватывается, когда он адресуется лишь одному аспекту мироцелостности, специально – ее связанности (с. 247), что имеет, кажется, основание в системном анализе, где целостность понимается как одно из свойств любого

«целого» системного класса. Тогда понятие целостности выступает в паре не с понятием целое, а с понятием дробности (с. 196), и объект глобалистики видится более точно, если таковой располагается ввилке «целостность – дробность», а не ввилке «целостность – целое». Ясность в понимании объекта усиливается, когда предпринимают категориальное разделение целого и целостности. Так, «целое» понимается как взаимодействие противоположно направленных процессов (упорядочение и хаоса), координации и иерархии, связи и управления. «Целостность» покрывает многоуровневое бытие международной системы и ее механизмы (с. 595). На наш взгляд, здесь мысль движется в правильном направлении (разделение двух понятий), но реализуется не вполне корректно, ибо феномены иерархии и связи, так же как и разнонаправленные процессы, относятся скорее к идее («сфере») целостности, а целое скорее представит как некая тотальность. Состояние представлений об этом параметре глобалистики выглядит как зарождение дуализма из состояния, где эта проблема (целостность – целое) внятно не поставлена.

3. Совершенно иная познавательная ситуация в понимании предмета глобалистики, хотя веер представлений широк и кажется парадоксальным. В одном случае предмет жестоко отождествляется с изучением глобальных проблем (с. 215), а в другом он включает изучение глобализации и глобальных проблем в их причинно-следственной зависимости (с. 199). Выше говорилось о сомнениях относительно понимания глобальных проблем как «продуктов» глобализации, в частности, в тех случаях, когда происхождение этих проблем связывается или с мирохозяйственными связями, или с кризисом индустриальной цивилизации (с. 200-201). В этой широкой версии предмета возникает такая трудность: если данные проблемы генерированы глобализацией, то последняя, взятая в ее процессуальном и структурном измерениях, и есть предмет глобалистики. Однако такое толкование предмета выглядит проблематично, поскольку справедливо признается, что понятие глобализация остается неопределенным и дискутируется (с. 202). Тогда можно заключить, что глобалистика в ее нынешнем виде лишена («еще не») предметности, что и делает проблематичным ее особый дисциплинарный статус (см. ниже). Во всяком случае, в отличие от понимания объекта глобалистики, в определении ее предмета виднавилка, образованная четким утверждением предметности (в виде глобальных проблем) и столь же нечетким, по меньшей мере, проблематичным утверждением этой предметности, что и позволяет видеть здесь случай «асимметричного дуализма»⁸.

4. Различие в понимании предмета (и узкое, и широкое толкование) сказались и на трактовке *эволюции* глобалистики. Соответ-

Раздел II. Иерархия категорий

ственно широкой версии предмета глобалистики, источники идеи этого направления обоснованно определяются весьма широко. Поскольку же речь идет об изучении глобализации в ее расхожем понимании как совокупности интегрирующих и дезинтегрирующих процессов (с. 202), то вряд ли верно видеть ее источником различные ноосферные концепции (Тейар де Шарден, В. Вернадский). Если же предмет глобалистики есть изучение собственно глобальных проблем, то сомнительно видеть ее предтечей идеи И. Канта и К. Маркса. Как видим, различия в понимании предмета существенно меняет ретроспективу эволюции глобалистики, в описании которой было бы полезно выделить составные части, отнеся именно к последним (в широкой версии предмета) концепцию универсального эволюционизма Э. Янча, которая, к сожалению, слабо соотносится с глобалистикой (с. 266). Приходится заключить, что в понимании этих двух параметров глобалистики – предмета и его эволюции – мы сталкиваемся с неясностью теоретического мышления, основанной на определенном методологическом принципе (монизм, дуализм, плюрализм).

Критическим моментом периодизации эволюции выступает определение тех ее исходных идей, которые играют в глобалистике предметно-конституирующую роль. Вряд ли верно представлять динамику глобалистики как движение от изучения глобальных проблем к исследованию взаимосвязанности мира (с. 202). Скорее всего, и взаимосвязанность мира, и другая базовая идея – пределов развития, на которой строилось изучение глобальных проблем, родились примерно в одно и то же время – к началу 1970-х годов! В дальнейшем эволюция глобалистики разворачивалась таким образом, что акцент делался сначала (1970-е гг.) действительно на изучение глобальных проблем, а затем – со второй половины 1980-х (но не с начала 1990-х) на исследование взаимосвязанности мира. Поэтому эволюция выглядит не столько последовательной сменой этих коренных идей и «исторических форм» глобалистики (как это полагал и автор разбора; с. 210), но одновременным движением по двум предметно-различным траекториям (глобальные проблемы и глобализация) или, вернее, процессом с двумя одновременно разворачивающимися и пересекающимися пучками траекторий. Остается открытым вопрос о том, сходятся ли эти пучки в 1990-е годы, но, судя по неопределенности понятия глобализация, ответ должен быть пока скорее отрицательным. Подчеркнем, что эта критика представлений об эволюции основана на предположении о том, что глобальные проблемы не есть следствие глобализации, а глобализация не есть причина, генератор глобальных проблем; соответственно и нет единого предмета, но *есть два предмета глобалистики*.

Если эти предположения обоснованы, то можно считать, что под общим названием глобалистика скрываются по меньшей мере два направления научной мысли.

5. Здесь мы выходим к пониманию *статуса* глобалистики как разновидности научного знания. Само рождение глобалистики вряд ли верно связывать лишь с процессом интеграции научного знания (с. 199). Этот тезис справедлив по отношению к «не ставшей» глобалистике, но ныне, когда глобалистика стремится конституировать себя в особую «единицу» научного знания, мы имеем дело скорее с процессом дифференциации науки. В ГЭ по-разному определяется «ранг» этого знания (область, направление, дисциплина), но, судя по характеристикам предмета и эволюции, различия куда более существенны: ведь речь идет не об одной, а о двух дисциплинах. Проблема статуса усложняется на порядок, коль скоро глобалистика основывается не только на социогуманитарном, но и естественно-техническом научном знании (см. ноосферные науки; с. 659), становясь все более технологическим знанием. Эти две особенности, хотя и отраженные в разделах ГЭ, к сожалению, не сфокусированы достаточно на проблемах глобалистики (см., например, статья о методологии). Очевидно, что в понимании статуса теоретическая мысль находится в ситуации не столько плюрализма позиции, сколько в ситуации, где лишь ставится вопрос об основах различных взглядов на статус глобалистики.

6. Иное положение в понимании *междисциплинарной ориентации*, присущей глобалистике. Здесь царит полный консенсус, который полезно уточнить, лишь используя предложенное в ГЭ различие (см. выше) форм междисциплинарной ориентации. Вопрос заключается в том, имеем ли мы здесь дело с областью исследований, проводимых усилиями ряда дисциплин, или же с некоей «совокупной сферой исследований» (подобно экологии), или же с междисциплинарностью на базе теоретической интеграции. Нынешнее состояние глобалистики таково, что оно ближе всего первому случаю междисциплинарности (скорее – многодисциплинарности), нежели ко второй и тем более – к третьей форме данной ориентации. Мнение о том, что глобалистика уже имеет междисциплинарный язык общения подтверждается (см. разделы о глокальности), но одновременно стоило бы подчеркнуть (в порядке контраста) значительный разрыв в языковом запасе этой области знания. Мы имеем в виду, что и по теме глобализация, и по теме глобалистики теоретическая мысль выражается двумя основными языками – общенаучным (системным, коммуникационным и др.) и частнонаучным. Это означает, что общий (и в этом смысле междисциплинарный) язык не только сосуществует с множеством частнодис-

Раздел II. Иерархия категорий

циплинарных языков (что вполне нормально), но еще находится на достаточно далеком расстоянии от таковых, что может быть преодолено лишь по мере интенсивной разработки языков-переводчиков. Лишь в этой перспективе можно будет говорить о подлинно междисциплинарном языке общения в сфере глобалистики.

7. Проблемы статуса и междисциплинарности тесно связаны с задачами по *демаркации и делимитации* глобалистики и близких к ней по предмету и проблематике дисциплин. К их числу относятся не только классические исследования международных отношений (ИМО), активно изучающие глобализацию в отдельных «сферах» миробития и мирознания, но и сравнительно новые дисциплины – экология, цивилизациология, альтернативистика. На границе с ИМО переплетение обеих дисциплин демонстрирует почти полное *сходство проблематики* при различии предметов этих дисциплин (второе различие асимметрично, ибо ИМО имеют уже свой предмет, а у глобалистики таковой лишь становится). Однако ныне отношения этих дисциплин таковы, что под вопрос ставится не самобытность глобалистики, а скорее (см. понятие глобализация) проблематичным становится бытие ИМО, которые могут быть поглощены глобалистикой. Напротив, угроза формирования нашей области научного знания исходит от экологии и цивилизациологии. Когда глобалистика определяется как система знания о социально-природных противоречиях между обществом и человеком (с. 204), то такое определение предмета делает глобалистику частью экологии. Когда в ГЭ говорится об экологических факторах глобального развития (с. 119), то, напротив, можно полагать, что экология выступает составляющей глобалистики (хотя сила этого предположения значительно уменьшается из-за неясности определения понятия «глобальное развитие»). Если же изучение глобальных проблем видится как исследование проблем, стоящих перед современной цивилизацией (с. 240), как проявление кризиса этой цивилизации (с. 200) или противоречий мирового цивилизационного процесса (с. 208), а глобализация понимается как рационализация цивилизационного пространства (с. 242), то нет основания вычленять глобалистику из цивилизациологии. Подобного основания не возникает и по отношению к так называемой альтернативистике, если таковая характеризуется как поиск из выхода из кризиса цивилизации на путях альтернативного развития (с. 26, 253). К сожалению, в ГЭ не нашлось места для альтерглобалистики, а введение такой темы было бы полезным для уяснения степени включенности идеи альтернативности в структуру глобалистского знания, в его предметность, а значит, и полезным для понимания места этой дисциплины среди других единиц социогуманитарного знания и, может быть, в первую

очередь в науках о человеке, тем более, что выход к проблеме человека постоянно звучит в ГЭ (с. 184, 247, 288, 659 и т.д.). Однако отношения глобалистики с науками о человеке затруднены тем, что в характеристиках глобализации, на наш взгляд, устойчива социоцентристская позиция, то есть редукция мира к «социальной общности человечества», к *социальному* целому (с. 594; курсив наш. – М.Ч.). Понятно, что проблема демаркации и делимитации особенно сложна в жанре междисциплинарных исследований, где проблемы сами становятся... предметом, что нарушает жесткие дисциплинарные границы. Может быть, разработка наддисциплинарной разновидности такой ориентации позволит, защитив предметность глобалистики, не приносить в жертву таковой «смежную» проблематику и воспрепятствует «переводу» *родства проблем в тождество предметов*, не разрывая единства этих двух параметров любого научного знания.

В понимании семи параметров глобалистики принцип дуализма фиксируется в пяти случаях, в том числе и как дуализм эксплицитный – в четырех из них (представления об объекте, предмете и его эволюции, междисциплинарном языке общения). Принцип плюрализма характерен для понимания двух параметров (тип знания и статус), а ситуация теоретической неопределенности – по меньшей мере в двух (эволюция и статус), а то и в трех – трех (статус, демаркация, предмет, эволюция). При доминировании дуалистического принципа состояние теоретической мысли остается – в равной мере – неопределенным, ибо ситуацию такого рода трудно отделить от позиции плюрализма. Заметим еще раз, что «случаи» выделенных выше методологических принципов не совпадают с числом исследуемых параметров, ибо один и тот же параметр может и осмысливаться на принципе дуализма и характеризоваться общей теоретической неопределенностью (предмет и эволюция); анализироваться на принципе дуализма и на принципе монизма (ситуация в понимании междисциплинарной ориентации, где консенсус относительно самой данной ориентации сочетается с четким дуализмом в используемом языке). Для будущего развития глобалистики осмысление двух ее параметров имеет решающее значение: речь идет о *типе знания и предмете*. По первому из них ключевым вопросом выступает соотношение в структуре глобалистики знания научного и философского, а для понимания второго параметра – соотношение исследований глобальных проблем и глобализации. Разработка первого из этих параметров в значительной степени зависит не столько от усилий самой глобалистики, сколько от современного познания в целом; понимание же второго параметра потребует, возможно, обращения к гипотезе о двух видах глобалистики.

Раздел II. Иерархия категорий

Заключение

Итак, по всем 17 параметрам, характеризующим осмысление глобализации и глобалистики, принцип дуализма виден в 12 случаях. Этот элементарный подсчет дает основание заключить о том, что именно эта методологическая установка, а не принципы монизма и плюрализма, характерна для нынешнего глобалистского познания. Данный вывод подкрепляется и тем, что в этих 12 случаях дуализм эксплицитен в характеристиках 8 параметров, в том числе в понимании таких аспектов глобализации, как ее природа, противоречия, историческая протяженность и значимость. Глобалистика в целом вышла к осознанию и четкой постановке различных альтернатив, то есть к точкам бифуркации, примерно в равной мере при осмыслении и феноменов глобализации, а также знания об этих феноменах. Однако в понимании глобалистики чаще возникает ситуация теоретической неопределенности и, следовательно, именно *состояние глобалистики является ныне слабым местом глобалистского сознания в целом*. Иными словами, глобалистике не хватает самосознания и значит, собственно глобалистика вряд ли может, исследуя самое себя, стимулировать познание глобализации. Точнее, *она может познать глобализацию, познав в первую очередь самое себя*. Именно на это обстоятельство придется обратить особое внимание в дальнейшей эволюции этой отрасли знания.

«Точками роста» глобалистики, судя по материалам ГЭ, выступают следующие измерения глобализации и знания о ней: сущность и природа глобализации, характер противоречий, вариативность, историческая протяженность и историческая роль, а также представления о типе знания и предмете. Если сузить число этих точек до предела, то таковые отмечаются *в проблемах природы и противоречий* глобализации, как и *предмета глобалистики*. Если в последнем случае прорыв скорее необходим, нежели реально возможен, то прорыв вполне возможен в осмыслении характера противоречий, природы и типа знания. Стратегия формирования постэнциклопедической глобалистики будет зависеть от усилий, прилагаемых именно к этим точкам. Кроме них, надо иметь в виду и «болевы́е точки», где теоретическое осмысление сталкивается с наибольшими трудностями. К числу таковых относятся параметры специфики глобальных отношений, субъекта и последствий глобализации, объекта и статуса глобалистики. Некоторые параметры (предмет) можно оценивать и как точки роста, и как болевые участки. Разработка стратегии формирования глобалистского научного знания будет зависеть и от решения некоторых общетеоретических и гносеологических проблем. К числу первых относятся понимание

глобализации как феномена социального, культурного (цивилизационного) и общечеловеческого; к проблемам второго порядка надо отнести разработку представлений о самом понятии глобализация как понятии единичном или множественном, о его соотношении с другими пересекающимися с ним предельно общими понятиями (цивилизация, развитие, история). Решение этих проблем может опираться на те разделы ГЭ, которые не имеют прямого отношения к глобальной проблематике, но при одном условии: они должны быть *сфокусированы на понимании феномена глобальности*. Такая фокусировка потребует более тщательного отбора тематики для следующего издания подобной энциклопедии.

И последний, итоговый вопрос: какую роль играет ГЭ в формировании глобалистского научного дискурса? Ответ (конечно, предварительный) здесь можно получить, определив, как в этом издании решаются две коренные проблемы: определение «собственных законов глобалистики» (с. 190) и преодоление описательности в понимании феномена глобализации (с. 186). Лишь получив ответы на данные вопросы, можно будет точно определить, насколько далеко глобалистика, представленная ГЭ, ушла от *Утопии* (как про-, так и антиглобальной) в сторону *Науки*: поскольку вектор этого движения все же очевиден, то не менее важно определить, в направлении *какой науки* движется глобалистика – классической или постнеклассической? В русле какого знания она идет: научного или (условно) комплексного (наука вкупе с вне- и ненаукой)? Ответ на второй вопрос зависит от решения проблемы: каково место и форма бытия науки в совокупном знании?

Примечания

- ¹ Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003.
- ² Такой выбор означает, что наши оценки не могут адресоваться данному изданию в целом.
- ³ Отсылки к страницам даются только в самых важных толкованиях.
- ⁴ Оппозиция видна в двуязычном описании средствами общенаучными и частнонаучными (см. Раздел II).
- ⁵ Разделение параметров «сущности» и «природы» требует особого обоснования.
- ⁶ «Вызовы», «угрозы», «риски».
- ⁷ Особенно в отечественной литературе.
- ⁸ Что совпадает со стремлением развести понятие «глобальные проблемы» и «глобализация» (с. 191).

Глобалистика на пути к возможному прорыву

Постановка вопроса о глобалистике как отрасли (области) научного знания – своего рода ответ на широко распространенные представления, сводящие знание о глобальных феноменах к чисто идеологическим конструкциям, мифологемам и стратегиям.

Наиболее распространены трактовки глобализации как неолиберальной стратегии и оценки ее как процесса вестернизации, экспансии массовой культуры, ведущих к образованию так называемого «человека» (А. Зиновьев). Нисколько не отрицая обоснованность подобных оценок, мы считаем, что их односторонность должна и может быть если не устранена, то компенсирована, а единственным компенсатором может быть научное познание.

Необходимость постановки такого вопроса диктуется невозможностью понять природу и роль глобальных феноменов вне научных способов познания, а также потребностью упорядочить знание о глобальных феноменах, накопленное в специальных работах (*Global Studies*) и ряде других дисциплин.

Становление и состояние

Возможность конституирования глобалистики создана развитием этого жанра исследований в поисках понимания природы глобализации как таковой, ее собственной логики и динамики, выделяющих ее из общего «контекста»; в стремлении к полноте и целостности теоретических представлений об этих феноменах, в углублении их исторического видения. Определенные стимулы глобалистика получает от современной постнеклассической науки с ее ориентациями на комплексность исследований, преодоление дихотомных оппозиций, идеи плюрализма, гетерогенности, соотнесенности, а также от концепции самоорганизующейся эволюции и рост общенаучного знания (систематика, синергетика, диатропика). Правда, эти возможности не остаются в значительной мере тенденциями (и обратимыми!), и именно поэтому необходим рывок, чтобы избежать возврата глобалистского знания в вне/ненаучные формы. При отсутствии прочной традиции необходимо попытаться *конструировать* глобалистику через ее систему категорий.

Реализация этой «необходимости» сталкивается с рядом препятствий – как внутри-, так и вненаучного порядков. К препятст-

Глобалистика на пути к возможному прорыву

виям первого рода относится в первую очередь относительная молодость глобальных исследований (около трех десятков лет). Отсюда – их предметно-проблемная неразмежеванность с изучением мировых проблем (*World Studies*), что дает основание говорить об общем комплексе разнородных знаний о мировых и глобальных феноменах (ЗМГФ), на основе которого вырабатывается собственно научный глобалистский дискурс и (что проблематично и что мы пытаемся доказать) зарождается глобалистика как специфическая структурная единица научного знания. Это рождение сталкивается и с проблемой преемственности, ибо глобалистский дискурс 1970-х годов (т.н. глобальные проблемы) резко отличается от того же дискурса последующих двух десятилетий с его акцентами на экономическую взаимосвязанность мира (до начала 1990-х), а затем – на культурное разнообразие глобализирующегося мира (примерно с начала-середины 1990-х). Проблема преемственности такова, что делает актуальным «переключение сознания» в этой области знания, что связано уже с вненаучными факторами. К внутренним же помехам надо отнести растущую многозначность терминов глобализация, глобальность и др., что делает их все более туманными (З. Бауман) и грозит превращением этих еще не сложившихся понятий в простые термины с самым тривиальным смыслом. Возрастающая многозначность ключевых терминов препятствует и демаркации этого инструментария от наиболее общих (предельных) понятий типа Человечество, Цивилизация, История и других, менее общих понятий (Модернизация, Интернационализация). Отсутствие демаркации в свою очередь ведет к такому расширительному толкованию термина «глобализация», что глобалистика видится как наука о всеобщем (А. Фролов) и может стать наукой, преобразующей все в свой предмет.

Препятствия вненаучного порядка заданы как неолиберальной апологией, так и антиглобалистским сознанием, в котором глобализация предстает не только силой всемогуще-позитивной (апология), но и внешней, стоящей над Человечеством, своего рода «Чудище обло, озорно...» у критиков. Демонизация глобализации в массовом сознании, тем более опасна для рождающейся глобалистики, поскольку она резонирует с идеологемами и стратегиями, негативно оценивающими феномены глобализации. Парадоксально, но внешняя помеха – антиглобализм как вид массового сознания – стимулировал научное познание глобализации, ориентируя не только на описание последствий, но и на выявлении сущности этих феноменов, на их всестороннее понимание и преодоление оппозиции Глобальное – Локальное.

В конечном счете, на пути конституирования глобалистики

Раздел II. Иерархия категорий

ныне стоят: узкое (идеологически/деформированное и монодисциплинарное) видение; беспредельно широкое толкование, которое заменяет понятием «глобальность» иные предельно общие понятия; атеоретизм и онтологизация научных представлений, оправдываемые практическими потребностями.

Понятийно-категориальная схема

Исходя из наличных возможностей и потребностей, конструирование глобалистики намечается по двум этапам: 1-й – раскрытие через ряд категорий базового понятия «глобальность» и определения на этой основе предмета глобалистики; 2-й этап заключается в выявлении других атрибутов этой области знания – ее структуры и организации.

Базовое понятие «глобальность» невозможно раскрыть лишь средством конкретно-научного знания: поэтому наша схема строится на сочетании трех видов знания – философского, методологического (общенаучного) и частнонаучного (собственно глобалистика), образующих отдельные уровни. Это понятие раскрывается через ряд идей, принципов и категорий, соподчиняемых последовательно-иерархически по принципу движения от абстрактного к конкретному и образующих целостную понятийно-категориальную систему, состоящую из трех уровней и пяти ступеней.

Система включает последовательно: идею общения (как витальной потребности человека); нераздельность и неслиянность, как принципы бытия/сознания/деятельности человека; понятия «архетип», «генотип» и «исторические» (или, точнее, хронотопологические) формообразования. В конечном, итоговом виде базовое понятие «глобальность» предстает как покрывающее работу двух механизмов эволюции человечества – тех, что соединяют компоненты человечества, включая индивида, вырабатывают их всеобщие свойства и их конвергируют, и тех, что разделяют компоненты, их дивергируют и вырабатывают особенные и единичные свойства: в поле работы этих механизмов входят отношения человека и природной среды его обитания (Земля) и шире – Вселенной.

Остановимся несколько подробнее на каждом уровне и ступенях этой системы¹, отметив прежде, что схема разворачивается здесь преимущественно по вертикали, хотя в принципе она должна работать и по горизонтали.

На первом уровне 1-й ступени, мы вводим идею общения, но в ее широком (познание, понимание и пр.) философском (коммуникативная природа человека) смысле², а не частнонаучном назначе-

Глобалистика на пути к возможному прорыву

нии (различные коммуникативные теории – психологические, социологические, культурологические).

На втором уровне и 2-й ступени выделенные два принципа методологического порядка понимаются исходя из рамочной теории человечества как глобальной общности, ядро которого конституировано принципами нераздельности, неслиянности и единства трех начал этого ядра (социальное, природное, субъектно-деятельностное)³. Здесь нет третьего принципа (единство), что ограничивает поле применения базового понятия глобальность, адресуя его человечеству не особому (единичному) целому⁴, но лишь одному аспекту этого целого – взаимосвязанности его компонент (частей), когерентности или (специально) целостности⁵. Это методологическое ограничение поля применения крайне важно⁶, ибо позволяет не только определить сферу применения нашего базового понятия, но тем самым обосновать возможность демаркировать глобалистику в ее методологических функциях от дисциплин сходной проблематики (см. ниже). Заметим, что выделенные на этой ступени два «начала» сохраняют логическую связь с идеей общения, конкретизируя ее, что позволяет сохранить последовательность этих двух уровней и двух видов (философское, методологическое) предпосылочного знания. Лишь на третьем уровне базовое понятие становится инструментом сферы частнонаучного или конкретно-научного знания, то есть глобалистики, чье право на существование и призвано доказывать понятие глобальность. Здесь инструментарий иной – место идей (1-й уровень) и принципов (2-й уровень) заменяют категории, которые соподчинены последовательно по трем ступеням. На первой из них (3-й уровень и 3-я ступень в сквозном порядке) располагается категория *архетип глобальности*, имеющая ключевое значение в процедуре раскрытия базового понятия «глобальность».

Ее содержание выступает как всеобщая связь неоднородностей. Эта формулировка покрывает такие параметры базового понятия, как «связь» и «качества» (всеобщие, особенные). Тем самым сохраняются преемственность с философским (идея общения) и методологическим (два принципа) уровнями/видами знания. В то же время эта категория конкретизирует инструментарий предшествующих уровней, ибо идея общения, включает здесь и связь (отношения), и ее участников, и их свойства (всеобщие и особенные).

Короче говоря, категория архетип раскрывает глобальность как имманентное качество (свойство) человека. Иными словами, глобальность присуща любому человеку или любой его «совокупности» – как человечеству латиноамериканскому и арабо-мусульманскому⁷, так и российскому. Не настаивая на самом термине архетип с его специфической культур-психологической или куль-

Раздел II. Иерархия категорий

тур-ментальной окраской (по К. Юнгу), мы считаем категорию, стоящую за этим термином, исключительно важной: в ней заключена *фундаментальная антиномия* понятия «глобальность», выражающая ее внутреннюю противоречивость. Кроме того, архетип, указывая на глубинные корни феноменов глобализации, позволяет оценить корректно историю глобализации (ее начало, по крайней мере). В настоящее время эта проблема (начало глобализации) является остродискуссионной и характеризуется крайним разбросом мнений: «начало» относится то к Неолитической революции или Осевому времени, то к концу XX века, или его началу, то ли к эпохе Великих Географических Открытий. Здесь, на первой ступени третьего уровня, говорить об историческом (или временном) параметре глобализации преждевременно, это – предмет уже 5-й ступени того же 3-го уровня. Однако здесь, на 1-й ступени того же уровня, важно теоретически расчленить глобальность в ее архетипичности или *имманентности*, вне (и сквозь) историчности и ее *историчности*, или, короче говоря, в ее врожденных и благоприобретенных признаках, вынеся характеристику свойств 2-го порядка на последующие ступени. Имманентность и историзация, однако тесно связаны: по мере становления Человека, особенно развития его коммуникативной деятельности, можно говорить о зарождении архетипа глобальности где-то с Верхнего палеолита и о его становлении к эпохе Неолитической революции; позже – вплоть до Осевого времени вырабатываются *протоисторические*, а затем – уже собственно *исторические* формы глобальности (см. ниже). Самая большая трудность на последующих ниже ступенях заключается в том, чтобы понять, как архетипическая глобальность воспроизводит себя в своих же изменяющихся (исторических) формах; или по-другому: как изменяясь, глобальность остается неизменной (имманентной) и, наоборот, как, оставаясь неизменной (имманентной), глобальность меняется.

Если на 1-й ступени 3-го уровня глобальность выступая как синкрет, где отдельные параметры – субъектность, структурность, процессиональность не расчленены, то на последующих двух ступенях того же уровня глобальность-синкрет, разворачивая по этим параметрам (субъект – структура – процесс), вырабатывает в их единстве то, что можно назвать *генотипом глобальности*. Это понятие характеризует единство трех отмеченных параметров в некоей целостности, которая становится таковой в определенном, мировом (планетарном) пространстве. Исторически генотип складывается в организации мироцелостного бытия человечества по «оси» Центр – Периферия, что дает уже ставшую форму генотипа где на рубеже XIX–XX веков. Если архетип имманентен, внеисто-

Глобалистика на пути к возможному прорыву

ричен (доисторичен?), то генотип есть уже продукт исторического развития человечества и особенно взаимодействия его важнейших компонент. Если взаимодействие есть основной механизм выработки генотипа глобальности, то конституирующие глобальность взаимодействия начинаются с общений межплеменных, межгосударственных (Древность) и, конечно, Цивилизаций (Осевое время). С этого времени генотип вырабатывает и свой хронотоп, то есть однонаправленность времени и пространства, подчиненного времени. Более подробные характеристики хронотопа относятся уже к следующей ступени познания. В генотипе закреплены основные качества всех трех параметров глобальности: структуры (здесь: инвариант в виде Центр – Периферия), субъекта (здесь: вариабельность) и процесс (необратимость ставшего генотипа). Хотя гены, входящие в генотип, изменяются, генотип (геном?) воспроизводится, но может быть деформирован и даже сломан. Такое изменение генотипа выводится не из его структуры, а из «среды», то есть из рамочной теории глобальной общности. Ее эволюция, выражаемая в смене индустриально-модернистского типа данной общности глобально-информационным, влечет за собой коренную и крайне болезненную перестройку генотипа, что и происходит на рубеже XX-XXI веков.

На последней ступени данного (3-го) уровня понятие глобальность конкретизируется уже в своих *исторических формах*. Здесь глобальность выступает в трех исторических типах – предисторическом, историческом и постисторическом, причем, как отмечено выше, первый означает выработку архетипа, а во втором выделяются отдельно протоисторические формы. Что же касается третьего типа, то он возникает при перекомпоновке трех ветвей эволюции в связи с тем, что социальное начало ядра глобальной общности теряет свою доминантную роль, угрожая эволюции в целом⁸.

Смена исторических типов есть 3-этапный процесс⁹, внутри которого есть свои стадии. Эволюция, скажем, исторического типа распадается на три стадии, где глобальность выступает последовательно как феномен локально-региональный (связи преимущественно – межцивилизационные), мировой (как мировая система) и общечеловеческий или, точнее, планетарный (сбалансирование общества и природы при решающей роли ноосферы). Выделенные исторические формы, как видим, располагаются только по оси «линейного» (точнее, диахронного) времени, но должны быть развернуты и по иным временным осям (синхронности, цикличности и др.).

На этой же ступени складывается баланс («интегрированность») обеих сторон архетипа с его фундаментальной антиномией – всеобщности (связей и свойств) и неоднородностей (особенности)

Раздел II. Иерархия категорий

участников¹⁰. В то же время изменяется баланс процессов и свойств, соединяющих, вырабатывающих общие качества и разделяющих, различающих. Оба эти процесса разворачиваются на уровнях бытия и сознания, принимая особо сложные формы в религиозном сознании, претендующем на всеобщность. На первой стадии исторического типа механизмы раз(единяющие/личающие) доминировали, а механизмы соединяющие были их производными или их функцией; на 2-й стадии этот баланс как бы перевертывается – механизмы раз(деляющие/личающие) становятся функцией со(единяющих), а на 3-й, нынешней стадии вырабатывается их баланс. Заметим, что только на 2-й стадии эти два процесса образуют единый механизм, обретая форму «связки». Такое видение глобализации позволяет снять ее узкое толкование (сведение лишь к «связям»), и значит, ослабить критику со стороны «мест» этого реального процесса.

Понятно, что категориальный подход, намеченный выше, не позволяет решить всех содержательных проблем теории глобальности. К числу таковых относится в первую очередь понимание природы *собственно глобальных отношений* в их отличие от любых «контекстуальных» отношений (цивилизационных, постиндустриализма, капитализма). Остается открытым вопрос о функциях глобальности: выполняет ли глобализация только роль стимулятора изменений в «контексте», или же она может генерировать эти изменения? Ответ надо искать в исторической специфике глобальности, например, в ее современной – «информационной» разновидности. Она может быть генератором, а то и трансформатором (прямо или опосредованно, через ряд факторов и «условий» – по Д. Хелду) – своего «контекста» (цивилизации, постиндустриализма). Напротив, в своих предшествующих исторических типах/стадиях глобализация играет скорее роль стимулятора или коррелята.

Глобалистика: предмет и структура

Пройдя по трем уровням и пяти ступеням нашей лестницы и раскрывая содержание базового понятия глобальность в его полноте, тем самым мы формируем и содержание *предмета* глобалистики. Таковым выступают два механизма эволюции человечества, взятые в их единстве: соединения и разделения, общности и различия. Идеальным первичным объектом глобалистики предстает категория «архетип глобальности», а предельной проблемой – проблема баланса этих двух механизмов, а точнее – поиск их оптимального – в интересах человечества, его совокупностей и индивидов –

Глобалистика на пути к возможному прорыву

сочетания. Такое определение предмета и предельной проблемы, тесно связанное с «вечными» в истории человечества проблемами неравенств и различий, и создает обоснования для выработки определенной стратегии мирового развития, что придает глобалистике актуально-политическую направленность¹¹.

Поскольку предлагаемое описание глобалистики сфокусировано и категоризировано, то тем самым устраняется грозящая ей опасность тотализации (см. выше). В свою очередь глобалистика не только формулирует определенные закономерности, присущие глобальности в истории человечества (например, возрастающее значение; усиление ее трансформирующей роли), но и содержит в себе описание механизмов, реализующих эти закономерности, преодолевая разрыв в понимании «сущности» и «проявлении» закономерных тенденций истории (может быть, и *Big History*).

Понятийно-категориальная система, раскрывающая базовое понятие «глобальность», образует ядро глобалистики, имеющее над- или трансдисциплинарный характер. Это «ядро» выполняет методологические функции по отношению к дисциплинам, изучающим глобальную проблематику: их интегрирует, дает дополнительное знание, выполняет функцию передаточного звена и т.д. Эти дисциплины, тяготеющие по своей проблематике к ядру, ныне образуют многодисциплинарный *конгломерат*, который в будущем может стать *комплексом*, если «ядро» будет эффективно выполнять свои функции, а близкие частные дисциплины перестроятся свое не только проблемное, но и предметное поле. Поэтому вполне обоснованно определять глобалистику и как *отдельную науку, и как множество наук*.

В итоге глобалистика рисуется в перспективе как проблемная (оптимизация баланса «со» и «раз» параметров эволюции) область, включающая наддисциплинарное «ядро» и многодисциплинарный комплекс, создаваемый на базе соседних дисциплин. Такая структура и организация весьма сходна с экологическим знанием, как оно сложилось в последние десятилетия XX века.

«Ядро» глобалистики (или ее наддисциплинарный сегмент), кажется, ложится в русло быстро развивающегося семейства дисциплин, изучающих самые разнообразные объекты (природу, общество, человека), или, говоря иначе, в новую универсалистику, или в так называемые Меганауки (А. Крушанов). Ее становление служит примером *продолжающегося наукогенеза* и противоречит по меньшей мере идее «конца или смерти/науки». Пример глобалистики показывает, как конструирование достаточно абстрактной теоретической науки может избежать ловушки, в которой общетеоретические (в частности – «системные») построения противо-

Раздел II. Иерархия категорий

поставляются эмпирическим (прикладным). Эта ловушка особенно опасна в нынешней ситуации, когда усиливаются призывы «отбросить абстракции» и «заняться конкретикой».

Примечания

¹ Что позволит придать большую строгость предлагаемым категориям.

² Общение как деятельность появляется на следующем (3-м) уровне в связи с характеристикой субъекта.

³ Подробнее см.: Чешков М.А. Глобалистика: путь самоопределения // Клуб ученых «Глобальный мир». ИМЭМО, Институт микроэкономики. М., 2002. Том 4. С. 44, 66.

⁴ Поэтому-то здесь нет принципа единства, то есть целого.

⁵ Системология позволяет разделять целое и целостность так, что второе понятие признается важнейшим, но все же отдельным свойством системного объекта (ср. «сложность» и «усложнение» — «complexity» and «perplexity»).

⁶ Необходимо идею целостности соотнести с понятиями Целого и Части.

⁷ В терминологии В. Цимбурского, но в другом, геополитическом смысле.

⁸ Подробнее см.: Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 1999.

⁹ Учитывая при этом его вариабельность.

¹⁰ Ср. две стороны одного понятия — стоимость, в которой меновая стоимость выражает всеобщие свойства, а потребительская — особенные/единичные.

¹¹ Здесь глобалистика близка оптимологии, этой общенаучной и трансдисциплинарной области знания, описывающей наилучшие, худшие, наихудшие ситуации.

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

Процесс глобализации, понимаемый прежде всего как усиление взаимосвязанности мира, начал активно развиваться еще в 70-80-х годах прошлого столетия. Однако дискуссии вокруг глобальных проблем развернулись и переросли в то, что можно назвать Глобальным Диспутом (*Global Talk*), лишь в последнее десятилетие. В ходе такого рода обсуждений и споров знание о мировых и глобальных феноменах становилось все более объемным и разнородным, включая сюда и его научную разновидность, которая обнаруживала явную тенденцию сложиться в особую область или направление социально-гуманитарного научного знания – глобалистику. Процесс перерастания знания в собственно научное и последнего в глобалистику – вот тот стержень, который объединяет различные темы предлагаемого обзора. Подобное движение познания в целом и научного познания в особенности происходит в ситуации, когда совершенно ясно, что глобализация действительно имеет место, но совсем не ясно, что представляет собой этот процесс и какими будут его последствия¹. Попытка разрешить данное противоречие – между глобализацией и глобалистикой – и является основным сюжетом настоящего обзора, в фокусе которого – взгляд на глобализацию через призму знания о ней.

Проводимый анализ охватывает двадцать с небольшим работ – книг и журнальных статей. По сравнению с тем валом литературы, который нарастал все 90-е годы, эта цифра кажется ничтожной. Действительно, в круг обозреваемых публикаций попало не более 10-15% изданий, которые вошли в обширную библиографию, прилагаемую к хрестоматии по проблемам глобализации², и примерно 25% работ, упомянутых в сборнике, который посвящен проблематике глобального гражданского общества³. Тем не менее, обозреваемая литература, как мне кажется, в достаточной степени представительна, поскольку включает в себя как наиболее важные и продвинутые в теоретическом отношении работы, так и авторов самых фундаментальных теоретических разработок в области проблем глобализации, о чем можно судить хотя бы по списку исследователей, приведенному в статье Роланда Робертсона и Хабиба Хондкера⁴. В этом списке фигурируют имена Арджуна Аппадурай, Ульриха Бека, Энтони Гидденса, Мартина Олброу, Элизабет Кинг, Маргарет Арчер, Кениши Омае, Майка Файерстоуна, Зигмунта Баумана, Дэйвида Хелда и других ученых, представляющих различные дис-

Раздел II. Иерархия категорий

циплины – от экономики и социологии до политологии и культурологии. В то же время нами выбранный подход – рассмотрение глобализации через глобалистику – вынуждает оставить без внимания такие острые темы, как роль национального государства, специфика политики, управление глобализацией, требующих специального изучения. По той же причине опущена фундаментальная проблема соотношения глобализации и модерна.

Обзор построен таким образом, чтобы охватить главные параметры глобализации: процесс, структуры, агентов, или шире – субъектов. Эти параметры рассматриваются под углом зрения их теоретического познания, поэтому основные акценты сделаны на самых насущных концептуальных проблемах: что такое глобализация? каковы ее «продукты», представленные в концепциях мирового/глобального общества, и акторы, представленные в концепции глобального гражданского общества? как выглядит глобальная культура через призму универсализма и партикуляризма? наконец, каково состояние научного знания о глобализации?

Что такое глобализация?

Понимание сущности этого процесса, его причин, исторических рамок, характера и последствий стало предметом самых острых дискуссий. Так, сущность глобализации определяют в широком диапазоне – от понимания ее как интенсификации мировых социальных отношений, сближающих самые отдаленные места и события (Э. Гидденс), или акцента на сжатие мира и возрастающее осознание мира, как целого (Р. Робертсон), до представления о ней как социальном процессе, который размывает географические ограничители социокультурных установок и по мере развития которого растет понимание того, что эти ограничители действительно ослабевают (М. Уотерс)⁵. Развернутое определение глобализации мы находим у М. Арчер, которая видит в ней многосторонний процесс, ведущий к нарастающей мировой взаимозависимости структуры, культуры и субъекта и сопровождающийся стиранием традиционных границ⁶. Короче говоря, глобализация предстает как взаимосвязанность или, точнее, взаимовстроенность различных элементов целостного мира.

Такие трактовки глобализации выражают важнейшую сторону данного процесса, смысл которого, однако, как справедливо замечают некоторые исследователи, понятен лишь в более широком контексте. Причем контексты могут быть разными. Это, например, совокупность основных сдвигов либо мегатрендов современной эпо-

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

хи (в духе описания Джона Несбита), или всеохватывающий процесс развития, или глобальная социальная трансформация (И. Валлерстайн). Пожалуй, в наиболее широкой форме контекстуальное видение намечено Робертсоном в его характеристике глобализации как некоего условия человеческого существования (*global human condition*), которое не сводимо к отдельным измерениям жизни и деятельности человека⁷. В таких определениях представления о глобализации растворяются, на мой взгляд, в предельно широких теоретических контекстах, а процесс глобализации соответственно контекстуализуется. Если определения, приведенные в начале раздела, кажутся односторонними, то в последних формулировках упущен из виду тот факт, что глобализация, как замечает М. Арчер, все-таки есть часть мирового социально- и культурно-исторического процесса⁸.

Итак, налицо существенное расхождение в представлениях о глобализации как социально-историческом процессе, тогда как разброс мнений в понимании причин глобализации не столь велик. Таковыми обычно считают важнейшие тренды современности (информационно-коммуникативные связи, технологические новации, мировые финансовые связи/институты), становление индустриализма с одновременным усилением интернационализации и даже рост «обменов». Отсюда и резкое расхождение в фиксации временных рамок данного процесса. Его исходным пунктом провозглашают и рубеж XV-XVI веков, и середину XIX, и последнее десятилетие XX столетия. Точно так же разноречиво и понимание самого характера процесса, который видится как необратимо детерминированным, так и вероятностным и даже недетерминированным, как стихийным, так и поддающимся управлению.

В меньшей степени заметны различия в понимании последствий глобализации. Если природа глобализации мыслится весьма по-разному, то ее последствия, как правило, оценивают определенно негативно, а то и попросту как катастрофические. Глобализация принимает вид «спирали уничтожения» (У. Бек) и даже носителя абсолютного зла. Правда, звучат и более трезвые ноты. Особенно когда, прежде чем дать определенный ответ, задаются вопросами: что несет с собой рождение нового мира и новой экономики в ходе глобализации – рост, макроэкономическую и социальную стабильность или, напротив, нестабильность? Как неравенство в доходах, в частности между квалифицированным и неквалифицированным трудом, сказывается в ситуации, когда глобализация открывает широкий доступ к местному рынку для мировой конкуренции? В какой мере возрастающая мобильность капитала способствует вытеснению местного труда? Усиливается или ослабевает экономи-

Раздел II. Иерархия категорий

ческая безопасность? Как складываются отношения между странами с различными институтами и ценностями и как эти отношения воздействуют на деятельность местных социальных сил?⁹. Такое дифференцирующее видение последствий неизбежно возвращает исследователей (Д. Родрик) и публицистов к вопросу: результатом чего является интернационализация рынка – непосредственно глобализации или действия рыночных сил вообще?¹⁰ Ответ на этот вопрос крайне сложен: надо развести логически и исторически рынок и глобализацию, вычленив глобализацию из ее контекста. Но необходимые операции подобного рода подменяются спорами, предмет которых не столько глобализация, как таковая, сколько ее последствия. Что касается последних, то, например, У. Бек считает, что бесполезно говорить об опасностях, которые несет глобализация, ибо она тесно переплетена с социальными и этническими конфликтами, искажающими ее природу¹¹.

Если такой ответ обоснован, то из него следует, что, вопреки усилиям самого Бека, вычленив представление о глобализации невозможно как с онтологической, так и с познавательной точки зрения. А это означает, в свою очередь, что если понимание как последствий, так и природы глобализации невозможно отделить от контекста, то возникает своего рода тотализирующая (М. Арчер) концепция глобальности¹². Решение вопроса о последствиях затрудняется и тем, что нередко в одном ряду располагают факторы, связанные как с неравенствами, так и с различиями, причем располагают их таким образом, что различия автоматически переходят в статус неравенств (как это демонстрирует известная концепция Самьюэла Хантингтона). Трудность разведения обоих параметров (различия и неравенства) усиливается тем, что в разных дисциплинах акцентируются разные «последствия» глобализации. Скажем, экономисты подчеркивают ее унифицирующее воздействие (при разной оценке унификации), а культурологи, напротив, в порядке «ответа» – рост различий и разнообразия. Что касается политологии, то она в этом отношении менее однозначна, указывая и на интегрирующие, и на фрагментирующие моменты данного процесса.

В наши дни и последствия, и природа глобализации все чаще оцениваются как многозначные и вероятностные. Хотя такая констатация и тривиальна, но все же полезна теоретически: скажем, признается, что вызовы глобализации несут в себе возможность своеобразных ответов, к примеру, стимулируя активную политику национального государства, которое может, по Беку, одновременно и опираться на собственные традиции, и реализовывать возможности для подъема (и даже обновления) национальной экономики, если только у лидеров достает воображения¹³. Тем самым в общей рам-

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

ке «вызовы – ответы» глобализация уже не выглядит игрой с нулевой суммой в отличие, как замечает Бек, от правил игры, свойственных капитализму¹⁴. Эти новые возможности проявляются, в частности, в том ответе, который страны Восточной и Юго-Восточной Азии дают на вызовы глобализации. Горан Терборн характеризует этот «ответ» как действия, основанные на самосознании, самостоятельном выборе, ориентированном на экспорт и освоение новых технологий¹⁵. В целом же, как подчеркивает видный экономист Пол Байрох, невозможно определить, являются или нет нынешние негативные тенденции эволюции мира последствиями глобализации¹⁶. Ясно, что даже в экономических исследованиях, более строгих, нежели проводимые в рамках других общественных дисциплин, пока невозможно получить внятное представление о том, к каким результатам приводит *собственно* глобализация, а значит, и ответ на вопрос, *что такое* глобализация, хотя, повторю, сдвиг к более полному видению и более взвешенным оценкам ее последствий очевиден.

Сохраняющиеся разброс и противоречивость оценок обусловлены во многом тем, что анализ глобализации разворачивается в столкновении различных общественно-научных дискурсов. Понятие глобализации в той или иной его версии встроено в структуру соответствующего дискурса и даже (как считают некоторые авторы) конституирует таковой¹⁷, но в то же время, подчеркну, это базовое понятие со всеми его недостатками неизбежно трансформируется в элемент дискурсивного мышления. В ходе дискуссии выдвигались различные наборы основных дискурсов, в том числе и такие, где речь скорее шла о темах, нежели о видениях глобализации или же об отношении к глобализации различных акторов глобального гражданского общества. Основная трудность при выделении базовых дискурсов заключается в том, чтобы уловить, как всеобщая идея глобализации воспринимается и формулируется в *различных* контекстах – обществах, культурах, регионах и пр. Преодолеть эту трудность стремятся Робертсон и Хондкер, предложившие схему, которая включает четыре дискурса¹⁸.

В первом из них глобализация преломляется в различных цивилизационных и региональных средах, где особо активную роль в ее восприятии играет так называемая индигенизированная наука. В рамках этого дискурса, подчеркивают авторы, идет поиск своего проекта глобализации, который должен послужить основанием альтернативы ее нынешней форме. Важно, что такие поиски находят отражение даже в антиглобалистских настроениях, например, у французских интеллектуалов, опирающихся на материалы Тропической Африки. Исследователи, работающие в русле этого дискурса, справедливо подметили также различное семантическое

Раздел II. Иерархия категорий

звучание, которое осмысление глобализации получает в разных языковых средах.

К группе политико-идеологических дискурсов относится в первую очередь та их разновидность, которая ориентирована на «официальную», рыночную версию глобализации. Однако сторонники такого подхода сосредоточивают свои усилия не на самой глобализации, а на характеристике разнообразных сил, выступающих против нее. Эти силы состоят как из правых, разделяющих веру в глобальный капитализм, так и из его местных противников, отрицающих новый мировой порядок – этот символ, по их мнению, глобализации. Взгляды последних конвергентны по отношению к традиционным левым, интернационалистским идеям.

В набор дискурсов включена и феминистская позиция, которую от «маскулинной» отличают склонность к более целостному видению мира, меньшее внимание к экономическим и большее – к экологическим проблемам. Этот набор, которому, пожалуй, не хватает точного определения общих критериев для выделения основных позиций, представляет интерес по следующим причинам:

- дискурсы не имеют четкой географической привязки, но как бы пересекают и охватывают одновременно и Север, и Юг;

- за дискурсами просматриваются политические конгломераты, подобные тем, что выявляются при описании глобального гражданского сообщества;

- хотя дискурсы выглядят далекими от рациональности и их столкновение напоминает «диалог глухих», тем не менее за этим диалогом просматривается некая общая рамка, которая позволяет за альтернативой глобализации увидеть ее особый вариант.

Пройдя через призму дискурсивного сознания, представление о глобализации претерпевает существенные трансформации. С одной стороны, понятие глобализации приобретает признаки (и это подчеркивают многие авторы) клише, бессодержательной фразы и превращается то ли в идеологию, то ли в мифологию, когда глобальность выглядит громадным внешним и все подавляющим монстром¹⁹. С другой стороны, это представление в своих содержательных параметрах становится все более разнообразным и множественным, ставя перед научным сознанием, и, в частности, дисциплинарными дискурсами, проблему: понимать сущность данного феномена как единичную или как множественную?

Все более широким и неопределенным становится это первоначально узкое понятие, что, как полагает Ян Бартелсон, полезно для научного познания²⁰. Я присоединяюсь к этой оценке, но с одной поправкой: полезно для *нынешней фазы* становления научного знания о глобализации.

Следующий круг проблем, поставленных в Глобальном Диспуте, связан с пониманием двух других, помимо процессуального, параметров глобализации: структурного и субъектного²¹. Если структурное измерение проявляется при обсуждении концепции мирового/глобального общества, а субъектный (*agency*) параметр продуктивнее рассматривать в связи с проблемой глобального гражданского общества, то оба этих параметра, вместе взятые, становятся понятны лишь в контексте глобальной культуры. Все эти параметры удобно расположить в проблемном поле мирового/глобального общества.

Мировое/глобальное общество

Насколько неопределенным в ходе дискуссии остается понятие глобализации, настолько же концептуально определенным выглядит представление о продукте этого процесса – мировом, или глобальном, обществе (М. Олброу, У. Бек). Таковое предстает в описании Бека аморфным, фрагментированным, дезинтегрированным, включающим две неравновесные разновидности: основную, порожденную активностью ТНК, и дополняющую ее, которая представлена совокупностью государственных образований. В этой концепции дезинтегрированность мирового общества объясняется отсутствием всеобщих государственных институтов, что в общем звучит убедительно. Бек понимает процесс глобализации как создание сети самоподдерживающихся связей и различных социальных пространств, как рождение многомерной ткани взаимных переплетений и обязательств, образуемой транснациональными отношениями. Он подчеркивает, что эти связи и отношения дают «новое качество», но остается непонятным, почему связи порождают *несвязанность*. Такое противоречие генезиса и структуры Бек обозначает формулой «невзаимосвязанная взаимосвязь»²², диалектической, но требующей большей ясности как в понимании этой связи, так и в определении рождающейся структуры через понятие «общество». Подобное определение заставляет самого Бека вводить еще одно понятие – «общность», при этом он не уточняет, как соотносятся эти две категории и их реальные референты. Мне же за новым понятием видится референт несистемного класса.

Полемика вокруг концепции глобального общества сосредоточилась, однако, не на этих кардинальных в теоретическом плане вопросах, а на других, тоже, впрочем, достаточно значимых. Среди них в первую очередь следует назвать проблему, условно говоря, организации этого общества: сохраняется ли в нем иерархия и стратификация типа Центр – Периферия, или же возникает новое

Раздел II. Иерархия категорий

образование, в котором решающую роль играют «сети» и «потоки»? В дискуссии одна из противоборствующих позиций основывается на идее сохранения иерархическо-стратифицированной организации, которая восходит к эпохе Модерна, воспринимаемой критикой левого толка как знак империализма, неоколониализма, вестернизации и т.д. Сторонники другой позиции, избегая жестких идеологических определений, подчеркивают, что сетевая/поточная организация ныне важнее отдельных структурных единиц, заключая даже (М. Кастеллс), что потоки важнее организации, что именно они и есть базовые единицы неформальной глобальной экономики²³.

На мой взгляд, противоречивые и даже взаимоисключающие черты мирового общества (связанность – несвязанность, иерархия – потоки/сети, общество – общность, системность – несистемность) нуждаются в фундаментальном теоретическом объяснении. Необходимо уяснить, чем являются эти свойства, а с ними и представления о глобальном обществе в целом: симптомами переходности данного общества или же нормой его «ставшего» состояния? Ссылка на пригожинский принцип совмещения несовместимого, используемый Беком, методологически полезен, но требует содержательно-предметной теоретической конструкции на уровне более высоком, нежели эмпирическая генерализация, на которой и построена концепция мирового/глобального общества. В такой познавательной ситуации облик этого общества и пути его дальнейшего становления вырисовываются скорее из деятельности его субъектов – агентов и акторов, что выводит дискуссию к другой важной теме того же круга – глобальному гражданскому обществу, Уточню: речь пойдет о субъектах мирового гражданского общества, то есть особого измерения общества; поэтому было бы необоснованно характеристики субъектов гражданственности прямо переносить на субъектов социальности.

Концепцию глобального гражданского общества, весьма популярную в прошедшем десятилетии, можно было бы считать очередным «неологизмом», особенно учитывая, как признает Энтони Гидденс в предисловии к книге «Глобальное гражданское общество», ее туманность²⁴. Однако этот видный британский социолог подчеркивает и полезность данной концепции, поскольку она призвана установить баланс двух процессов – падения роли государства и резкого возвышения рынка²⁵. К тому же эта концепция, не будучи исключительно нормативной, выходит на прикладной уровень, где идея глобального гражданского общества выражена в трех измерениях (гражданственность, информационность, участие) и даже в количественных показателях. Удача авторов упомянутой книги в

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

том, что они связали свою идею с представлениями о глобализации в трех ее версиях (рост глобального капитализма, усиление взаимосвязанности мира, становление глобального сознания). По данным того же исследования, в реальности становящееся гражданское общество и развивающийся глобальный капитализм далеко не одно и то же; оба процесса различаются и регионально. Если судить о глобальном гражданском обществе по отмеченным выше трем измерениям, то процесс его становления особенно активен в Северо-Западной Европе, а не в США – центре глобального капитализма. Если же исходить из параметра информативности (распространение Интернета), то США оказываются далеко впереди Европы, которую опережает и Тихоокеанский регион. Отсюда можно заключить, что развитие глобального капитализма позитивно связано, если можно так выразиться, с технологическими аспектами гражданственности. Наконец, по третьему параметру – интенсивности участия в мировых неправительственных организациях, являющихся главным агентом (институтом) глобального гражданского общества, то Латинская Америка и даже Тропическая Африка значительно опережают США, Восточную и Юго-Восточную Азию. Подобные сопоставления заставляют задуматься, насколько полностью указанные параметры характеризуют глобальное гражданское общество. Вместе с тем они делают обоснованным представление о глобализации как процессе, соединяющем, но не сливающим воедино рост глобального капитализма и становление глобальной гражданственности (или глобальной общественной сферы), а значит, и позволяют сделать вывод о нетождественности как обоих процессов, так и понятий «мировое» и «гражданское» общество.

Представление о том, как глобальное гражданское общество воздействует на глобализацию в целом (к сожалению, вне связи с идеей мирового общества), проясняется при изучении позиций, которые агенты глобальной гражданственности занимают по отношению к глобализации. Авторы специально подчеркивают, что речь идет не о социальных акторах, как таковых, а об их отношении к глобализации, которая выступает не только как рост глобального капитализма, но и как становление глобального права. В работе выделены четыре позиции: сторонники глобализации, реформисты, государственники и альтернативисты²⁶. Первая из них объединяет сторонников всех трех версий глобализации, выступающих в поддержку транснационального бизнеса, технологического развития, «справедливых войн», ведущихся в защиту прав человека. Этот контингент, по мнению авторов, входит в состав глобального гражданского общества и в то же время близок верхам общества (мирового? локальных? – М.Ч.). Реформисты делятся на два крыла – на сто-

Раздел II. Иерархия категорий

ронников глобализации, которые стремятся ее цивилизовать, реформировать мировые экономические институты, усилить меры социальной справедливости, расширить систему участия и глобального права, и тех, кто в принципе придерживается такой же ориентации, но выступает за быстрые и глубокие изменения, даже за трансформацию институтов глобализации (идея тотальной социальной трансформации). Третья позиция соответствует взглядам тех, кто хочет вернуться из глобализирующегося мира в мир национальной государственности как основной единицы и агента мироустройства. Они поддерживают рост глобального капитализма, но выступают против открытия национальных границ. В этом едины и правые, и традиционные левые. Альтернативисты, строго говоря, и не за, и не против глобализации, но за свой особый образ или стиль жизни: они выступают против власти денег, за органическую пищу, за невоенное вмешательство в конфликты. Две последние позиции, на мой взгляд, нельзя рассматривать как варианты глобального гражданского общества, особенно альтернативистов, хотя государственники и могут представлять собой особый (этатистский?) вариант гражданского общества на глобальном уровне.

Если же указанные направления выстроить в соответствии с их отношением к глобализации, вернее, к росту глобального капитализма, то первое течение можно связать с капитализмом сверху, а второе в обеих его разновидностях, особенно радикальной – с низовым капитализмом (пользуясь выражением Ричарда Фалька). Что вызывает недоумение, так это принципиальное (!) исключение государства в обеих (и мирового общества, и глобального гражданского общества) концепциях. Если такое отсутствие теоретически необоснованно, то обе концепции повисают в воздухе, поскольку как общество предполагает отношения с государством, так и тем более гражданское общество немислимо без сопоставления с государственной инстанцией. Здесь мы вновь выходим к вопросу об адекватности понятия «общество» реалиям глобализирующегося мира.

Если дискуссия вокруг мирового общества и глобального гражданского общества характеризуется существенным разбросом мнений, то вокруг темы глобальной культуры просто-таки кипят страсти, и взгляды на эту проблему в ходе Глобального Диспута выглядят взаимоисключающими. Причину такой поляризации следует искать, видимо, в реакции на глобализацию со стороны местных культур и цивилизаций. В основе этой реакции лежит представление, что глобализация, реализуя принцип универсализма, неизбежно приводит к культурной гомогенизации мира. В подобном восприятии глобализация отождествляется с универсализмом, а культура – с различиями, что предполагает дихотомию «глобализация –

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

культура». В таком ключе мыслили как левые критики, так и почвенники, особенно в первой половине и середине 90-х годов, хотя уже и в то время (а сейчас все более заметно) проявлялось стремление расшатать или даже снять эту фундаментальную оппозицию.

Здесь возможны разные варианты. Так, постулируется, что универсализм как культурный принцип вовсе не обязательно враждебен локальным культурам²⁷. Эту здравую, хотя и тривиальную идею обосновывают двояко: либо в рамках концепции так называемого плодотворного универсализма (Д. Томлин), в которой универсальность культуры базируется на признании общих интересов человечества, не снимаемых конфликтами и войнами, либо через уточнение понятия «универсализм» как принципа, адекватного культуре в той же мере, что и принцип различия. С другой стороны, универсализм замещают понятием «глобальность», которое отлично от первого, как считает Г. Терборн, тем, что несет в себе вариабельность, взаимосвязанность, коммуникационность²⁸. На этом основании прежняя классическая оппозиция «универсализм – партикуляризм» сменяется оппозицией «глобальное – локальное», в рамках которой «локальное» не тождественно «традиционному», но и не выглядит эпифеноменом модерна, как считает И. Валлерстайн. Некоторые авторы полагают даже, что понятие «локальное» вытесняет понятие «другого» или – шире – инаковости (*the otherness*), свойственное мышлению эпохи модерна. При этом они исходят из того, что в наше время большинство культурных феноменов имеют дело, по Робертсону, с ответами и интерпретациями глобальной системы, как целого²⁹, а процесс глобализации несет в себе и сходства, и различия.

Новое, не дихотомное, а антиномичное осознание взаимосвязи культур конкретизируется в растущем внимании к феноменам гибридности как собственно культурного, так и структурного порядка, выступающим в следующих трех формах: креолизация, метисация и смешение (работы Жана Пьетерса). Еще дальше идет Робертсон, который, основываясь на сленге японских менеджеров, ввел категорию «глокальность». Таковая, по Беку, имеет предметом смесь несовместимых компонентов, не ограниченных определенными временными и пространственными рамками, не лишенных местоположения, но открытых вовне. Этот более менее объемный подход позволяет культурологам и социологам рисовать картину глобальной и глобализирующейся культуры, резко отличную от антиглобалистской схемы, в которой мир предстает как конкуренция и борьба отдельных культур (А. Смит) и цивилизаций (С. Хантингтон).

В противовес такому видению наметилось три подхода, в которых мир последовательно предстает как прогрессирующая интеграция различий (М. Арчер), как совокупность гибридных феноме-

Раздел II. Иерархия категорий

нов либо некая глобальная смесь (Ж. Пьетерс) и, наконец, как сложное взаимодействие различных культур в глобальной или общечеловеческой рамке (Б. Сартр, А. Акивово). В русле этих схем и дискутируется острая проблема идентичности в контексте космополитического сознания и космополитического общества (У. Бек). Подчеркну, что эти картины мира создаются, во-первых, при активизации так называемых индигенизированных видов научного знания и, во-вторых, на основе союза социологии и культурологии.

Проблемы научного знания

В ходе Глобального Диспута формирующееся научное знание столкнулось не только с опасной тенденцией «тотализации» понятия «глобальность», но и с угрозой фрагментации знания по отдельным дисциплинарным отсекам. В каждой из дисциплин не только предлагалось свое, частичное видение глобальных проблем, но и свои оценки этих феноменов, преимущественно позитивные в экономических работах и критические в культурологических исследованиях. В целом же глобальная проблематика стала предметом междисциплинарного, а не меж- или наддисциплинарного знания. Выход к наддисциплинарности не имел сколько-нибудь заметного резонанса, а призывы к теоретическому синтезу различных дисциплинарных подходов не получили широкого отклика. В такой ситуации интеграция научного знания о глобализации происходит преимущественно благодаря лидерской роли той или иной дисциплины: на первых порах установилась гегемония экономических дисциплин, которую ныне оспаривают социология и культурология. Можно говорить даже о союзе двух последних. Но поскольку культурологическое знание признается (У. Бек) эталоном социологического, постольку культурология становится лидером междисциплинарного научного знания. В пользу закрепления за ней статуса лидера говорят и те трудности, с которыми столкнулась социологическая мысль, осваивающая проблематику глобализации.

Суть этих трудностей в том, что ключевое понятие «общество», соотнесенное с процессами глобализации, или становится проблематичным (У. Бек), или даже обесценивается. Так, по мнению М. Арчер, понятие общества уже перестало быть первичной социологической единицей, а идея общества как фокуса социологии бессмысленна³⁰. Кроме того, западная модель общества и социологическое знание вообще теряют свои монопольные позиции и сталкиваются с рядом продуктивных вызовов со стороны разных цивилиза-

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

ций, регионов, контекстов, способных, как признают западные социологи и культурологи, предложить свои (и притом удовлетворительные) определения «глобального условия» человеческого бытия и сознания, новых возможностей³¹. На перекрестке обоих процессов – кризиса классической социологии Запада, все еще стоящей на позициях позитивистского универсализма, и рождения новых, индигенизированных отраслей социологии на Юге – и возникла проблема формирования мировой (international), или глобальной, социологии. Облик и основания этой новой области социологического знания стали предметом острой дискуссии как в научном мире, так и в рамках Глобального Диспута. Фокус изучения глобального направлен на понимание того, как новая социология может решить проблему различий и разнообразий в современном мире, способна ли она сочетать унифицирующие свойства науки с возрастающей ролью культурного и социального разнообразия.

Сторонники одной позиции в этом споре утверждают, что интернациональная, или глобальная, социология есть единая система научного знания, ибо она опирается на идею универсального человеческого разума и на представление об одном мире, единственность (*openess*) которого базируется на реалистически понимаемой онтологии³². Этот постулат призван засвидетельствовать, что есть лишь один мир, одна социология, каковая, по существу, и есть мировая, или глобальная, социология. Другими словами, социология подменяется ее особой отдельной версией, которая и признается социологией по преимуществу, что вполне соответствует тенденции к тотализации не только феноменов глобальности, но и научного знания о них. Такая позиция, по мнению, например, М. Олброу, не исключает признания различий, но предполагает их адаптацию и трансформацию³³. Согласно М. Арчер, глобальная социология полагает мир «прогрессирующей интеграцией различий».

Подобные претензии глобальной социологии отвергают те, кто видит в них неизбежное смазывание этнических и культурных различий³⁴. Представители местной социологии, в частности нигерийской (А. Акивово), считают, что категории западной социологии могут быть скорректированы усилиями параллельных или альтернативных местных социологий, которые, возникая на почве локальных культур, способны выразить основные ценности человеческого общества, и в первую очередь его духовное начало³⁵. Особую позицию занимает Б. Сمارт, материалы которого широко использованы в данном разделе обзора. Соглашаясь с тем, что глобализация имеет дело с возрастанием различий, переплетением экономики и политики, транснациональными связями, он заключает, что для понимания всего этого требуется не мировая/глобальная со-

Раздел II. Иерархия категорий

циология, а «иной путь». Он состоит в изучении способов и методов, посредством которых некоторые *общие формы социальной жизни* (адаптация и пр.) в радикально различных контекстах способствуют воспроизводству *конституирующих* различий и разнообразий³⁶. Поэтому социология, по Смарту, должна не изобретать универсальную культуру типа эсперанто, а расширять интеллигивельный дискурс между различными народами, которые (далее по Клиффорду Гиртцу) живут в одном мире и настолько тесно связаны, что какого-то иного образа жизни просто не существует³⁷. Такая позиция противоречива, но не исключает ни глобальной социологии, как таковой, ни идей «прогрессирующей интеграции различий». Скорее все они дополняют друг друга в поисках того единого подхода, в рамках которого «общие формы социальной жизни стимулируют воспроизводство различных контекстов», то есть подхода, необходимого для теории глобальности, но не замещающего ее, если глобалистика не хочет стать знанием обо всем.

В бурях Глобального Диспута научное знание о глобализации, безусловно, становилось глубже: обнаружилось стремление к большей полноте и цельности видения, к поиску закономерностей глобализации, ее собственной логики и динамики посредством введения специальных категорий научно-познавательного характера. И все же в этом бесспорно восходящем движении научное знание пока не смогло решить некоторые фундаментальные вопросы собственного построения. Так, открытым, а то и не поставленным как следует остается вопрос о «множественности глобализаций», что может быть характеристикой либо ее природы, либо ее проявлений в отдельных сферах (экономика, политика и т.д.). Различия между двумя этими аспектами множественности оказываются смазанными общим представлением о плюрализме глобальных феноменов. Поставлен, но далеко не решен вопрос о логиках глобализации, хотя здесь прогресс научного познания пошел дальше, нежели в понимании очевидной многомерности глобальных процессов.

С учетом таких проблем вряд ли можно согласиться с мнением, что изучение глобализации уже сложилось в автономную область с собственной логикой мышления³⁸. Этот вывод может быть оспорен тем, что предмет глобалистики, то растворяясь в контекстах, то сгущаясь в тотальность, все еще довольно неопределенен. Поэтому, видимо, понятие глобализации и получает такую смысловую нагрузку, которая сближает ее с понятиями «тип развития», «цивилизация», «революция»³⁹ и тем самым выводит из сферы научного знания в область социо- или культурософского знания. В таком состоянии представление о глобализации вряд ли может играть роль волшебного ключика, открывающего путь к пониманию современ-

Глобальный мир в работах зарубежных ученых

ных проблем бытия, сознания и деятельности человека, к чему его толкает воспаленное катастрофическо-алармистское и потому тотализирующее сознание.

Тем не менее, положительные результаты Глобального Диспута для научного познания очевидны. Достаточно сказать, что оно преодолевает возрождающееся дихотомическое мышление и, выходя за пределы общественных наук позитивистского толка, способно работать в регистре уже современной, то есть постнеклассической, науки.

Примечания

¹ См.: *Barteison J.* Three Concepts of Globalization // *International Sociology*. 2000. Vol. 15 (2). P. 180.

² Подсчитано по: *Globalization and the Challenge of a New Century: A Reader* / Р. O'Meara, H.D. Mellinger, M. Krain (eds.). Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2000.

³ Подсчитано по: *Global Civil Society: Yearbook 2001*. Oxford, 2001.

⁴ *Robertson R., Khondker Habib Haque.* Discourses of Globalization: Preliminary Considerations // *International Sociology*. 1998. Vol. 13 (1). P. 28.

⁵ См.: *Martin W. C., Beittel M.* Toward a Global Society?: Evaluating Current Conceptions, Methods and Practices // *The Sociological Quarterly* (Berkley). 1998. Vol. 39 (1). P. 139.

⁶ Ibid. P. 142.

⁷ *Robertson R.* Mapping the Global Condition: Globalization. The Central Conception // *Theory, Culture, Society* (London). 1990. Vol. 7. No 2-3. P. 15-30.

⁸ *Martin W. C., Beittel M.* Op. cit. P. 142.

⁹ *Globalization and the Challenge of a New Century*. P. 218-225, 227-239.

¹⁰ Ibid. P. 299.

¹¹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 80.

¹² *Archer M.S.* Dubious Guarantees of Social Science: A Reply to Wallerstein // *International Sociology*. 1998. Vol. 13 (1). P. 10-12.

¹³ Бек У. Указ. соч. С. 197, 214.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Therborn G.* Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // *International Sociology*. 2000. Vol. 15 (2). P. 172.

¹⁶ *Bairoch P.* The Constituent Economic Principles of Globalization in Historical Perspective: Myths and Realities // *International Sociology*. 2000. Vol. 15 (2). P. 212.

¹⁷ *Globalization and Identity: Dialectics of Flows and Closures* // *Development and Change*. The Hague, 1998. Vol. 29.No4.

¹⁸ *Robertson R., Kbondker Habib Haque.* Op. cit. P. 33-38.

¹⁹ Бек У. Указ. соч. С. 92.

Раздел II. Иерархия категорий

²⁰ Bartelson J. Op. cit. P. 191-192.

²¹ См.: Martin W. C., Beittel M. Op. cit. P. 142.

²² См.: Бек У. Указ. соч. С. 148-149.

²³ Bartelson J. Op. cit. P. 191.

²⁴ Global Civil Society. P. 4

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 7-10.

²⁷ См.: Thernborn G. Op. cit. P. 55.

²⁸ Ibid. P. 149.

²⁹ См.: Bartelson J. Op. cit. P. 186.

³⁰ Этот вывод соответствует идее «несоциологической теории общества» (Ален Турэн).

³¹ Pieters J. N. Globalization and Hibridization // International Sociology. 1999. Vol. 9. No 2. P. 161-184.

³² См. концепцию Робертсона: Robertson R. Mapping the Global Condition.

³³ См.: Smart B. Socioiogy, Globalization and Post Modernity: Comments on «Sociology for One World»: Thesis // International Sociology. 1994. Vol. 9 (2). P. 149-160.

³⁴ Ibid. P. 155.

³⁵ Akiwowo A. Indigenous Sociologies: Extending the Scope of Argument // International Sociology. 1999. Vol. 14 (2). P. 130.

³⁶ Smart B. Op. cit. P. 155.

³⁷ Ibid. P. 152.

³⁸ Кстати, это довольно редко встречающаяся оценка состояния глобалистики: как правило, оценки бывают куда более критические.

³⁹ См.: Bartelson J. Op. cit. P. 193.

Послесловие

Подведение итогов или продолжение дискуссии?

Завершая данное издание, мы вновь возвращаемся (см. Предисловие) к работе А.Н. Чумакова «Глобализация. Контуры целостного мира» (М., 2005), подводящей итог почти полувековому существованию глобалистики. Здесь неуместно ни рассматривать ее, ни оценивать этот фундаментальный, итоговый труд. Здесь просто необходимо подчеркнуть те различные перспективы, которые открываются перед глобалистикой, если следовать позиции Чумакова и автора данного издания. Мы имеем в первую очередь различия в определении понятия глобализация и, соответственно, предмета глобалистики. Если с позиций А.Н. Чумакова глобализация определяется как процесс, интегрирующий и дезинтегрирующий мир, то у нас «глобальность» видится как единство соединительных/универсализирующих и разделительно/различающих процессов; соответственно различны предметы – узкий и более широкий. Если у А.Н. Чумакова глобалистика охватывает как глобализацию, так и так называемые глобальные проблемы, то в нашем понимании последние, видимо, не должны включаться в предмет глобалистики. Добавим: по Чумакову, глобалистика становится через интеграцию различных дисциплин, а у нас – и через интеграцию, и дифференциацию, то есть отделяясь от других дисциплин, в первую очередь по параметру предметности (но не проблемности). Наконец, если рамочная («контекст») теория по А.Н. Чумакову ориентирована – в пределе – на антропокосмоцентризм, то мы придерживаемся скорее исторической ориентации. Говоря коротко: при сходстве вектора видны различия в траекториях динамики этой отрасли знания. Читатель сам должен оценить степень и значимость этих различий, как и вытекающих из них «образов» глобалистики.

Подчеркнем и сходство позиций: глобальные феномены, процессы и пр. равно видятся как естественно-исторические (или, точнее, данные объективно) и равно не сводятся к идеологемам. Наконец, сходно и понимание центральной задачи нынешней глобалистики: разработка системы категорий с той, однако, разницей, что А.Н. Чумаков видит решение этой задачи в ближайшие 10-15 лет (с. 403), а мы пытаемся уже сейчас завершить подобную операцию, начав ее 2-3 года тому назад.

Послесловие

И все же различия позиций кардинальны: по Чумакову, глобалистика конституировалась, а по нашему мнению, она далека от такого состояния. Скорее, в глобалистике сложилась такая ситуация, в которой четко видна точка бифуркации: или глобалистика станет «совокупным знанием обо всем», или сложится как особая область научного знания. Работа А.Н. Чумакова представляет некоторый компромисс между этими двумя направлениями, и в этом ее полезность: она предполагает возможность выбора, стоящего перед исследователем. Подчеркнем актуальность проблемы выбора, ибо ряд авторов видят в глобалистике уже сложившуюся автономную область научного знания (И. Бартельсон), считая, что достаточно лишь дополнительной работы для завершения этой конструкции (Ю. Яковец). Наша позиция не стимулирует, по меньшей мере, такого оптимизма, но нацеливается на продолжение «строительства» по принципу конструирования этой области научного знания. В то же время, и здесь наша работа звучит в унисон Чумакову: любая версия глобалистики может быть лишь в диалоге со всеми формами познания.

Научно-образовательный форум по международным отношениям — неправительственная некоммерческая организация, созданная для содействия научным, образовательным и просветительским программам, нацеленным на формирование в России современного профессионального сообщества международных и политологов.

Под нынешним названием Форум работает с 2000 года. В 1996-1999 годах он был частью Московского общественного научного фонда.

Директор Форума
Алексей Богатуров

С 1996 года Форум дважды в год проводит зимние и летние школы по международным отношениям и политологии для университетских преподавателей и научных сотрудников исследовательских центров России и стран СНГ.

С 2003 года Форум издает журнал «Международные процессы».

Одновременно в рамках своих программ и приоритетов Форум поддерживает межрегиональные исследовательские коллективы.

За время работы Форум опубликовал 13 монографий и сборников, среди которых:

Системная история международных отношений. 1918-2003. События и документы. В 4-х томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том I (520 с.) и том II (274 с.). М.: Московский рабочий, 2000; том 3 (720 с.). М.: НОФМО, 2003; том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2004.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

М.А. Троицкий. Трансатлантический союз. Трансформация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. М.: НОФМО, 2004. 252 с.

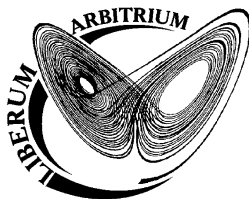
А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталеv. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.

Сайт Форума: <http://www.obraforum.ru>

Адрес: 125009, Москва, Газетный пер., д. 9, строение 7, офис 16

Телефон: (095) 790 73 94, факс: (095) 202 39 34

E-mail: info@obraforum.ru

LIBERUM ARBITRIUM
СВОБОДА ВЫБОРА

На эмблеме Форума изображен «аттрактор Лоренца» — фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор

д.пол.н., профессор *А.Д. Богатуров*,

заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН

«*Международные процессы*» — первый российский научный журнал, посвященный теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов — сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание РФ.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объем рукописей представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должна превышать 40 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается три раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям при поддержке Фонда Макартуров.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала «Международные процессы» по каталогу агентства «Роспечать» за 1 полугодие 2006 г. — 46768

<http://www.intertrends.ru>

International Trends

Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by *Alexei D. Bogaturov*, Institute of International Security Studies,
Russian Academy of Sciences

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

"International Trends" welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 40,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published three times a year by the Academic Educational Forum on International Relations with financial support from the John D. and Catherine T. MacArthur Foundation

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

ЧЕШКОВ Марат Александрович
Глобальность как научное знание. Очерки теории и категори-
ального аппарата

Научное издание

Лицензия № 05681

Подписано в печать 25.08.2005. Формат 60х90 ¹/₁₆

Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 500 экз. Заказ 000. Первый завод. Распространяется бесплатно.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5

ЧЕШКОВ Марат Александрович
Глобальность как научное знание. Очерки теории и категори-
ального аппарата

Научное издание

Лицензия № 05681

Подписано в печать 25.08.2005. Формат 60x90 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура School Book, Text Book.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.
Тираж 500 экз. Заказ 000. Второй завод. Цена договорная.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГП «Облиздат», 248640, Калуга, пл. Старый торг, 5